

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 2
(апрель–июнь)

2017

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 2
(APRIL–JUNE)

2017

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№2 (10) (апрель–июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2017
№2 (10) (April–June)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2017

Содержание:

Владимир КОНДРАТЬЕВ. Конец глобализации, или к новому капитализму	5
Петр ЯКОВЛЕВ. Стратегические альтернативы развития российской экономики	23
Наталья ТРАВКИНА. «Трампизм» во власти: противостояние продолжается	39
Наталья ТРАВКИНА. 150 дней президентства: Армагеддон Дональда Трампа	54
Петр ЯКОВЛЕВ. Европа перед выбором: исторические развилки иберийских стран ...	68
Максим ПОТАПОВ, Александр САЛИЦКИЙ, Нелли СЕМЕНОВА, Чжао СИНЬ, Алексей ШАХМАТОВ. Присвоит ли Запад подъем Китая?	83
Тимофей ДМИТРИЕВ. Демократия как символический порядок современности: версия Клода Лефора	95
Иллариия БАЧИЛО. Дееспособность государства и проблемы управления	113
<i>Рецензия на книгу: Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка / Пер. с англ. К.М. Королева. М. 2017</i>	
Authors	122
Abstracts and Keywords	123

Contents:

Vladimir KONDRATEV. The End of Globalization: towards a New Capitalism	5
Petr YAKOVLEV. Russian Economy Development: Strategic Alternatives	23
Natalia TRAVKINA. Trumpism in Power: Continued Confrontation	39
Natalia TRAVKINA. 150 Days of Presidency: Armageddon for Donald Trump	54
Petr YAKOVLEV. Choice before Europe: Historical Options for the Iberian Countries	68
Maksim POTAPOV, Aleksander SALITSKY, Nelli SEMYONOVA, Alexey SHAKHMATOV, Xin CHZHAO. Will the West Take Credit for China's Growth?	83
Timofey DMITRIEV. Democracy as a Symbolic Order of Modern Society: Claude Lefort's Version	95
Illariya BACHILO. State Capacity and Problems of Governance	113
Authors	122
Abstracts and Keywords	123

УДК 316; 008; 338; 327

Владимир КОНДРАТЬЕВ

Конец глобализации, или к новому капитализму

Аннотация. В последнее время в экспертной среде, бизнес-кругах и СМИ заговорили о конце глобализации. Толчком к этому стал Brexit, в котором увидели признак разворота в отношении как европейской, так и глобальной интеграции. Но модель глобализации, получившей мощное ускорение с конца 1980-х годов, начала давать сбои задолго до британского референдума. И вызвано это не только ростом социального неприятия глобализационного процесса, но и новыми экономическими факторами. В статье анализируется воздействие таких факторов, как цифровые технологии, децентрализация глобального управления, изменение роли транснационального бизнеса и др.

Ключевые слова: глобализация, транснациональные корпорации (ТНК), глобальные компании, мировая торговля, потоки капитала, цифровые технологии, глобальное управление.

Последние тенденции

Последние 200 лет под глобализацией понималась растущая интеграция между ведущими западными странами и остальным миром с помощью потоков денег, товаров, услуг и рабочей силы. Однако сейчас, впервые после 1945 г., может произойти отступление от глобализации в этом виде. Эксперты предполагают, что мир вошел в новую фазу послевоенного развития экономики. Сторонники национальной идеи говорят, что глобализация обогатила только элиты и что государство должно стимулировать национальных производителей, ограничивая глобальные потоки людей, товаров и капитала.

В последнее время в экспертной среде, среди представителей частного бизнеса и в СМИ заговорили о конце глобализации. Голосование граждан Великобритании за выход из ЕС часть специалистов считает одним из признаков разворота в отношении к глобальной интеграции. Brexit, несомненно, вверг в смятение рынки, обменные курсы и умы. Но модель глобализации, которая развивалась в последние 200 лет, стала меняться задолго до британского референдума.

Исторически все более тесная экономическая интеграция стимулировалась взаимными компромиссами между странами, способствовавшими формированию глобальной экономики за счет ущемления национальной экономической политики. Это выра-

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.

жалось в росте прямых иностранных инвестиций и глобальной торговли, в большей мобильности рабочей силы и, на определенном этапе, сопровождалось более высокими темпами глобального экономического роста.

Однако в наше время темпы роста глобального ВВП снизились — с 6% в 1960-е годы до 3% в 2015 г. Доля прямых иностранных инвестиций в совокупных инвестициях также стала снижаться, несмотря на рост их абсолютных значений. Наиболее впечатляющими являются изменения в динамике международной торговли, которая всегда была отличительным признаком процесса глобализации. Так, с 1960 по 2008 г. отношение объема торговли к ВВП выросло на 35 процентных пунктов, а за последние пять лет — всего на 0,2 процентных пункта [Bhattacharya].

Указывают также на рост протекционизма, с одной стороны, и повышение трудовых издержек в развивающихся странах, куда ранее выводилось производство из развитых стран, — с другой, что приводит к возвращению (решорингу, релокации) обрабатывающей промышленности в страны происхождения. В этих условиях компании вынуждены пересматривать свой взгляд на глобализацию, использовать иные показатели и разрабатывать новые инструменты корпоративной стратегии. Как отмечал председатель совета директоров компании GE Джеф Иммельт, «настало время резкой смены стратегии перед лицом протекционизма. Необходимо локализовать производство. В будущем устойчивый рост потребует развития локальных компетенций в рамках глобального присутствия» [Bhattacharya].

Однако правильнее, по всей видимости, говорить не о конце глобализации, а о совершенно новой ее стадии, характеризующейся переформатированием всех сложившихся ранее пропорций.

Если взглянуть на глобализационные процессы со времен промышленной революции, в них можно выделить несколько этапов. Первый этап начался в 1800-х годах и был связан с изобретением паровой машины и последующей электрификацией Западной Европы. Эта стадия была резко прервана Первой мировой войной.

Следующий этап глобализации начался в 1950-е годы с внедрением технологий массового обрабатывающего производства и выстраивания экспортных цепочек поставок на новых рынках, главным образом американскими компаниями. Этот этап закончился к середине 1970-х годов, когда разразился нефтяной кризис. В конце 1980-х годов наступил третий этап глобализации: использование интернета позволило осуществлять аутсорсинг низкокзатратных обрабатывающих производств и услуг, а также формирование глобальных цепочек стоимости. Завершился этот этап с началом финансового кризиса в 2008 г.

Хотя каждая стадия глобализации имела свои особенности, все они базировались на одной и той же модели, состоящей из трех элементов:

1. Новой технологии, освоенной одной или несколькими странами с целью роста объемов производства и производительности;

2. Наличие экономического «полюса» (Западная Европа, США, Китай — на каждой из этих стадий соответственно), который становился локомотивом глобального роста и на который приходилось от 20 до 25% роста ВВП и до 15% роста мировой торговли, что, в свою очередь, подпитывало экономический рост в других странах — торговых партнерах;

3. Благоприятной системы глобального управления, стимулировавшей трансграничные потоки капиталов и торговли и рост ВВП благодаря стабильным правилам игры.

Вместе эти три элемента сформировали своеобразный замкнутый круг экономического подъема и растущей глобальной интеграции, обеспечивая преобладание глобальной экономики над национальной политикой.

В настоящее время мир, по всей вероятности, находится на пороге четвертого этапа глобализационного процесса. На этом этапе на экономику будут воздействовать новые факторы.

Цифровые технологии трансформируют мировую торговлю. Передовая робототехника, искусственный разум и аддитивная обрабатывающая промышленность — эти технологии могут драматично снизить издержки производства по мере все более глубокого внедрения [Keller].

Функциональные возможности роботов и уровень их программирования непрерывно возрастают, позволяя производить с их помощью все более сложные продукты. Полностью автоматизируя процессы сборки там, где в настоящее время доминирует ручной труд, роботы смогут в ближайшем будущем стимулировать перенос сборочных операций из регионов с дешевой рабочей силой. Это вызовет глубочайший сдвиг, подрывающий глобализацию.

Прогресс аддитивных технологий, известный как 3D-печать, еще более снизит эффекты глобализации. Традиционные методы обработки требуют использования отдельных пресс-форм для каждого вида продукта (вызывая дополнительные капитальные издержки). 3D-принтеры позволяют продуцировать множественные проектные решения на одном и том же оборудовании. В результате экономия на масштабах уже не играет такой роли, как в традиционной обрабатывающей промышленности. По мере совершенствования и более широкого распространения 3D-печати может произойти реверс специализации и стандартизации существующих цепочек снабжения, которые сформировались в последние десятилетия.

Сжатие стоимостных цепочек — как по протяженности, так и по числу производственных узлов (центров) — сокращает объемы глобальной торговли, поскольку все меньшее число стран и предприятий вовлекается в один и тот же производственный процесс.

Разумеется, на пути новых технологий встают определенные препятствия. Например, максимальные потенциальные возможности 3D-печати будут достигнуты тогда, когда

на одном оборудовании можно будет производить продукт из нескольких различных материалов. Для этого может понадобиться несколько лет. Более того, печать металлических деталей до их пор остается достаточно дорогим удовольствием, чтобы получить широкое распространение. Роботы, в свою очередь, требуют расширения функциональных возможностей и увеличения скорости программирования. Энергетические издержки производства при использовании роботов остаются достаточно высокими. Учитывая относительно длительный срок службы оборудования, его замена роботами потребует продолжительного времени и будет постепенной.

Хотя новые технологии и не подорвут полностью преимущества дешевой рабочей силы, они сократят возможности для индустриализации, диверсификации и экономического роста ряда стран. торговля станет приобретать все более региональный характер по мере того, как производство будет мигрировать в страны потребительского спроса. Страны с высоким уровнем образования и сравнительно дешевой рабочей силой, такие как, например, Мексика, потеснят конкурентов с низкой заработной платой и станут кластерами новой обрабатывающей промышленности. возить товары из отдаленных регионов мира окажется невыгодным, региональные объединения типа НАФТА станут настоящей альтернативой глобализации.

Странам среднего уровня доходов (той же Мексике) регионализация торговли даст ощутимые преимущества. Но многие более бедные — страны Восточной и Центральной Африки, а также ряд государств Юго-Восточной Азии, намеревавшихся заменить Китай в качестве следующих дешевых производственных кластеров — могут столкнуться с ограничением и даже со стагнацией экономического роста. Развитые страны, опираясь на новые технологии, начнут отказываться от удаленных регионов с дешевой рабочей силой и организовывать производство ближе к своим рынкам сбыта. в наилучшем положении окажутся те, что еще не начали индустриализацию.

Выиграют на этом этапе генераторы новых технологий: США, Северная Европа, часть Азии (включая Японию и Южную Корею). Китай, по всей вероятности, также сможет воспользоваться своими преимуществами. Его мощная инженерная база, сильное центральное правительство, политика стимулирования национального технологического развития, не говоря уже об агрессивном приобретении иностранных технологических компаний, могут выдвинуть страну на передний край новой индустриальной эры.

Хотя Китай все еще находится на стадии перехода от низкостоимостных к высокостоимостным отраслям обрабатывающей промышленности, он уже способен избежать негативного воздействия затухания глобализации.

Цифровые технологии оказывают влияние на глобальную торговлю по трем направлениям. Во-первых, они изменяют производительность и конкурентоспособность. По некоторым расчетам, использование цифровых технологий в обрабатывающей промышленности повышает выработку на одного рабочего на 30% и примерно на столько же снижает трудовые издержки в таких странах, как Южная Корея, Германия, США и Китай. В результате компании вынуждены пересматривать инвестиционные реше-

ния, сделанные ими на третьей стадии глобализации в отношении размещения производства и формирования цепочек поставок.

Так, компания Adidas уже отреагировала на эти изменения и объявила недавно, что переводит часть своих операций из Китая обратно в Германию, поскольку внедрение роботов позволяет осуществить производство с меньшими затратами. Компания также планирует построить заводы с использованием цифровых технологий во всех важнейших регионах сбыта, обеспечивая наиболее быстрые поставки продукции потребителю [Подробнее см.: Кондратьев, 2016]. По мере развития этой тенденции и вовлечения в процесс других компаний происходит кардинальный сдвиг в торговле глобальными товарами, особенно между развитыми и развивающимися странами.

Во-вторых, в то время как торговля товарами (которая двигала более ранние стадии глобализации) начала стагнировать, торговля глобальными услугами (особенно цифровыми), наоборот, растет. В 2014 г. на них приходилось 24% совокупного экспорта стран ОЭСР, а, например, в 1980 г. — только 18%. Этот сдвиг отражает рост доли стоимости услуг в продукции многих отраслей промышленности, связанный с ростом цифровых технологий, которые стирают грань между товаром и услугой. В авиационной промышленности, например, тестирование проблем авиационных двигателей с помощью удаленной цифровой сенсорной технологии коренным образом меняет практику ремонта самолетов и соответствующие расходы, позволяя отказаться от размещения больших групп механиков во всех аэропортах прилета.

Третье направление связано с информационными технологиями. Особая роль цифровых технологий свидетельствует, что четвертая фаза глобализации будет существенно отличаться от предыдущих. Так, на этой стадии не будет доминирующего экономического полюса, поскольку цифровые технологии не принадлежат одной или нескольким странам, которые могут их использовать в своих интересах. Далее, Если раньше новые технологии вытесняли старые, то цифровые технологии, по всей вероятности, не заменят массовое и низкокзатратное производство — по крайней мере, в обозримом будущем. И не только из-за нехватки квалифицированной рабочей силы (скажем, программистов робототехники), но и из-за стремления защитить рабочие места с помощью более жесткого трудового регулирования, затрудняющего внедрение новых технологий.

Хотя цифровые технологии не заменят старых, они трансформируют условия конкуренции, цепочки поставок компаний, а также повлияют на такие отрасли, как логистика и международный банкинг, который выстроил мощную систему финансирования международной торговли.

Децентрализация глобального управления меняет правила игры. Стабильный набор правил, установленных странами «большой семерки», был краеугольным камнем старой модели глобализации, стимулирующей международное движение товаров и услуг. Теперь ценность открытости подвергается сомнению даже в странах «семерки», что показал референдум о выходе Британии из ЕС. Создание в 1999 г. «большой

двадцатки», включающей и крупные развивающиеся страны, сигнализировало о коренном сдвиге в структуре глобальной экономической власти. Новые члены отличаются от стран G7 уровнем развития и имеют различную структуру экономики (например, государственное доминирование в финансовом секторе и большую долю семейного бизнеса), а также иную экономическую философию (с акцентом на государственное регулирование в противовес свободе рыночных сил). Это означает, что достижение консенсуса по вопросам экономической политики и правил, регулирующих финансовые и торговые потоки, становится достаточно сложной задачей.

Наряду со сдвигами в глобальном управлении — переходом от G7 к G20, происходит процесс децентрализации финансовых и торговых институтов, а также подрыв общих правил игры. В частности, режим свободной торговли, определяемый Всемирной торговой организацией, начинает меняться с развитием региональных и субрегиональных соглашений, таких как Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Региональное всестороннее экономическое партнерство (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP). Число действующих региональных торговых соглашений выросло с 50 в 1995 г. до 280 в настоящее время.

В финансовой сфере появилось несколько новых влиятельных институтов с доминированием Китая и некоторых других развивающихся стран. Это, например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИИВ) и Национальный банк развития (NDB), каждый с уставным капиталом в 100 млрд долл. АИИВ планирует ежегодно инвестировать порядка 10–15 млрд долл., что сопоставимо с деятельностью таких институтов, как Азиатский банк развития, Всемирный банк и Международный валютный фонд.

Более того, повышается влияние отдельных стран и правительств на движение финансовых потоков и правил конкуренции в результате прямой покупки частных компаний, инвестиций в суверенные фонды, а также предоставления субсидий и займов в целях развития приоритетных национальных отраслей. Совокупная стоимость суверенных фондов с 2008 г. увеличилась (несмотря на падение нефтяных цен) с 3 трлн до 7,2 трлн долл., а доля государственных предприятий (в которых государство является мажоритарным акционером) в списке Fortune 500 выросла с 9% в 2005 г. до 23% в 2014 г. [Кондратьев, 2014] Таким образом, государственный капитал постепенно приобретает не меньшее значение, чем частный.

Последние 200 лет под глобализацией, или глобальной интеграцией, на Западе понималась растущая интеграция между ведущими западными странами и остальным миром с помощью потоков денег, товаров, услуг и рабочей силы. Двойное действие цифровизации и децентрализации ломает эту модель. Модель одного экономического полюса, доминирующей технологии и одной системы управления заменяется многополярным диверсифицированным миром. Компании вынуждены иметь дело с множеством экономик, организаций управления, правил и технологий.

В этой новой модели экономический рост будет в меньшей степени определяться глобальной торговлей. Рост развивающихся стран будет больше зависеть от струк-

турных реформ, направленных на стимулирование внутреннего спроса (а не экспорта) и расширение индустриальной базы (особенно для стран-производителей товаров). Это уже происходит в Индии, где наблюдаются высокие темпы экономического роста, несмотря на падение экспорта. В развитых странах и Китае рост будет связан с повышением производительности за счет новых технологий и инноваций.

Оптимизированные глобальные стоимостные цепочки (характерная черта третьей стадии глобализации) будут уступать место стоимостным цепочкам, сочетающим цифровые технологии с более старыми низкзатратными технологиями, что позволит более полно интегрировать товары и услуги и стимулировать рост независимых глобальных платформ в обмен на товары и услуги.

Наконец — и это, возможно, самое главное, — возникновение децентрализованной системы управления приведет к установлению новых, более сложных и изменчивых правил, локальных и региональных, которые потребуют нового баланса между национальными политическими интересами и глобальной экономической логикой. Эти правила будут в значительной степени определяться новыми институтами, такими как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС, решения которых будут направляться интересами отдельных стран и регионов, а не глобальными соображениями.

Изменение роли транснациональных компаний

Еще 25 лет назад казалось, что у глобальной экономики непрерывно растет аппетит. В 1987 г. компания Kentucky Fried Chicken (KFC) открыла свой первый ресторан на площади Тяньаньмэнь в Китае. В 1990 г. компания McDonald's — на Пушкинской площади в Москве. Между 1990 и 2005 г. объемы продаж обеих компаний выросли на 400%. Теперь динамика коренным образом изменилась. Зарубежная прибыль компании Yum, владеющей KFC, достигнув пика в 2012 г., затем упала на 20%. У McDonald's падение с 2013 г. составило 29% [The Retreat...]. В 2016 г. Yum выкинула белый флаг в Китае и продала свой бизнес в этой стране. В январе 2017 г. McDonald's продала мажоритарный пакет акций своих китайских операций местной государственной компании. Эти примеры иллюстрируют наметившийся тренд: мир теряет вкус к глобальному бизнесу.

Его противники рассматривают транснациональные компании (осуществляющие более 30% продаж за рубежом) в качестве отъявленных хищников. Такие компании формируют экосистемы, в которых предстоит жить другим. Хотя на ТНК приходится лишь 2% всех рабочих мест в мире, они контролируют стоимостные цепочки, на которые приходится 50% мировой торговли. В их руках — 40% стоимости фондовых рынков развитых стран и большая часть интеллектуальной собственности [The Retreat...].

Ситуация конца XX в. существенно отличалась от нынешней. Распад Советского Союза, открытость Китая породили у западных компаний чувство эйфории. «Конец истории», провозглашенный Ф. Фукуямой (подразумевалось, что теперь все страны перейдут к демократии и капитализму), многим казался историческим поворотным пунктом

и открытием гигантских возможностей. Бизнесом овладела идея интернационализации потребителей, производства, капитала и управления. Компании с энтузиазмом становились глобальными, скупая конкурентов, обхаживая потребителей и открывая заводы везде, где представлялась возможность. Хотя эта тенденция возникла в развитых странах, вскоре она захватила и крупные компании развивающихся стран.

Эффект был гигантским: 85% стоимости инвестиций транснациональных компаний пришлось на период после 1990 г. В процентах к глобальному ВВП прямые иностранные инвестиции выросли к 2015 г. более чем в 7 раз (рис. 1). В 2006 г. руководитель компании IBM Сэм Палмизано заявил, что глобально интегрированная компания функционирует как унитарная организация: она преодолевает все границы, поскольку ищет возможности интеграции производства и стоимости по всему миру [The Retreat...].

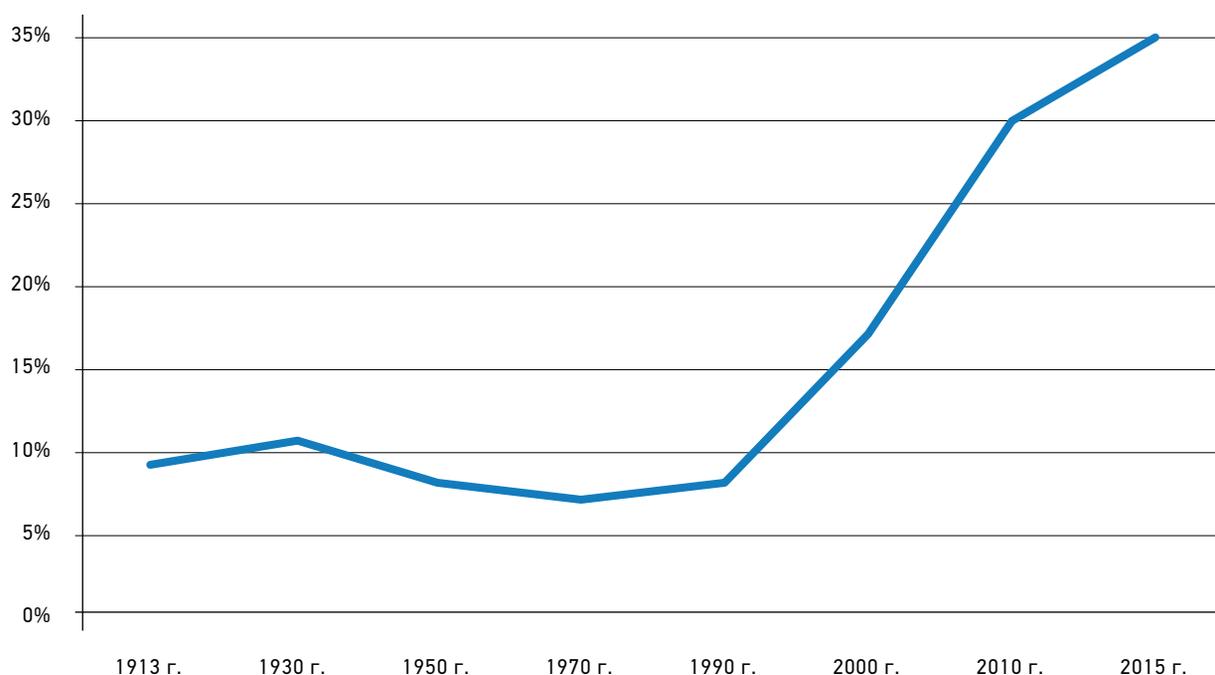

Рис. 1. Стоимость прямых иностранных инвестиций, % к глобальному ВВП

Источник: Arvind Subramanian and Martin Kessler The Hyperglobalization of Trade and Its Future, Working Paper 13-6, July 2013, 66 p.

Теперь же появляется все больше свидетельств, что этот бум подошел к концу. В 2016 г. трансграничные инвестиции международных компаний упали на 10 — 15%. Доля торговли в рамках глобальных цепочек стоимости с 2007 г. стагнирует (рис. 2).

Доля зарубежных продаж западных компаний снизилась. Падают и прибыли ТНК, а объемы прямых транснациональных инвестиций по отношению к глобальному ВВП сокращаются. Таким образом, глобальные компании отстают.

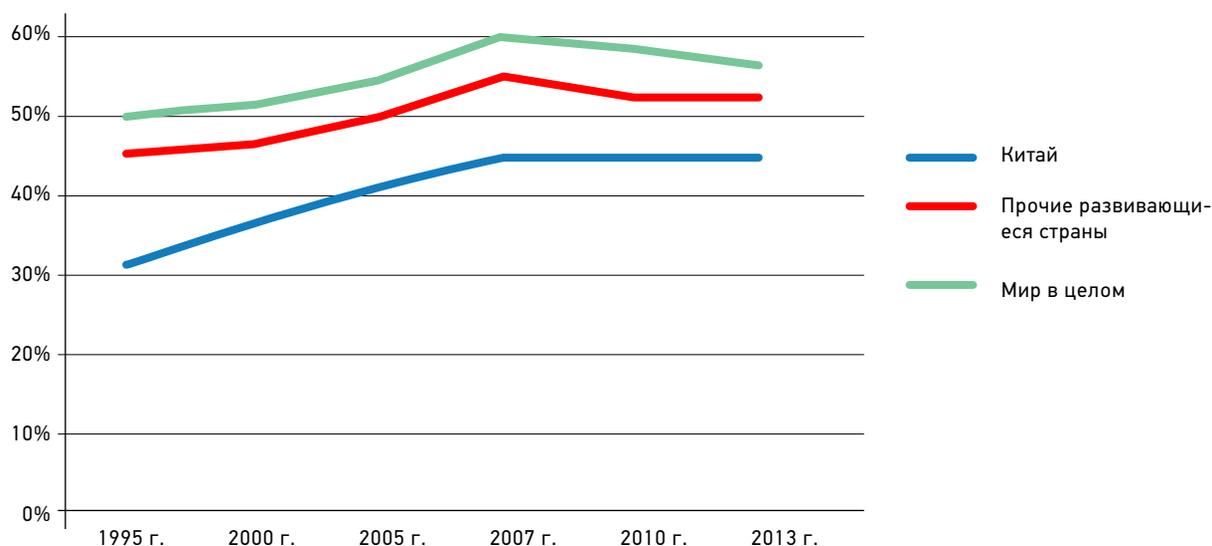

Рис. 2. Доля экспорта в рамках глобальных цепочек стоимости, %

Источник: The Retreat of the Global Economy // The Economist, January 28th, 2017.

Рассмотрим этот процесс с позиций трех субъектов прошедшего глобализационного бума: инвесторов, стран пребывания штаб-квартир глобальных компаний и принимающих стран, которые получали транснациональные инвестиции.

Инвесторы увидели в глобализации громадный потенциал экономии на масштабах. С открытием рынков Китая, Индии и бывшего Советского Союза, а также вследствие либерализации и превращения в единый рынок Европейского союза компании смогли продавать одни и те же товары большему числу потребителей. По мере замены федеративной модели бизнеса на глобальную интеграционную происходила оптимизация поставок сырья и материалов из разных уголков мира. В развитых странах компании черпали управление, капитал, бренды и технологии, в развивающихся — дешевую рабочую силу и сырье, используя также низкие требования к соблюдению экологических стандартов.

Можно было подумать, что глобальные компании будут быстро развиваться и бесконечно генерировать прибыли. Однако теперь это не так. Прибыли 700 транснациональных компаний, базирующихся в развитых странах, упали за последние пять лет на 25% [FTSE...]. Прибыли же национальных компаний за тот же период выросли на 2% [FTSE...].

Анализ платежных балансов иностранных компаний обнаруживает аналогичную тенденцию. Компании со штаб-квартирами в странах ОЭСР показали падение прибыли от иностранных инвестиций за пять лет на 17%. (У американских компаний, пострадавших в меньшей степени, падение прибылей составило 12%, у неамериканских — 20%.)

Динамику прибыли необходимо сопоставлять с динамикой капитала. Средний доход на одну акцию 700 ТНК упал за последнее десятилетие с 18 до 11%. Доход на зарубежные операции всех компаний, как свидетельствуют их платежные балансы, также упал. Для трех стран с крупнейшими транснациональными корпорациями (США, Нидерландов и Великобритании) доход на одну акцию (ROE) от иностранных инвестиций упал до 4 — 8% (рис. 3).

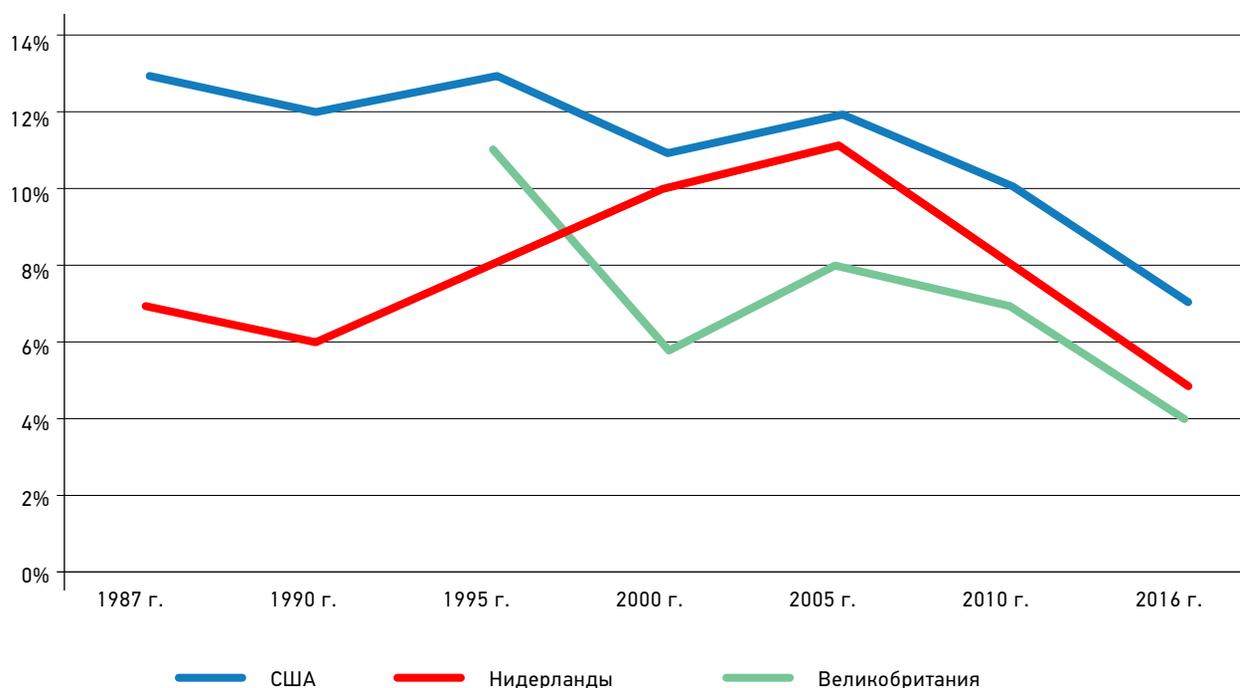

Рис. 3. Норма прибыли на прямые иностранные инвестиции по компаниям ведущих стран, %

Источник: OECD National Statistics.

Транснациональные компании развивающихся стран, на долю которых приходится около 7% глобальных компаний, показали аналогичные результаты: их показатель рентабельности собственного капитала ROE оказался на уровне 8%. Несколько «чемпионов», таких как Lenovo — китайская компания, которая купила часть компьютерного бизнеса IBM и часть «Моторолы», — потерпели финансовое фиаско. Наиболее крупным китайским международным приобретением была покупка канадской нефтяной компании Nexen в 2012 г. В 2016 г. покупатель, китайская государственная энергетическая корпорация CNOOC, вынуждена была от этого приобретения частично избавиться. Пострадали также компании, которые обслуживают процесс глобализации. Так, прибыли датской судоходной компании Maersk, японского торгового дома Mitsui и торговой компании Li&Fung упали с уровня своих пиковых значений более чем на 50% [The Retreat...].

В последние 3 года более половины крупных ТНК зафиксировали падение прибылей. Около 40% не смогли получить ROE выше 10%. Даже у таких гигантов, как Unilever,

General Electric, PepsiCo и Procter & Gamble, прибыли от зарубежных операций сократились на треть по сравнению с пиковыми значениями. Единственным светлым пятном остаются технологические гиганты. Их зарубежные прибыли составляют теперь 46% всех зарубежных доходов 50 ведущих американских ТНК по сравнению с 17% 10 лет назад. Компания Apple получила от своих зарубежных операций 46 млрд долл. — больше, чем любая другая компания, и в пять раз больше, чем General Electric, которая часто рассматривается в качестве американского лидера [The Retreat...].

Эти цифры свидетельствуют, что ТНК уже не являются экономически успешными, как прежде. Журнал Economist провел исследование деятельности 500 ведущих международных корпораций. В 8 из 10 секторов транснациональные компании расширяли свои совокупные объемы продаж медленнее, чем национальные конкуренты. В 6 из 9 секторов ТНК показывали более низкие значения ROE (табл. 1).

Таблица 1

Доход на одну акцию (ROE) у ТНК и национальных компаний, работающих только на внутреннем рынке, % за 2016 г. по отраслям экономики

Отрасли	Работающие только на внутреннем рынке	ТНК
Технологические	15	20
Потребительские	20	11
Промышленные	18	12
Коммунальное хозяйство	6	11
Финансы	10	7
Базовые материалы	8	4
Медийные и коммуникационные	15	3
Энергетика	2	-2
Диверсифицированные конгломераты	10	11
Все сектора	10	10

Источник: Economist.com

У американских компаний показатели ROE на внутреннем рынке теперь на 30% выше, чем на глобальном. Некоторые руководители компаний во всем винят разовые факторы и события: движение обменных курсов, депрессию в Европе, коллапс в Венесуэле, снижение темпов в Китае и т.п. Однако более глубокие причины заключаются в том, что преимущества масштабов и спекулятивных сделок сходят на нет. Глобальные фирмы отличаются высокими накладными расходами; сложные стоимостные цепочки связывают большой объем оборотного капитала; расплывчатая корпоративная структура сложно управлять. А свободные потоки информации означают, что конкуренты могут легче и быстрее, чем прежде, догонять глобальные компании в области технологий и ноу-хау.

В результате компании, ориентированные на внутренний рынок, увеличивают свою рыночную долю. В Бразилии два местных банка, Itau и Bradesco, наголову разбили гло-

бальных кредиторов. В Индии западный оператор мобильной связи Vodafone и индийская ТНК Bharti Airtel теряют клиентов, которые уходят к национальной компании Reliance. В США шельфовые компании теснят глобальных нефтяных мейджоров. В Китае местные бренды отвоевывают продажи глобальной KFC.

Теперь о второй группе — странах со штаб-квартирами глобальных компаний. в 1990 — 2000 гг. они стремились превратить своих «национальных чемпионов» в глобальных игроков. По данным компании McKinsey, в 2007 г. на американские ТНК приходилось 19% рабочих мест, 25% фонда заработной платы, 25% прибылей, 48% экспорта и 74% НИОКР всего частного сектора США [Growth...].

Настроения поменялись после финансового кризиса. Транснациональные корпорации стали рассматриваться как агенты экономического и социального неравенства. Они создавали рабочие места за границей, а не у себя дома. Между 2009 и 2013 г. только 5% из 400 тыс. новых рабочих мест, созданных в США, приходилось на американские ТНК. Прибыли от запасов интеллектуальной собственности попали преимущественно в карманы богатых акционеров и элиты. Политическое желание помогать транснациональным компаниям, соответственно, пропало или ослабло.

В результате система правил, предназначенная для стимулирования глобализации, начала рушиться. Глобальная система отчетности, отмывание доходов и правила банковского капитала разделились на американский и европейский лагеря. Покупка западных компаний теперь часто осуществляется только с разрешения государства с целью сохранения рабочих мест и предприятий. Два возглавляемых Соединенными Штатами торговых соглашения, ТТП (Транстихоокеанское партнерство) и ТТИП (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство), рухнули. Международный суд, который ТНК часто используют, чтобы избежать национальных судов, подвергается атакам.

Типичная транснациональная компания имеет около 500 юридических лиц, часть которых базируется в налоговых гаванях. По американским данным [The Retreat...], они уплачивают налог в размере всего 10% на зарубежную прибыль. Евросоюз старается поднять этот показатель. Уже имело место давление на Люксембург, предоставлявший транснациональным компаниям возможность прятать здесь прибыль. Был наложен штраф на компанию Apple в размере 15 млрд долл. за сокрытие прибылей в Ирландии. США, в свою очередь, запретили крупным компаниям использовать законодательные «дыры» для вывода прибылей за границу, как в случае с фармацевтической корпорацией Pfizer, занимающей третье место в этой стране по размерам зарубежной прибыли.

Республиканцы в Конгрессе США ставили вопрос о возможности изменения налогового кодекса, чтобы уменьшить налоговую нагрузку для экспортеров и компаний, возвращающих прибыль в страну, и увеличить таковую на фирмы, выводящие производство за границу. новая администрация Дональда Трампа уже предостерегла некоторые компании от намерений осуществлять аутсорсинг производственных операций. В январе 2017 г. компания Ford согласилась закрыть свой завод в Мексике и больше

инвестировать внутри страны. Трамп также предупредил компанию Apple, чтобы она перевела большую часть своих стоимостных цепочек обратно в США.

В свою очередь, Китай пытается заставить иностранные компании, присутствующие на китайском рынке, участвовать в генерации «внутренних инноваций». Руководители таких компаний часто жалуются, что их вынуждают открывать в стране производства и передавать интеллектуальную собственность местным китайским партнерам. Многие компании развитых стран опасаются, что и другие развивающиеся страны последуют примеру Китая, склоняя транснациональные корпорации больше инвестировать и создавать у себя рабочие места.

Третий элемент глобализации, принимающие страны, могут стать менее привлекательными по мере сдвига активности к невещным услугам. У 50 американских ТНК 65% зарубежной прибыли генерируется отраслями, связанными с интеллектуальной собственностью. Десять лет назад этот показатель составлял 35%. Постепенно уменьшаются показатели числа новых рабочих мест и экспорта, связанные с деятельностью транснациональных компаний. В 2000 г. на каждый миллиард долларов накопленных иностранных инвестиций приходилось 7 тыс. рабочих мест и 600 млн долл. экспорта; В настоящее время — лишь 3 тыс. рабочих мест и 300 млн долл. экспорта [The Retreat...].

«Звезды» Силиконовой Долины также сталкиваются с проблемами за рубежом. Так, компания Uber в 2016 г. после продолжительной борьбы продала свои китайские активы местному конкуренту. В декабре 2016 г. две индийские цифровые корпорации — Ola (сетевая транспортная компания) и «Flipkart» (интернет-торговля) — потребовали от правительства защитить их соответственно от Uber и Amazon. Они обвинили своих американских конкурентов в стремлении создать на рынке олигополию и вывести прибыли за границу.

Аналогичные трудности транснациональный бизнес испытывал в период после Великой депрессии. Между 1930 и 1970 г. накопленные иностранные инвестиции по отношению к глобальному ВВП упали на треть и восстановились лишь к 1991 г. Некоторые компании, чтобы избежать высоких тарифов, стали строить предприятия в странах, использующих протекционистские меры. Многие реструктурировали бизнес и предоставили полную автономию своим иностранным дочерним компаниям, чтобы придать им локальный характер.

Сегодня транснациональные компании также вынуждены переосмысливать свою конкурентную стратегию. Некоторые из старых аргументов в пользу глобализации устарели. Отсутствие преимуществ обнаруживается при анализе динамики прибыли от производственной деятельности. Более 50% всех накопленных иностранных инвестиций генерируют доход на одну акцию ниже 10%. Ford и General Motors 80% своих прибылей получают в Северной Америке, что свидетельствует о низкой эффективности их зарубежных активов. Недавно «Дженерал моторс» покинула российский рынок, а в марте 2017 г. договорилась с французской компанией PSA о продаже своего евро-

пейского бизнеса Opel/Vauxhall, который с 2009 г. принес компании убыток в размере 9 млрд долл. [Анисимов]

Многие отрасли, которые пытались глобализироваться, оказались более эффективными на национальном или региональном уровнях. Компании розничной торговли, такие как британская Tesco и французская Casino, свернули свои зарубежные операции. То же самое сделали американские телекоммуникационные гиганты AT&T и Verizon. Финансовые компании концентрируются на своем внутреннем рынке. Цементный гигант LafargeHolcim уже продал или собирается продавать свой бизнес в Индии, Южной Корее, Саудовской Аравии и Вьетнаме. Даже успешные глобальные компании испытывают трудности. Так, зарубежные продажи P&G упали на треть с 2012 г., после того как компания закрыла или распродала свои убыточные активы.

По-видимому, в будущем глобальный бизнес составит из трех элементов. К первому отнесем небольшую группу ведущих ТНК, которые будут стараться глубже погрузиться в экономику принимающих стран, чтобы успокоить национальное общественное мнение. Так, General Electric уже локализует свое производство, стоимостные цепочки и управление. Конгломерат Emerson, имеющий около 100 предприятий вне США, получает комплектующие из тех же стран, в которых продает свою конечную продукцию. Некоторые иностранные компании собираются более активно инвестировать в экономику США, чтобы избежать высоких тарифов, если президент Трамп введет их, как это делали японские компании в 1980-х годах. Германский промышленный гигант Siemens уже имеет на территории США 60 предприятий с численностью занятых более 50 тыс. человек.

Политики будут все чаще настаивать, чтобы иностранные компании, покупающие национальные предприятия, сохраняли их национальный характер, включая рабочие места, инновационную активность и налоговые платежи. Например, японская компания SoftBank, купившая в 2016 г. британскую компанию по производству компьютерных чипов ARM, согласилась выполнять такие обязательства. Так же поступила китайская химическая компания Sinochem, купившая своего швейцарского конкурента Syngenta.

Вторым элементом будет тонкий слой цифровых и обладающих интеллектуальной собственностью ТНК: технологических (таких как Google и Netflix), фармацевтических, а также компаний, использующих франчайзинговые сделки с местными фирмами (например, отельный бизнес с его брендовыми компаниями, такими как Hilton и Intercontinental). Поскольку эти «невещные» ТНК создают мало новых рабочих мест, часто формируют олигополистическую структуру рынка и не поддаются протекционистскому регулированию, они во все большей степени будут подвергаться критике в принимающих странах.

Наконец, третью группу составит растущая когорта небольших компаний, использующих интернет-торговлю для продажи и покупки товаров и услуг по всему миру. Например, объемы оборота платежной системы PayPal растут на 80 млрд долл. в год. Джек Ма, руководитель китайской компании Alibaba, предсказывает, что небольшие западные

компании, поставляющие товары китайским потребителям, придут на смену американским фирмам, импортировавшим товары из Китая на протяжении последних 20 лет.

Новый капитализм

По мере развития глобализации возрастало и социальное неприятие этого процесса, поскольку экономический рост в последнее десятилетие обходил стороной большие группы населения. В США не работает каждый шестой мужчина трудоспособного возраста со средним образованием. В Великобритании рост заработной платы значительно отстает от инфляции. Большинство развитых стран сталкиваются с теми же проблемами. По данным компании McKinsey, реальный доход двух третей домохозяйств в 25 развитых странах мира в 2005 — 2014 гг. не рос или даже падал [An open...].

Эти тенденции породили широко распространенное мнение, что открытая экономика выгодна лишь небольшой кучке элиты. Даже ученые и политики, ратовавшие за безграничную открытость, теперь начинают думать иначе. Они всегда знали, что свобода торговли создает победителей и побежденных, но полагали, что такой разрыв — временное явление и что выгоды будут достаточно большими, чтобы компенсировать потери проигравших. Однако исследования последних лет показывают, что, например, интеграция Китая в глобальную торговлю вызвала более серьезные отрицательные последствия для рабочей силы развитых стран, чем предполагалось ранее. Причем те, кто был вытеснен из числа занятых волной импорта из Китая, концентрировались в депрессивных районах, где найти альтернативную работу оказалось практически невозможно.

Проблемы глобализации, финансовый кризис 2008 г., стагнация среднего класса во многих развитых странах и растущее неравенство в доходах породили сомнения в эффективности функционирования современного капиталистического общества. В прошлом столетии доминирующей на Западе (а к концу столетия и в мировом масштабе) экономической парадигмой выступала неоклассическая теория, которая выработала жесткий и узкий взгляд на то, как должен развиваться капитализм, — с акцентом на роль рынка и цен в эффективной аллокации общественных ресурсов. Суть этого взгляда хорошо известна. Рационально действующие в своих интересах компании, максимизирующие свои прибыли; рациональные эгоистичные потребители, максимизирующие свою выгоду. Решения тех и других приводят к соответствию между спросом и предложением; на этой основе устанавливаются цены; рынок все согласует, а ресурсы перераспределяются оптимальным в социальном отношении образом.

Однако в последние десятилетия некоторые базовые установки стали рушиться. Появилось множество подтверждений того, что реальные люди в действительности не ведут себя как *homo economicus*. Стали высказываться сомнения в самом существовании «выгоды» и ее содержания, а это никак не соответствовало утверждениям, что рынок максимизирует социальное благосостояние. Оказалось, что финансовые рынки отнюдь не всегда являются эффективными, а макроэкономические модели, построенные на неоклассическом фундаменте, плохо функционируют, особенно в периоды кризисов.

Консенсус в отношении стимулирования неконтролируемой мобильности капитала стал ослабевать после азиатского кризиса 1997–1998 гг. По мере роста объемов капитальных потоков возрастали и сомнения. В недавней статье «Переоцененный либерализм» экономисты Международного валютного фонда признали, что в некоторых случаях издержки открытия экономики для капитальных потоков превышают выгоды. Например, оказалось, что портфельные и банковские спекулятивные зарубежные инвестиции не вызывают ни экономического роста, ни снижения рисков. Более того, эффект влияния открытости на усиление неравенства оказался гораздо серьезнее, чем предполагалось [Ostry]. Рост экономического и социального неравенства в результате финансовой открытости способен сам по себе подорвать экономический рост, на который и надеялся неолиберализм, пропагандируя такую открытость. Поэтому среди политиков растет понимание необходимости контроля над потоками краткосрочного капитала, который может приводить к финансовым кризисам. Череда финансовых потрясений, начавшаяся в 1980-х годах в Латинской Америке и затем продолжившаяся в Восточной Азии в 1997–1998 гг., заставила пересмотреть неолиберальные догмы.

В упомянутой выше статье авторы выявили 152 «характерных эпизода» (периоды ненормально крупных потоков капитала) между 1980 и 2014 г. в 53 развивающихся странах. Примерно 25% таких эпизодов привели к банковским или валютным кризисам. Кризис евро и банковский кризис в Ирландии продемонстрировали, что подобный синдром не ограничивается только развивающимися странами.

В 2012 г. даже МВФ вынужден был признать, что контроль над финансовыми потоками в качестве временной меры оправдан, когда масштабы притока капитала угрожают финансовой стабильности. Одним из вариантов решения проблемы является так называемый налог Тобина — налог на конвертацию валют пропорционально размерам капитальных потоков. Авторы статьи, посвященной контролю над движением капитала в Бразилии, анализируют введение в этой стране в 2009 г. подобного 2-процентного налога на портфельные инвестиции, направленного на остановку ревальвации реала. Этот налог за короткий период был поднят до 4%, а затем до 6%. В 2011 г. эти меры вместе с введением налога на номинальную стоимость деривативов стали давать эффект и привели к снижению стоимости бразильской валюты [Chamon].

На Западе появились новые работы, в которых доказывается, что не только краткосрочный, но и долгосрочный контроль над капиталом может снижать финансовые риски и повышать экономический рост. Так, М. Клейн (M. Klein) исследовал 10 стран (включая Китай) с так называемыми стенами — долговременным контролем над потоками капитала, и обнаружил в них более медленный рост частного долга по отношению к ВВП по сравнению с прочими 34 странами [Klein].

Э. Халдейн (A. Haldane), главный экономист Банка Англии, отметил, что классическая неолиберальная теория рассматривала экономику как своеобразную детскую лошадь-качалку, которая после воздействия внешней силы неизбежно возвращается в статическое равновесие. Однако то, что мы увидели во время кризиса, полагает экономист, больше похоже на табун диких лошадей, поскольку экономика — это интерактивная

сеть крайне разнообразных по характеру и интересам домохозяйств, компаний, банков, регуляторов и т. п. [Beinhocker]

Долгое время считалось, что чем больше денег у населения, тем более процветающим является общество. Однако в действительности процветание не сводится к монетарным показателям (доходу или богатству). Процветание — это аккумуляция эффективных решений реальных человеческих проблем. В этой связи новые требования предъявляются и к модели экономического развития. Так, главным вкладом бизнеса в развитие общества оказывается трансформация идей в товары и услуги, способствующие решению возникающих проблем.

В 1970 — 1980-е годы работы, основанные на неоклассической теории, утверждали, что единственной целью бизнеса является максимизация стоимости компании для акционеров. Если корпорация достигает этой цели, происходит и максимизация экономической эффективности, а также социального благосостояния. Такая установка базировалась на ложном предположении, что капитал является наиболее дефицитным ресурсом экономики. Это вело к концентрации внимания на решении краткосрочных проблем [Barton]. В реальности наиболее дефицитным ресурсом для решения общественных проблем являются знания [Cristensen]. Повышение акционерной стоимости, без сомнения, важно для усиления конкурентных позиций компании. Но это не цель бизнеса, а необходимое (хотя и недостаточное) условие. Некоторые компании это уже осознали или по крайней мере демонстрируют это публично. (Например, компания Google определяет своей целью «организацию глобальной информации и обеспечение ее всеобщей доступности и пользы» [Beinhocker]).

В новых условиях меняется и роль государства. Оно призвано выстраивать экономику, позволяющую стимулировать экономическую активность в решении общественных проблем и подавлять экономическую активность, создающую проблемы, обеспечивая таким образом доверие и кооперацию в обществе. Именно государство способно и обязано усмирить «табун диких лошадей», пока он не растоптал и без того блеклые ростки общественного мира и согласия.

Результатом может стать более фрагментированный, местный, «провинциальный» тип капитализма — вполне вероятно, менее эффективный, однако с более широкой общественной поддержкой. И страстное увлечение глобальными компаниями и глобализацией будет рассматриваться скорее как преходящий эпизод в развитии предпринимательства.

Литература:

Анисимов Г., Агамалова А. PSA обещает вернуть Opel к прибыльности за три года // Ведомости. 7 марта 2017. С. 11. — URL: vedomosti.ru/auto/articles/2017/03/07/680183-psa-opel (дата обращения: 14.04.2017).

Кондратьев В.Б. Возвращение производства или новая индустриализация // Перспективы. Электронный журнал. 2016. №4. С. 99 — 116. — URL: journal.perspektivy.info/; perspektivy.info/print.php?ID=420701

- Кондратьев В.Б.* Государственные компании и банки развития в современной экономике // Глобальная перестройка / Под ред. А. Дынкина и Н. Ивановой. М. 2014. С. 117–147.
- An open and shut case // *Economist*. Oct 1, 2016. — URL: economist.com/news/special-report/21707833-consensus-favour-open-economies-cracking-says-john-osullivan (date of access: 14.04.2017).
- Barton D., Wiseman M.* Focusing capital on the long term // *Harward Business Review*. January–February 2014. — URL: hbr.org/2014/01/focusing-capital-on-the-long-term (date of access: 14.04.2017).
- Beinhocker E., Hanauer N.* Redefining capitalism // *McKinsey Quarterly*. September 2014. — URL: mckinsey.com/global-themes/long-term-capitalism/redefining-capitalism (date of access: 14.04.2017).
- Bhattacharya A., Bürkner H.-P., Bijapurkar A.* What you need to know about globalization’s radical new phase // BCG perspectives. The Boston Consulting Group. July 20, 2016. — URL: bcgperspectives.com/content/articles/globalization-growth-what-need-know-globalization-radical-new-phase/ (date of access: 14.04.2017).
- Chamon M., Garcia M.* Capital Controls in Brasil. International Monetary Fond. 2014. — Mode of access: imf.org/external/np/res/seminars/2014/arc/pdf/chamon_garcia.pdf (date of access: 14.04.2017).
- Cristensen C., van Bever D.* The Capitalist Dilemma // *Harward Business Review*. June 2014. — URL: hbr.org/2014/06/the-capitalists-dilemma (date of access: 14.04.2017).
- FTSE statistics // London stock exchange. — URL: londonstockexchange.com/statistics/ftse/ftse.htm (date of access: 14.04.2017).
- Growth and competition in the United States: The role of its multinational companies // *McKinsey Global Institute*. June 2010.
- Keller R.* The Rise of Manufacturing Marks the Fall of Globalization // *Stratfor. Geopolitical Weekly*. June 7, 2016. — URL: stratfor.com/weekly/rise-manufacturing-marks-fall-globalization (date of access: 14.04.2017).
- Klein M.* Capital Controls: Gates Versus Walls. NBER Working Paper Series. Working Paper 18526. Cambridge MA. 2012.
- Ostry J., Loungani P., Furcery D.* Neoliberalism Oversold? // *Finance and development*. June 2016. — URL: imf.org/external/pubs/ft/fandd/2016/06/ostry.htm (date of access: 14.04.2017).
- The Retreat of the Global Economy // *The Economist*. January 28, 2017. — URL: economist.com/news/briefing/21715653-biggest-business-idea-past-three-decades-deep-trouble-retreat-global (date of access: 14.04.2017).

УДК 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Стратегические альтернативы развития российской экономики

Аннотация. Проблемы российской экономики носят застарелый, хронический характер, а потому не поддаются «простым» макроэкономическим и бюджетно-финансовым решениям. Задача состоит в выработке новой стратегии социально-экономического развития. Существующие в России альтернативные варианты реформирования нынешней модели экономического роста отражают весьма существенные различия в концептуальных взглядах отдельных влиятельных групп российского истеблишмента на будущее страны.

Ключевые слова: Россия, экономическая политика, финансово-экономический кризис, макроэкономические показатели, российская экономика, модель роста, программа ЦСР, «Экономика роста», «программа Глазьева».

Рубеж 2013–2014 гг. стал началом регресса российской экономики. Она утратила устойчивость, осуществила разворот от сравнительно динамичного и стабильного роста в период 2000–2007 гг. к снижению темпов прироста ВВП и ухудшению всех ключевых макроэкономических показателей. Перед страной встала стратегическая задача выработки нового курса социально-экономического развития.

Существует несколько альтернативных вариантов реформирования нынешней модели роста экономики России, отражающих весьма существенные различия в концептуальных взглядах отдельных влиятельных групп российского истеблишмента на будущее страны.

Национальная проекция глобальной нестабильности

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и последующий период медленного и болезненного восстановления хозяйственного потенциала России в условиях глобальной нестабильности вновь продемонстрировали повышенную степень уязвимости отечественной экономики к внешним шокам, ее укоренившиеся структурные перекосы и институциональные слабости. «Российская экономика вследствие высокой зависимости от энергосырьевого сектора, накопленных дисбалансов и диспропорций в большей степени, чем экономики других стран, оказалась подвержена воздействию

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханов, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

кризисных факторов», — подчеркивалось в основополагающих документах правительства РФ [Основные...].

Турбулентные события, имевшие место на глобальных рынках в середине 2010-х годов, включая резкое снижение цен на главные товары российского экспорта, а также усиление геополитической напряженности и введение санкционных ограничений со стороны США и Евросоюза привели к дестабилизации финансовой системы и общей разбалансировке макроэкономической ситуации в РФ. Были ограничены возможности внешнего кредитования, практически перекрыт доступ к новейшим зарубежным технологиям, сокращен импорт многих видов промышленного оборудования. Произошел беспрецедентный для страны отток капиталов. В частности, в 2014 г. из России было выведено порядка 153 млрд долл., а в 2015 г. — еще 57 млрд долларов [Чистый...]. Все это негативным образом отразилось на динамике основных макроэкономических показателей (табл. 1).

Таблица 1

**Макроэкономические показатели РФ
(в % к соответствующему периоду предыдущего года)**

Показатели	2012	2013	2014	2015
ВВП	103,4	101,3	100,6	96,3
Индекс потребительских цен	106,6	106,5	111,4	112,9
Индекс промышленного производства	102,6	100,3	101,7	96,6
Индекс обрабатывающих производств	104,1	100,1	102,1	94,6
Индекс производства продукции сельского хозяйства	95,3	106,2	103,7	103,0
Инвестиции в основной капитал	106,7	99,7	97,5	91,6
Объемы работ по виду деятельности «Строительство»	102,4	98,5	95,5	93,0
Ввод в действие жилых домов	104,7	105,6	114,9	99,5
Реальные располагаемые денежные доходы населения	104,2	103,3	99,0	96,0
Реальная заработная плата	107,8	105,2	101,3	90,5
Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата, руб.	26690	29940	32600	33925
Оборот розничной торговли	105,9	103,9	102,5	90,0
Объем платных услуг населению	103,5	102,1	101,3	97,9
Уровень безработицы (в % к экономически активному населению)	5,7	5,5	5,2	5,6
Экспорт товаров, млрд долл. США	524,7	521,6	493,6	339,6
Импорт товаров, млрд долл. США	335,4	344,3	308,0	194,0
Средняя цена нефти Urals, долл./баррель	110,5	107,9	97,6	51,2

Источник: Федеральная служба государственной статистики. – Mode of access: gks.ru/(date of access: 24.03.2017)

В 2013–2014 гг. российская экономика резко снизила темпы роста, а в 2015 г. произошло абсолютное падение объема ВВП на 3,7% (по уточненным данным Росстата — на

2,8%) [ФСГС...]. Обрушение мировых цен на углеводороды и другие сырьевые товары российского экспорта повлекло за собой обесценение рубля, обменный курс которого по отношению к доллару США упал с 34,4 в июле 2014 г. до 65,3 в январе 2015 г. и 77,1 в феврале 2016 г. В стране подскочила инфляция (в 2015 г. — почти 13% в годовом исчислении), снизились объемы промышленного производства, строительства и внешней торговли, сократились инвестиции в основной капитал, уменьшились реальные располагаемые денежные доходы населения и оборот розничной торговли.

В 2016 г. Российская Федерация вступила после двух лет фактической рецессии и обвального падения ВВП, рассчитанного в долларах США по официальному обменному курсу. Если в 2013 г. этот показатель достигал 2,15 трлн долл., то в 2015 г. снизился до 1,2 трлн долл. В 2016 г., по данным Министерства финансов и Центрального банка РФ, произошло дальнейшее сокращение экономики. В итоге Россия по объему ВВП пропустила вперед Мексику и заняла лишь 15-е место в мировой таблице о рангах (76-е — по размеру душевого ВВП). Такова суровая макроэкономическая реальность — результат сопряжения неблагоприятных внешних и внутренних обстоятельств.

Россия если и выдержала «нефтяной удар», то лишь благодаря расходованию ранее накопленных валютных резервов и резкому обесценению рубля. Но ее экономическая модель продемонстрировала неспособность эффективно приспособиться к кардинально изменившимся глобальным условиям. Экономические факторы вошли в резонанс с резкими внешнеполитическими решениями, которые затронули связи с рядом стратегически важных партнеров (например, с государствами Евросоюза и Турцией), ускорили «бегство капиталов» и, по существу, перекрыли потенциальные каналы привлечения на российский рынок иностранных инвесторов, способных содействовать диверсификации и модернизации отечественных производственных структур. На грани разорения оказалась туристическая отрасль, ощутимые потери понес сектор чартерных авиаперевозок. Сильный удар был нанесен по сфере капитального строительства — в частности, приостановлен гигантский (стоимостью порядка 20 млрд долл.) проект возведения «Росатомом» турецкой атомной станции «Аккую». Последнее особенно досадно, поскольку речь шла о высоких технологиях. Невыполнение контракта вредит международной репутации российской корпорации — одной из немногих национальных компаний, продвигающих на мировом рынке конкурентоспособные технологии [Яковлев].

Разумеется, нет правил без исключений. Так, по данным некоммерческого партнерства «Руссофт», в 2015 г. объем экспорта российского программного обеспечения (софта) вырос на 16% и достиг 7 млрд долл., что в 2,5 раза превысило уровень 2009 г. (2,8 млрд долларов) [Грамматчиков]. Однако отдельные положительные примеры организации новых несырьевых и высокотехнологичных бизнесов в сложившихся неблагоприятных геэкономических и геополитических условиях не меняют коренным образом общей тревожной картины.

Большие надежды российская власть связала с политикой импортозамещения, ставшей альфой и омегой экономической стратегии на обозримую перспективу. Слов нет, умело используемые механизмы импортозамещения могут (на какое-то время)

придать стимулы хозяйственному росту. Но весь мировой опыт учит, что замещение импортной продукции товарами местного производства — весьма рискованная стратегия, чреватая утратой международной конкурентоспособности. К тому же, как признало и правительство, «импортозамещение в современных условиях требует серьезной работы по улучшению инвестиционного климата. Помимо общих правил, здесь нужен набор очень конкретных действий, точечных мер по поддержке эффективных, конкурентоспособных производств» [Медведев, с. 11].

Рассматривая особенности внешнего воздействия на социально-экономическое положение России, можно выделить три главных фактора, оказавших максимальное влияние на торможение роста отечественной экономики. Во-первых, снижение глобального спроса на основные товары российского экспорта, что вызвало цепную реакцию негативных макроэкономических эффектов. Во-вторых, геополитическое обострение, которое привело к фактическому закрытию для большинства российских предприятий доступа к более выгодному (по сравнению с условиями внутреннего кредитного рынка) заемному финансированию на зарубежных рынках, а также многочисленным ограничениям на получение иностранных технологий. В-третьих, усилившаяся нестабильность, неопределенность и непредсказуемость на глобальных товарных рынках, ярким примером чего явились турбулентные процессы в нефтяной сфере.

Эти факторы, на наш взгляд, приобрели системный характер и поставили перед страной и ее руководством принципиально новые стратегические задачи.

Узел структурных проблем

Негативное воздействие внешних факторов обострило существующие внутренние проблемы, прежде всего структурные перекосы. Кризисные потрясения 2008–2009 гг., а затем рецессия середины 2010-х отчетливо зафиксировали моральный и материальный износ той модели экономического роста, которая сформировалась в России в условиях «расцвета» глобализации и под воздействием стремительного подъема мировых цен на сырьевые товары. Эта модель, которую отдельные эксперты именуют «моделью импортированного роста» [Кудрин, Гурвич], во многом основывалась на массивном притоке в страну ресурсов извне (нефтяные сверхдоходы, иностранные кредиты и займы, прямые и портфельные инвестиции).

Таким образом, было бы неверным гипертрофировать роль внешних эффектов и шоков. При всем их сильнейшем влиянии, в фундаменте тех социально-экономических трудностей, с которыми сталкивается Россия на современном этапе, лежат внутренние механизмы торможения, имманентно присущие самой российской модели роста. Об этом, в частности, говорит тот факт, что замедление отечественной экономики началось еще в 2012–2013 гг. (см. табл. 1), то есть задолго до падения цен на нефть и введения западными странами антироссийских санкций.

Какие структурные дисбалансы и проблемные макроэкономические узлы стали главным препятствием на пути развития российской экономики и социальной сферы?

Во-первых, преимущественно сырьевой характер хозяйства, так называемое «ресурсное проклятие». Несмотря на многолетние настойчивые заклинания на всех уровнях на тему критически важного преодоления слишком сильной зависимости от нефтегазового сектора, Россия по-прежнему присутствует на мировом рынке главным образом как поставщик энергоресурсов и других видов сырья. Это положение не изменилось даже с обвалом цен на сырьевые товары, хотя пропорции несколько изменились (табл. 2).

Таблица 2

Российский экспорт важнейших товаров

Товар	2012		2016	
	млрд долл.	доля в %	млрд долл.	доля в %
Всего	524,7	100	287,6	100
В том числе:				
Пшеница и меслин	4,5	0,9	4,2	1,5
Уголь каменный	13,0	2,5	8,9	3,1
Нефть сырая	180,9	34,5	73,7	25,6
Нефтепродукты	103,4	19,7	46,0	16,0
Бензин автомобильный	2,5	0,5	2,0	0,7
Дизельное топливо, не содержащее биодизель	36,7	7,0	17,6	6,1
Топлива жидкие, не содержащие биодизель	49,0	9,3	15,5	5,4
Газ природный, сжиженный	4,7	0,9	2,9	1,0
Газ природный	63,0	12,0	31,3	10,9
Удобрения минеральные или химические	11,2	2,1	6,6	2,3
Черные металлы	41,0	7,8	14,1	4,9
Медь рафинированная	1,9	0,4	2,4	0,8
Никель необработанный	3,7	0,7	1,7	0,6
Алюминий необработанный	6,5	1,2	5,0	1,7
Машины и оборудование	26,5	5,1	24,3	8,5
Автомобили легковые	1,0	0,2	1,1	0,4

Источник: Федеральная таможенная служба. – Mode of access: customs.ru/(date of access: 24.03.2017)

В 2016 г. на долю нефти, нефтепродуктов, природного и сжиженного газа пришлось 54,5% всего экспорта в стоимостном выражении, что существенно ниже показателя 2012 г. (68%). В то же время удельный вес машин и оборудования в экспортных продажах вырос с 5,1 до 8,5%. Эти данные указывают на определенные (хотя еще и очень слабые) подвижки в структуре российского экспорта в направлении снижения доли углеводородов.

К сожалению, отмеченное увеличение удельного веса несырьевых товаров во многих случаях не сопровождается значимым ростом выручки от их экспорта. Например, стоимостный объем вывоза легковых автомобилей в 2012–2016 гг. «подрос» на 10%,

а доля этого вида товаров в совокупном российском экспорте выросла практически вдвое: с 0,2 до 0,4%. Разумеется, и последний показатель остается крайне низким, поэтому задача наращивания поставок на внешние рынки отечественной продукции обрабатывающих отраслей (прежде всего высокотехнологичной) далека от выполнения и полностью сохраняет свою актуальность.

Минимальные изменения просматриваются в плане расширения круга государств — внешнеторговых партнеров России (табл. 3). В 2012–2016 гг. страновой состав 12 ведущих контрагентов РФ полностью сохранился, но их доля в общем товарообороте несколько снизилась (с 64,8 до 61,1%), что свидетельствует о некоторой географической диверсификации российских внешнеэкономических связей.

Таблица 3

Топ-12 торговых партнеров России (млрд долл.)

2012			2016		
№	Страна	Товарооборот	№	Страна	Товарооборот
1	Китай	87,6	1	Китай	66,1
2	Нидерланды	82,7	2	Германия	40,3
3	Германия	73,9	3	Нидерланды	32,3
4	Италия	45,8	4	Беларусь	25,3
5	Украина	45,2	5	США	20,3
6	Беларусь	35,7	6	Италия	19,8
7	Турция	34,2	7	Япония	16,1
8	Япония	32,2	8	Турция	15,8
9	США	28,3	9	Республика Корея	15,1
10	Польша	27,4	10	Франция	13,3
11	Республика Корея	24,9	11	Польша	13,1
12	Франция	24,3	12	Украина	10,2
13	Топ-12	542,1	13	Топ-12	287,7
14	Весь товарооборот	837,2	14	Весь товарооборот	471,2
15	Доля топ-12	64,8%	15	Доля топ-12	61,1%

Источник: Федеральная таможенная служба. – Mode of access: customs.ru/ (date of access: 22.03.2017)

В основе происходящих сдвигов в географическом распределении внешней торговли России лежат как факторы геоэкономического порядка (например, рост глобального влияния азиатско-тихоокеанских государств), так и геополитические причины — прежде всего «война санкций» между РФ и коллективным Западом. В результате в 2012–2016 гг. доля стран Европейского союза в российском внешнеторговом обороте снизилась с 49 до 42,8%, а для членов АТЭС данный показатель вырос с 24 до 30% [ФТС].

Во-вторых (возвращаемся к основным факторам, тормозящим развитие экономики), несмотря на ввод в действие новых промышленных предприятий — в том числе построенных иностранными корпорациями, — индустриальный рост происходит во многом на старой воспроизводственной базе, за счет активов, созданных еще в совет-

ские времена, и с использованием оборудования, выпущенного в прошлом веке. Как было показано в аналитическом докладе, подготовленном в январе 2017 г. Центром стратегических разработок (ЦСР), 42% производственных мощностей отечественной химической промышленности были введены в строй более 15 лет назад, а в металлургии подобных устаревших мощностей — 53% [Анализ...]. Комплексная технико-технологическая модернизация таких заводов и фабрик в последние десятилетия либо не проводилась, либо ее конечные результаты не соответствуют высоким требованиям сегодняшнего дня. Не удивительно, что большинство российских обрабатывающих предприятий плохо восприимчивы к инновациям и далеко отстают от зарубежных конкурентов по уровню производительности труда и конкурентоспособности на международных рынках.

Так, производительность труда на российских авиастроительных предприятиях (а это приоритетное высокотехнологичное производство, нацеленное на конкурентные международные рынки) одна из самых низких в мире. По этому ключевому показателю лидер отрасли — Российская самолетостроительная корпорация (РСК) «МиГ» — почти в 5,5 раза уступает своему французскому конкуренту, компании «Dassault Aviation» (табл. 4).

Таблица 4

**Производительность труда на предприятиях
ведущих мировых авиастроительных компаний**

№	Компания	Страна	Выручка на одного работника (тыс. долл.)
1	Boeing	США	595,5
2	Airbus Group	Страны ЕС	523,8
3	Bombardier	Канада	406,5
4	Dassault Aviation	Франция	394,6
5	Lockheed Martin	США	366,1
6	Embraer	Бразилия	309,0
7	Finmeccanica	Италия	305,8
8	Israel Aerospace Industries	Израиль	231,2
9	Корпорация «Иркут»	Россия	97,0
10	РСК «МиГ»	Россия	72,1
11	ПАО «Компания «Сухой»	Россия	69,4
12	НАЗ «Сокол» (филиал РСК «МиГ»)	Россия	29,8
13	Hindustan Aeronautics Limited	Индия	23,0

Источник: Эксперт. 2017. № 9. С. 15.

В-третьих, мейнстримом экономического развития стало непропорционально большое государственное участие, а основным рычагом управления — распределение федеральным центром финансовых ресурсов. Согласно экспертным оценкам, в 2005–2015 гг. вклад госкомпаний и государства как субъекта бюджетных расходов в ВВП России вырос с 35 до 70% [Государственное...]. Анализируя тенденции последних лет, Федеральная антимонопольная служба (ФАС) осенью 2016 г. представила доклад о со-

стоянии конкуренции, в котором констатировала, что государство стремительно наращивает присутствие в российской экономике и на деле препятствует формированию конкурентной среды. Другими словами, обеспечение хозяйственного роста в современной России преимущественно зависит от крупнейших государственных и квазигосударственных корпораций, в том числе так называемых естественных монополий. Некоторые из них на практике перестают быть поставщиками государственных услуг для экономики и населения, а превращаются (если уже не превратились) в частные корпорации с монопольными возможностями. Обеспокоенная таким положением дел, ФАС по поручению президента В.В. Путина приступила к подготовке национального плана развития конкуренции [Мереминская].

Мировая практика свидетельствует, что государственные компании часто менее эффективны, недостаточно гибки и слабо мотивированы по сравнению с частными предприятиями. Но есть и примеры конкурентоспособных и успешных госкомпаний (в Малайзии, Норвегии, Чили). Это говорит о том, что все дело в качестве государства, в его способности с максимальной отдачей распоряжаться своей собственностью. Нельзя забывать, что нередко госкомпании выполняют жизненно важные социальные функции, не представляющие значительного коммерческого интереса для частного бизнеса. Проблема степени участия государства в экономике имеет много граней, а ее решение сопряжено с немалыми сложностями.

В-четвертых, настораживает и вызывает законное беспокойство сравнительно вялая системная реакция российской экономики на вызовы четвертой технологической революции и индустрии 4.0. Здесь сложилась весьма противоречивая (можно сказать, *гибридная*) ситуация, чреватая серьезными проблемами в самом ближайшем будущем. С одной стороны, отечественная промышленность, несмотря на все потери, сохраняет значимый научный и технико-технологический потенциал в некоторых ключевых секторах: атомная энергетика, производство вооружений, освоение космоса, программное обеспечение, нанотехнологии и др. (Правда, и здесь далеко не все обстоит благополучно. Например, в компонентах российских космических спутников приборы и модули отечественного производства составляют около 30%, но из-за них случается 95% всех поломок и отказов.) С другой стороны, Россия очевидно проигрывает зарубежным конкурентам в подавляющем большинстве высокотехнологичных товаров, где ее доля составляет всего лишь 0,3% (тогда как аналогичный показатель Германии — 16%, Японии — 30, США — 39%). Согласно оценкам Федеральной службы Роспатент, российский импорт интеллектуальной собственности в 11 раз превышает экспорт [Загашвили, с. 52, 53]. Между тем, как подчеркивалось в конце октября 2016 г. на XX научно-практической конференции Роспатента и Федерального института промышленной собственности (ФИПС), увеличение числа патентных заявок напрямую влияет на динамику экономического развития и рост ВВП [Итоги].

Иллюстрацией заметного отставания России в освоении индустрии 4.0 может служить уровень (или плотность) роботизации отечественной экономики, или, как формулируют специалисты, степень участия отечественных предприятий в происходящей глобальной *роболюции* (*robolution*) [Álvarez]. По данным International Federation of

Robotics (IFR) и Национальной ассоциации участников рынка робототехники (НАУРР), в 2015 г. в России количество промышленных роботов на 10 тыс. работников обрабатывающих отраслей было почти в 70 раз меньше, чем в среднем по миру. При этом разрыв с наиболее технологически продвинутыми странами достигал 300–500 раз (табл. 5).

Таблица 5

Количество промышленных роботов на 10 тыс. работников (2015 г.)

№	Страна	Число роботов	№	Страна	Число роботов
1	Южная Корея	531	14	Франция	127
2	Сингапур	398	15	Финляндия	126
3	Япония	305	16	Нидерланды	120
4	Германия	301	17	Швейцария	119
5	Швеция	212	18	Словения	110
6	Тайвань	190	19	Чехия	93
7	Дания	188	20	Австралия	86
8	США	170	21	Словакия	79
9	Бельгия	169	22	Великобритания	71
10	Италия	160	23	В среднем в мире	69
11	Испания	150	24	Китай	49
12	Канада	136	25	Россия	1
13	Австрия	128			

Источник: IRF. – Mode of access: ifr.org/downloads/press/02_2-16/Pr (date of access: 24.03.2017); НАУРР. – Mode of access: robotunion.ru/ru (date of access: 24.03.2017)

Как отмечалось на страницах газеты «Ведомости», низкий спрос на индустриальную робототехнику в России «объясняется слабой информированностью технического менеджмента предприятий о возможностях роботов», а также инерцией мышления руководства компаний. Кроме того, считают эксперты, на российском рынке современный промышленный робот стоит намного дороже рабочих рук, что снижает мотивацию предпринимателей к широкому использованию робототехники [Кантышев]. Несколько лет назад Агентство стратегических инициатив (АСИ) заявило, что будет разрабатывать программу роботизации отечественной экономики, однако до настоящего времени (апрель 2017 г.) такого документа нет ни у АСИ, ни у профильных министерств.

Наконец, в-пятых, в Российской Федерации сохраняется (а в условиях рецессии даже усугубляется) социально неприемлемый разрыв в доходах между сравнительно немногочисленной привилегированной прослойкой общества и значительной частью населения, практически выключенной из системы современных рыночных отношений. Речь, прежде всего, идет о десятках миллионов россиян с денежными доходами ниже прожиточного минимума (табл. 6).

Таблица 6

Динамика численности населения РФ с доходами ниже прожиточного минимума

Год	Миллионы человек	% населения
2000	42,3	29,0
2001	40,0	27,5
2002	35,6	24,6
2003	29,3	20,3
2004	25,2	17,6
2005	25,4	17,8
2006	21,6	15,2
2007	18,8	13,3
2008	19,0	13,4
2009	18,4	13,0
2010	17,7	12,5
2011	17,9	12,7
2012	15,4	10,7
2013	15,5	10,8
2014	16,1	11,2
2015	22,9	15,9

Источник: Федеральная служба государственной статистики. – Mode of access: gks.ru/ (date of access: 24.03.2017)

Официальные статистические данные показывают, что за последние полтора десятилетия произошла смена трендов: если в 2000–2007 гг. число россиян с доходами ниже прожиточного минимума последовательно снижалось, то с 2008 г. картина стала неустойчивой, а в 2014–2015 гг. имело место заметное увеличение этой категории граждан. Разумеется, установленный правительством прожиточный минимум для взрослого работающего человека, составивший в 2017 г. 10678 руб., сам по себе крайне низок, но и он существенно превышает минимальный размер заработной платы (с 1 июля 2017 г. — 7800 руб.).

Согласно имеющимся экспертным оценкам, в настоящее время за чертой бедности (по весьма сомнительным российским, а не по принятым во всех развитых и многих развивающихся странах международным критериям) находится каждый четвертый работник в России [Кувшинова]. Комментируя сложившуюся ситуацию в социальной области, премьер-министр правительства РФ О.Ю. Голодец подчеркнула: «Та бедность, которая фиксируется в стране — это бедность работающего населения, это уникальное явление: работающие бедные» [Голодец].

Неприлично низкие заработные платы и пенсии большинства россиян выглядят особенно недопустимо на фоне многочисленных фактов коррупции практически во всех эшелонах власти и громадных (даже по меркам очень богатых государств) вполне официальных вознаграждений менеджерам госкомпаний и высокопоставленным

федеральным и местным чиновникам. Данное обстоятельство не только нарушает все общепринятые нормы морали цивилизованного общества и создает атмосферу социальной несправедливости, но и продуцирует крайне негативные макроэкономические эффекты. Главный из них — сжатие внутреннего потребительского рынка, что в последнее время со всей очевидностью тормозило хозяйственный рост, лишало предпринимателей стимулов к наращиванию инвестиций и расширению производства. Между тем спрос — важнейший драйвер экономического развития, и его недооценка чревата отрицательными последствиями.

Стратегические развилки роста

Острейший вопрос — по какому пути пойдет дальше Россия и чем завершится процесс ее общественно-политической эволюции. К сожалению, есть признаки того, что страну (уже далеко не в первый раз за последние сто лет) ожидают серьезные социально-экономические и политические потрясения. Похоже, узкие места ее экономики и социальной сферы, многочисленные проблемы в области образования, науки и техники властные структуры просто не желают замечать. Действуя в ручном режиме, своими не всегда продуманными и наспех принятыми решениями (как, например, в случае с «реформой» Академии наук) они только усугубляют сложившуюся неблагоприятную ситуацию. Своего рода выжидательная тактика правительства Российской Федерации не вселяет особых надежд. Так, исполнение бюджета на 2016 г. не предусматривало проведения неотложных структурных реформ и формирования значимых и альтернативных минеральным ресурсам драйверов экономического роста.

Остановить рецессию был призван одобренный правительством РФ антикризисный план. Но знакомство с его содержанием наводит на мысль о стремлении «менять, ничего не меняя» (документ не содержит предложений по структурным реформам, а ориентирован на продление уже осуществляемых мероприятий: продолжение финансирования госпрограмм, поддержка госмонополий, субсидирование процентов по кредитам промышленных предприятий, а также создание дополнительных мест в общеобразовательных школах). Не менее сомнительно выглядела и брошенная в информационное пространство бывшим главой Минэкономразвития РФ А.В. Улюкаевым идея приватизировать крупные государственные активы с целью пополнения федерального бюджета. Очевидно, что переход в частные руки предприятий, в которые были вложены колоссальные государственные средства, не принесет существенных финансовых ресурсов в период, когда практически все производственные активы обесцениваются. В текущей нестабильной ситуации приватизация только повысит профиль финансово-экономических рисков.

В фундамент экономической политики российского правительства положены концептуальные подходы «Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года», утвержденных его председателем Д.А. Медведевым 14 мая 2015 г. [Основные].

В этом документе были определены цели и приоритеты политики в области социального и экономического развития в среднесрочной перспективе, ставилась задача «к 2018 г. сформировать условия для реализации основных элементов новой модели экономического развития». При этом подчеркивалось, что, базируясь на ускоренном наращивании частных инвестиций с использованием современных технологических решений, «отечественная экономика должна выйти на уровень темпов роста не ниже среднемировых». По мнению правительства, способствовать этому будут увеличение объемов и диверсификация экспорта, а также (в результате политики импортозамещения) снижение доли потребительских товаров и услуг в общем объеме импорта.

Формирование новой модели роста предполагает существенное повышение конкурентоспособности российских предприятий на основе более высокой производительности труда и эффективного освоения других ресурсов, «расширку узких мест» в транспортной и энергетической инфраструктурах, усиление инновационной составляющей продукции предприятий ведущих промышленных секторов, расширение использования преимуществ международной интеграции. В практическом плане в России должны быть реализованы «дорожные карты» развития приоритетных межотраслевых технологий: композиционных материалов, нанофотоники, биотехнологий и т.д. Оценивая усилия правительства и бизнес-сообщества по реализации намеченных планов в 2015–2016 гг., Д.А. Медведев с большой долей оптимизма подчеркнул, что «фактически начал формироваться прообраз новой российской экономики, которая в полной мере должна проявить себя после завершения глобального кризиса» [Медведев, с. 14].

А как оценивает макроэкономическое положение России экспертное сообщество? И главное: какие сценарии дальнейшего развития отечественной экономики предлагают различные (наиболее авторитетные и влиятельные) группы бизнесменов, политиков и ученых?

Работу над стратегией социально-экономического развития страны на 2018–2024 гг. и далее до 2035 г. ведет ЦСР. В середине марта 2017 г. глава Центра А.Л. Кудрин выступил с программой речью, в которой обозначил несколько блоков в жизни России, требующих решительных изменений [ЦСР, ответы...].

Первый блок связан с основными драйверами роста экономики — трудовыми ресурсами, инвестициями в основной капитал и производительностью труда. Докладчик напомнил, что перед страной поставлена задача выйти на темпы прироста ВВП выше 4%, тем самым опередив среднемировую динамику. По мнению экспертов ЦСР, добиться этого можно уже в ближайшие годы, нарастив инвестиции в основной капитал до 21% ВВП (с нынешних 17–18%). Еще один блок относится к уровню технологического развития. Необходимо создать среду, в которой появятся быстрорастущие компании с новой продукцией и новыми технологиями, сообщил А.Л. Кудрин. Третий блок проблем — перестройка институтов власти и управления с целью повышения их эффективности. Речь идет обо всей государственной системе: от судов до надзорно-контрольной деятельности министерств и ведомств.

Вопросам совершенствования институтов в документах ЦСР уделяется специальное внимание. Подчеркивается, что «институциональная структура общества — важнейший элемент и драйвер проведения любых реформ» [ЦСР, институты...]. Вместе с тем признается, что реформа институтов — медленный и болезненный процесс, поскольку связана с изменениями того, с чем постоянно сталкивается каждый человек. Отсюда напрашивается вывод о постепенном эволюционном развитии, возможном лишь при условии сохранения и поддержания макроэкономической стабильности.

С альтернативной стратегической программой экономического развития России под названием «Экономика роста» в начале марта 2017 г. выступили эксперты Столыпинского клуба [Экономика...]. Концептуальные положения и рекомендации стратегии «столыпинцев», ставшей результатом совместного труда бизнесменов-практиков из предпринимательского объединения «Деловая Россия» и специалистов ряда престижных научных центров (Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и др.), частных консалтинговых компаний и университетов, можно свести к следующим пунктам:

- масштабное финансово-кредитное стимулирование экономического роста в отраслях реального сектора;
- докапитализация уже существующих институтов развития (Фонд развития промышленности, Корпорация по поддержке малого и среднего бизнеса, Российский экспортный центр) и создание новых;
- рефинансирование Центробанком коммерческих кредитных учреждений под конкретные хозяйственные проекты;
- государственное содействие как минимум 100 «якорным» мегапроектам, способным вызвать мультипликационный эффект для развития наиболее перспективных отраслей российской экономики;
- создание в российских регионах конкурентоспособных промышленных и сельскохозяйственных кластеров.

Центральное место в «Экономике роста» заняли меры по смягчению денежно-кредитной и бюджетной политики и наращиванию государственных инвестиций с целью создания новых источников дохода. По мнению «столыпинцев», на этапе ускорения экономического роста Россия вполне может себе позволить дефицит бюджета в размере 3% ВВП и суверенный долг порядка 35% ВВП, а также снижение ключевой ставки ЦБ до уровня «инфляция + 2%». Кроме того, в документе предлагалось поддерживать умеренно низкий курс рубля, ввести налоговые каникулы для новых производств, установить предел в 35% налога на коммерческую прибыль, производить вычеты из суммы налогов при приобретении предприятиями нового оборудования. «Нельзя сидеть и дожидаться, когда все окончательно остановится, нужно включать форсаж и вырываться из затягивающей воронки. У нас сейчас именно такой момент — критический и для государства, и для бизнеса. Если не будем расти, мы отстанем, провалимся, и надолго, может быть, даже навсегда», — так прокомментировал пафос доклада сопредседатель «Деловой России» и лидер Столыпинского клуба Б.Ю. Титов [На кого...].

Особое внимание авторы «Экономики роста» уделили обменному курсу российской национальной валюты. По их мнению, в данном случае следует решить две приоритетные задачи: поддерживать «умеренно низкий» курс рубля, что необходимо для стимулирования промышленного производства и экспорта, и обеспечивать стабильность обменного курса, поскольку повышенная волатильность рубля, его резкие обвалы или подъемы — тяжелейшие удары по отечественному бизнесу.

Собственный взгляд на приоритеты макроэкономической стратегии активно продвигает в средствах информации советник президента РФ академик С.Ю. Глазьев, критически оценивающий политику правительства, Центрального банка и считающий, что предложения ЦСР и Столыпинского клуба не годятся на роль эффективного инструмента развития российской экономики. По мнению С.Ю. Глазьева, при сохранении нынешнего курса «Россия рискует скатиться на обочину технологического прогресса и стать набором разрозненных анклавов на периферии американской или европейской экономик» [Срулить...].

Каким же образом, по его мнению, можно избежать негативного сценария и выйти на траекторию опережающего развития?

Ученый предлагает механизм стратегического прорыва, предусматривающий ряд крупных изменений в деятельности органов власти. В частности, выдвигается идея перевести функционирование правительства на технологию стратегического и индикативного планирования. Первое должно указывать наиболее перспективные направления развития экономики с опорой на долгосрочные прогнозы научно-технического прогресса и четкое понимание места и роли России в контексте глобализации. Второе призвано дать ориентиры создания благоприятных условий для наращивания инвестиционной активности и предоставления предпринимателям возможностей воспользоваться этими условиями.

Ключевой тезис «программы Глазьева» — стимулирование производственных капиталовложений за счет «целевой кредитной эмиссии под приоритетные инвестиционные проекты». Автор исходит из того, что основные проблемы в российской экономике вызваны не избытком денежного предложения и связанных с ним финансовых пузырей (как это имело место в США и других западных странах в кризисные годы), а хронической недомонетизацией, острым недостатком кредитов и инвестиций. В связи с этим выход на экономический рост в 4–5% может быть достигнут только при повышении доли капиталовложений в ВВП с нынешних 19–20 до 27%. Причем в целях устранения угрозы инфляционного эффекта кредитная эмиссия должна предназначаться исключительно для наращивания объемов и модернизации производства продукции, пользующейся потребительским спросом, или реализации востребованных инфраструктурных проектов [Срулить...].

Таким образом, принципиальное различие между программами ЦСР, Столыпинского клуба и С.Ю. Глазьева заключается в том, что в первой стратегии делается упор на институциональных реформах и фактически заложен приоритет поддержания макро-

экономической стабильности, а во второй и третьей проводится идея радикального ускорения хозяйственного роста. Мировой опыт подсказывает, что такой макроэкономический маневр в условиях глобального перехода к индустрии 4.0 возможен лишь при очень значительном наращивании человеческого капитала.

* * *

Проблемы российской экономики носят застарелый, хронический характер, а потому не поддаются «простым» макроэкономическим и бюджетно-финансовым решениям. В самом начале 2000-х в России сформировалась «модель импортированного экономического роста», в рамках которой не было места достаточно сильным стимулам для системной модернизации и инноватизации. Рост обеспечивался в основном за счет нефтегазовых сверхдоходов, поскольку их значительная часть трансформировалась во внутренний спрос, позволяя наращивать предложение и потребление и поддерживать макроэкономическую стабильность.

Глобальный кризис 2008–2009 гг. и последующая рецессия на фоне обвала мировых цен на углеводороды и другие товары российского экспорта вынесли приговор «модели импортированного роста» и поставили задачу проведения структурных преобразований и формирования новой парадигмы экономического развития. Ее главным содержанием должны стать опережающая динамика отраслей, связанных с индустрией 4.0, и мотивация к постоянному повышению эффективности всего народнохозяйственного комплекса, а не отдельных его секторов. Только таким путем можно выйти на темпы прироста российского ВВП, превышающие среднемировой уровень. Разумеется, новая «модель опережающего роста» (назовем ее так), способная максимально полно раскрыть колоссальный потенциал отечественной экономики, не может не опираться на радикально модернизированную институциональную базу. Институты должны заработать в полную силу и заменить собой ручное управление народнохозяйственным комплексом. И это — ключевая задача текущего момента.

Литература:

- Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России. М. 2017.
- Голодец попросила Путина повысить МРОТ // Интерфакс. 21 марта 2017. — URL: interfax.ru/russia/554608 (date of access: 24.03.2017)
- Государственное участие в российской экономике: госкомпании, закупки, приватизация. — Mode of access: ac.gov.ru/files/publication/a/8449.pdf (date of access: 21.03.2017)
- Грамматчиков А. Касперский на смену Калашникову // Эксперт. 2016. № 5. С. 18.
- Загашвили В.С. Диверсификация российской экономики в условиях санкций // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 52, 53.
- Итоги XX научно-практической конференции Роспатента и ФИПС: рост числа патентных заявок напрямую влияет на рост ВВП. — Mode of access: rupto.ru/press/news_archive/inform2016/itogiconlastplen (date of access: 24.03.2017)
- Кантышев П. Россия без роботов // Ведомости. 14.11.2016.

- Кувшинова О.* Бедность работающего населения // Ведомости. 15.03.2017.
- Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 12.
- Медведев Д.А.* Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 11.
- Мереминская Е.* Государева доля // Ведомости. 29.09.2016.
- На кого работают стратегии // Эксперт. 2017. № 10. С. 8.
- Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция). — Mode of access: government.ru/media/files/ (date of access: 22.03.2017)
- Срулить с обочины. 27.03.2017. — Mode of access: gazeta.ru/business/2017/03/27/10595417.shtml (date of access: 28.03.2017)
- ФСГС — Федеральная служба государственной статистики. — Mode of access: gks.ru/ (date of access: 26.02.2017)
- ФТС — Федеральная таможенная служба. Экспорт-импорт важнейших товаров за январь-декабрь 2016 года. 08.02.2017. — Mode of access: customs.ru/ (date of access: 20.03.2017)
- ЦСР — Центр стратегических разработок. Институты и общество. — Mode of access: csr.ru/instituty-i-obshhestvo/ (date of access: 24.03.2017)
- ЦСР — Центр стратегических разработок. Ответы на вызовы. 17 марта 2017. — Mode of access: csr.ru/news/otvety-na-vyzovy/ (date of access: 24.03.2017)
- Чистый отток капитала из России в 2015 году снизился в 2,7 раза // Интерфакс. 18 января 2016. — URL: interfax.ru/business/490180 (date of access: 12.02.2017)
- «Экономика роста». Среднесрочная программа развития экономики России (концепция). — Mode of access: stolypinsky.club/economica-rosta/ (date of access: 21.03.2017)
- Яковлев П.П.* Глобальная экономика: прыжок в неизвестность // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 3. С. 99-116. — URL: journal.Perspectivy.info/ (date of access: 19.02.2017)
- Álvarez P.* La 'robolución' ya es imparable // Cinco Días. Madrid. 24.03.2017.

УДК 323; 324; 329

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

«Трампизм» во власти: противостояние продолжается

Аннотация. Вступление Д. Трампа в должность президента США перевело заявленную им «революцию» из области деклараций в сферу реализации. Однако перед новым президентом встала необычная проблема — удержания с трудом завоеванной власти. Первые месяцы президентства Трампа прошли под знаком продолжения и углубления внутренних конфликтов в американском истеблишменте. Тем самым выявилась отчетливая тенденция к нарастанию кризисных явлений, которые затрагивают все ветви власти федерального правительства США — исполнительную, законодательную и судебную.

Ключевые слова: Д. Трамп, внутренняя политика США, президентская кампания, трампизм, администрация Трампа, импичмент.

Первые месяцы пребывания во власти администрации Д. Трампа наглядно очертили те ключевые проблемы, которые принесла в Вашингтон «революция Трампа». Первый ее этап — а всякая политическая революция является прежде всего «вопросом о власти» — завершился неожиданной победой Трампа, который 20 января 2017 г. стал президентом США и приступил к выполнению своих конституционных обязанностей. Но уже в самом начале президентства перед Трампом встала проблема удержания завоеванной с таким трудом власти. Широко растиражированные в американских СМИ утверждения, что президентство Трампа не будет «президентством как обычно», оправдались в полной мере.

Как отмечала газета «Лос-Анджелес Таймс», «демократическая политическая система может существовать только в том случае, если избиратели и их представители могут быть твердо уверены, что система в долгосрочном плане будет устойчивой и самокорректирующейся» [Thornton]. Однако в последние годы эта уверенность оказалась сильно поколебленной, поскольку США втянулись в водоворот межпартийных войн и лобовых идеологических столкновений. Как подчеркивает обозреватель газеты П. Торнтон, республиканцы «настолько цинично и позорно относились к Обаме, что для своего дальнейшего процветания Америка должна каким-то образом вернуться к рациональности, сотрудничеству и диалогу среди политических противников. Вашингтон просто не может функционировать, если две поляризованные политические партии лишь стремятся помешать друг другу».

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривластных исследований Института США и Канады (ИСК) РАН, доктор политических наук; uspolitika@gmail.com.

По сути, с самого начала пребывания у власти администрации Трампа «демократы заняли ту позицию, что каждая инициатива и каждое действие Трампа являются плохими по определению — просто потому, что они исходят от Трампа, и поэтому всем направлениям его политики должно быть оказано мощное сопротивление» [Thornton].

Базовый алгоритм функционирования президентской власти США на протяжении большей части их истории неизменно сводился к тому, что вновь избранный президент получал «медовые 100 дней», в течение которых его политические оппоненты и широкая общественность должны были благосклонно внимать его законодательным инициативам и реформаторским начинаниям и только по истечении этого срока переходить к активной «контрнаступательной стратегии».

В случае администрации Трампа этого не произошло, и свою роль в этом сыграл сам президент, который, едва приняв президентскую присягу, объявил войну «не на жизнь, а на смерть» официальному Вашингтону — «политическому истеблишменту» Америки. Сделано это было в инаугурационной речи Трампа, прямо на ступеньках американского Капитолия. Трамп дословно заявил следующее: «Мы не просто передаем власть от одной администрации к другой, или от одной партии к другой, - но мы передаем власть от Вашингтона, округ Колумбия, и передаем ее вам, американскому народу. Слишком долго небольшая группа в столице нашей страны пожинала плоды своего правления, в то время как на плечи народа ложились все его издержки. Вашингтон процветал, но не делился с народом своим богатством. Политики процветали, но рабочие места сокращались, а фабрики закрывались. Истеблишмент грудью встал на защиту своих интересов, но не своей страны» [The White House. Remarks of...].

Инаугурационных речей подобного рода Америка, возможно, не слышала со времен своих первых президентов, и в американской столице начались полномасштабные сражения.

Перманентная президентская гонка

День президентских выборов в США (первый вторник после первого понедельника в ноябре високосного года) и последующие два месяца «переходного периода» власти от одной администрации к другой служили своеобразным водоразделом между агитационными кампаниями с их грязью, разоблачениями и клеветой и начальным периодом деятельности новой администрации, который традиционно считался священным и неприкосновенным.

Трампизм, понимаемый как принципиально новый феномен американской политической жизни, устранил этот «защитный Рубикон». 9 ноября 2016 г., на следующий день после президентских выборов, в Америке возникла практически никогда до этого не встречавшаяся в ее истории ситуация непризнания итогов выборов и легитимности вновь избранного президента. К моменту же вступления Трампа в должность президента США тезис о его нелегитимности фактически принял форму официальной идеологии Демократической партии США и большей части тех политических сил, которые

на всем протяжении президентской гонки 2016 г. выступали с антитрамповских позиций.

Эту идеологическую позицию в форме своего рода манифеста сформулировал один из ведущих идеологов Демократической партии США, лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман. В редакционной статье, появившейся в газете «Нью-Йорк Таймс» 12 декабря 2016 г. и озаглавленной «Нечестные выборы», Кругман подчеркнул, что «результат выборов не был украден в том смысле, что голоса были неправильно подсчитаны, а их итоги будут пересмотрены. Но их результат, тем не менее, был незаконным по ряду принципиальных причин: победитель был отвергнут общественностью и выиграл голоса Коллегии выборщиков только благодаря иностранному вмешательству и гротескно неадекватному, сугубо партийному поведению правоохранительных органов» [Krugman].

Далее Кругман обрисовал тактику и стратегию действий антитрамповских сил, исходя именно из презумпции нелегитимности Трампа и его администрации: «Очевидно, что г-н Трамп, конфликт личных интересов которого носит беспрецедентный и, вполне возможно, одновременно и антиконституционный характер, намерен развернуть политику США радикально в сторону от предпочтений большей части американского народа, включая заявленный сдвиг во внешней политике в сторону России» [Krugman].

Фактически Кругман призвал к противодействию всем законодательным и иным инициативам Трампа и его администрации на всех уровнях американской государственности. Впоследствии он однозначно резюмировал тезис о нелегитимности Трампа, заявив о том, что «признание Трампа нелегитимным президентом является актом патриотизма» [Vespa].

«Нелегитимность» Трампа очень быстро фактически оказалась встроенной в политическую культуру американской столицы. 14 января 2017 г. конгрессмен Дж. Льюис, один из влиятельнейших политических деятелей от Демократической партии, громко заявил, что он «не считает Трампа легитимным президентом» [Rep. John Lewis]. Дж. Льюис, бессменный член Палаты представителей на протяжении последних 30 лет (с 1987 г.), является «иконой» правозащитного движения США, своего рода Мартином Лютером Кингом сегодня. Общим итогом таких призывов и заявлений явилось то, что на церемонии инаугурации Трампа не присутствовало 67 членов Палаты представителей Конгресса США (естественно, представляющих Демократическую партию), небольшая часть из которых открыто обосновала свое решение заявлениями о непризнании Трампа легитимным президентом [Presidential...].

Принципиально важно отметить, что, по всей видимости, при любом исходе президентских выборов в США 8 ноября 2016 г. одна из сторон не признала бы их результата. Трамп, будучи внесистемным политиком, мало что терял, заявляя о возможном непризнании итогов президентских выборов. Этим он жестко отомстил бы и Демократической, и Республиканской партии — по существу, вашингтонскому истеблишменту, войдя в американскую политическую историю как общественный деятель, впервые в американской истории нарушивший неписанную норму американского конституционного

устройства. Однако, как стало известно спустя примерно три недели после выборов, Х. Клинтон также всерьез обдумывала аналогичное решение и в принципе была готова заявить о своем непризнании итогов выборов, а не сделала этого исключительно по настоянию президента Б. Обамы, который прекрасно осознавал, что непризнание итогов президентских выборов «тяжеловесом» американской политики может явиться колоссальным фактором дестабилизации демократических начал политического устройства Америки, имеющим и серьезные внешнеполитические последствия [Parnas A. Obama...].

Именно этим обстоятельством и объясняется парадоксальный феномен возвращения Х. Клинтон в большую американскую политику после вступления Трампа в президентскую должность. Х. Клинтон и все ее семейство (муж У. Клинтон и дочь Челси) стали появляться на публике, выступать с речами по телевидению. Х. Клинтон повела (в основном через Твиттер) мощную антитрамповскую кампанию, на которую вынужден отвечать 45-й президент США.

Американские обозреватели не без удивления и некоторой растерянности отмечают, что спустя 4,5 месяца после объявления результатов президентских выборов «президентская кампания 2016 г. возобновилась с новой силой. Трамп всю поносит Клинтон. На митингах с его участием толпа дружно скандирует: «Посади ее в тюрьму!» А Клинтон глумится и издевается над Трампом в Твиттере. Бескомпромиссному соперничеству между двумя противниками, кажется, не видно конца» [Parnas A. Trump...]. Причина этого именно в том, что Х. Клинтон и ее сторонники де-факто так и не признали результаты президентских выборов 2016 г. Об этом, в частности, было открыто заявлено помощниками Клинтон во время традиционного «разбора полетов» президентской гонки между руководителями предвыборных штабов двух основных претендентов в Гарвардском университете [Savransky].

Конкретными проявлениями перманентной президентской кампании являются два шага президента Трампа. В конце января он объявил о намерении создать специальную федеральную комиссию во главе с вице-президентом М. Пенсом для выявления возможных подтасовок во время выборов в октябре-ноябре 2016 г. Обосновывая свое решение, Трамп заявил, что к общему количеству голосов, поданных за Х. Клинтон, в подконтрольных демократам административных единицах было приплюсовано от 3 до 5 млн голосов нелегальных иммигрантов, которые не имели права голоса [Fessler]. Создание комиссии подобного рода стало бы беспрецедентным в истории США, хотя в свое время указом президента Б. Обамы в марте 2013 г. была создана специальная президентская комиссия по анализу процесса выборов с целью улучшения и совершенствования организации системы голосования. По мнению американских наблюдателей, комиссия под руководством М. Пенса, скорее всего, активизирует свои усилия в преддверии президентских выборов 2020 г., с тем чтобы «гарантировать» переизбрание Трампа на второй президентский срок. Таким образом, важнейшей чертой трампизма является установление жесткой системы государственного контроля над выборным процессом.

При этом Трамп и его окружение опирались на результаты исследования социологической службы «Пью рисерч сентер» (Pew Research Center), опубликованные в 2012 г.

и вызвавшие большой резонанс в США. Согласно результатам этого исследования, система регистрации американских избирателей страдает тремя фундаментальными пороками. Во-первых, среди избирателей обнаружилось приблизительно 24 млн человек (около 12–13% общего числа зарегистрированных на тот момент избирателей), право которых на участие в выборах должно быть повторно подтверждено. Во-вторых, еще примерно 1,8 млн умерших избирателей по-прежнему числились в избирательных списках. Наконец, в-третьих, примерно 2,8 млн избирателей были зарегистрированы в двух или трех штатах одновременно. Помимо этого было установлено, что примерно 51 млн человек, имеющих право голоса, вообще не фигурируют в избирательных списках [The Pew..., p. 2–4].

Разумеется, результаты этого исследования ни в коей мере не означают, что в ходе президентской кампании 2016 г. власти штатов сумели использовать указанные изъяны в системе регистрации американских избирателей для подтасовки результатов выборов. (Автор упомянутого выше исследования Д. Бекер выступил с категорическим заявлением о том, что при подсчете голосов в президентской кампании 2016 г. не было допущено никаких значительных нарушений или подтасовок [Calfas]). Однако упорядочение системы регистрации американских избирателей, по всей видимости, в состоянии серьезно повлиять на исход президентских кампаний.

В начале марта администрация Трампа, прижатая к стене мощной пропагандистской кампанией по поводу возможного вмешательства России в исход президентских выборов, развернутой либеральными СМИ и демократами в Конгрессе США, была вынуждена прибегнуть к еще одному беспрецедентному шагу. Трамп заявил о наличии у него доказательств, что президент Обама санкционировал прослушивание телефонов в его предвыборном штабе в «Трампа тауэр» в Нью-Йорке осенью 2016 г. При этом он обвинил Обаму в том, что тот следовал примеру печально известного сенатора Дж. Маккарти (1908–1957) [Phippen].

Этим заявлением Трамп потряс политический Вашингтон, ибо, как отметил проф. Вирджинского университета Р. Рили — ведущий специалист по институту президентской власти, в американской истории «не было ни одного случая, когда действующий президент напрямую нападал бы на своего предшественника» [Rendall]. Это и последующие заявления Белого дома в адрес Б. Обамы уже в самом начале пребывания у власти администрации Трампа поставили федеральное правительство на грань полного паралича. Как указал директор Миллеровского центра государственного управления У. Антолис, если «Конгресс не проведет быстрого расследования справедливости утверждений Трампа и не получит доказательств, подтверждающих его правоту (и очерняющих Обаму), то нападки Трампа вряд ли помогут ему провести через Конгресс его законодательную повестку дня» [Antholis].

От нелегитимности до отрешения от власти

С самых первых дней пребывания у власти администрации Трампа антитрамповские силы, главным образом политики Демократической партии, начали активную кампа-

нию за импичмент, а правильнее сказать — за отрешение президента от должности. Едва только Америка узнала имя 45-го президента США, как известный обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Д. Брукс «авторитетно» заявил о том, что Трамп, «вероятно, будет отрешен от должности или уйдет в отставку в течение первого года пребывания у власти» [Brooks]. Однако наибольший резонанс вызвал прогноз известного политолога проф. А. Лихтмана, который сразу же после ноябрьских выборов 2016 г. высказал твердое убеждение в том, что Трамп «подаст какой-то повод для своего импичмента либо путем совершения какого-то деяния, угрожающего интересам национальной безопасности, либо поступка, способствующего его личному обогащению» [Stevenson].

Проф. А. Лихтман получил в США большую известность благодаря своей прогностической модели определения победителя президентских выборов, основанной на 13 параметрах. Он успешно применял свою модель для прогнозирования исхода президентских выборов начиная с 1984 г. и безошибочно предсказал исход 8 президентских гонок до 2012 г., допустив простительный сбой только один раз — в аномальном 2000 г., когда Дж. Буш-мл. стал президентом США фактически по решению Верховного суда. В мае 2016 г. проф. А. Лихтман выпустил очередное издание своей книги «Прогнозируя исход следующих президентских выборов: ключи к Белому дому в 2016 г.», в которой довольно уверенно предсказал победу Трампа в ноябре 2016 г. [Lichtman]

К моменту вступления Трампа в должность в США сформировалось достаточно мощное общественное движение в поддержку его импичмента, петицию о котором спустя два месяца после инаугурации подписали свыше 900 тыс. человек. Основанием для начала процесса отрешения Трампа от должности должен стать конфликт между интересами бизнес-империи Трампа и его ролью президента.

Как сказано в исследовании, проведенном в конце 2016 г. профессором Гарвардского университета Л. Трайбом, сотрудником Брукингского института, послом США в Чехии с 2011 по 2014 г. Н. Эйснером и профессором права Миннесотского университета Р. Пейнтером, «никогда в американской истории избранный президент не имел такого конфликта интересов, обусловленного принадлежанием ему собственностью за рубежом, как Д. Трамп. Принимая во внимание широкие бизнес-интересы Трампа, носящие глобальный характер, многие из которых по-прежнему окутаны завесой секретности, мы не можем предсказать полный спектр правовых и конституционных проблем, которые может породить его президентство». По заключению авторов, Трамп, исполняя обязанности президента, будет «постоянно получать огромные средства от иностранных государств и их агентов от принадлежащих его бизнес-организации сотен объектов собственности» [Eisen, p.2].

Трамп имеет бизнес-интересы в Китае (Промышленный и коммерческий банк Китая, принадлежащий государству, является арендатором помещений в «Трамп Тауэр» в Нью-Йорке), в Объединенных Арабских Эмиратах (несколько объектов недвижимости в Дубае), в Индии (пять инвестиционных проектов), в Индонезии (построена автодорога в курортном районе), в Ирландии (гольф-клуб), в Японии, на Филиппинах (отель), в Шотландии (гольф-клуб) и в Турции (отель в Стамбуле). В частности, именно

последним обстоятельством, по мнению политических наблюдателей, объясняется тот факт, что Трамп в июле 2016 г. поддержал Р. Эрдогана и отмежевался от организаторов неудавшегося военного переворота в Турции [Nelson].

По мнению ведущего американского специалиста по конституционному праву профессора Университета им. Джорджа Вашингтона Дж. Терли, в англо-американской традиции достаточно хорошо прослеживается тяга к импичменту президента во времена социальных и политических потрясений. Сам процесс импичмента определяется как «метод разрешения фракционных споров по поводу легитимности исполнительной или судебной ветвей власти» [Turley, p. 1]. Подробно проанализировав процессы импичмента президентов Э. Джонсона в 1868 г. и У. Клинтона в 1998–1999 гг., а также отставку Р. Никсона в 1974 г., Дж. Терли пришел к выводу, что политические факторы играли гораздо большую роль во всех этих трех случаях, нежели тяжесть совершенных правонарушений. По его заключению, «политическая функция процесса импичмента особенно ярко проявляет себя в импичменте президентов» [Turley, p. 143].

В этом плане в течение ближайших двух лет, вплоть до промежуточных выборов 2018 г., процесс импичмента Трампа представляется крайне маловероятным, ибо трудно допустить, чтобы его отстранила от власти его же собственная Республиканская партия, контролирующая в настоящее время обе палаты Конгресса США.

Сторонники процесса импичмента исходят из того, что отрешение Трампа от должности является скорее формой предотвращения возможных необдуманных шагов или инициатив с его стороны, нежели расплатой за какие-либо реально совершенные правонарушения. Как отмечал в этой связи журнал «Нью Рипаблик», если борьба против «трампизма является формой обуздания его характера и личностных мотивов, то процесс импичмента представляется весьма отдаленным и несовершенным средством достижения этой цели... Самым лучшим средством борьбы с трампизмом являются государственные институты, функционирующие по законодательным нормам или стоящие на их страже — суды, военные и федеральная бюрократия. Судьи, военные и государственные служащие являются самыми надежными силами движения «НетТрампу», которые будут действовать исходя не из идеологических соображений, но из своих обязанностей по соблюдению Конституции» [Heer].

Однако Дж. Терли отметил одну важную особенность процессов импичмента президента: популярность главы государства служит важнейшим заградительным барьером противодействия возможному началу такого процесса. Как указал американский правовед, «непреодолимым искушением для академических исследователей и законодателей является упор на фактор популярности президента как на возможный инструмент противостояния импичменту» [Turley, p. 113].

В этой связи стоит указать, что за два месяца пребывания в должности президента степень общественной поддержки Трампа опустилась с 45% до критически опасного уровня в 37% [Gallup...]. Ни один американский президент, начиная с Г. Трумена, не начинал исполнение своих обязанностей с такой низкой популярности в обществе (у

всех американских президентов после Второй мировой войны она была выше 50%). По мнению сенатора-демократа Ч. Шумера, являющегося лидером демократического меньшинства в Сенате США, падение общественной поддержки до уровня 35% может считаться концом плодотворной деятельности администрации Трампа [O'Keefe].

Главная дилемма Д. Трампа

Трампизм привнес в американскую систему исполнительной власти противоречие между двумя типами управления — бюрократическим и авторитарно-личностным. Второе проистекает из самой сути механизма управления бизнес-империей Д. Трампа, которая на всех этапах ее существования и эволюции являлась семейной. Семейный бизнес имеет фундаментальные особенности, отличающие его от других форм корпоративного управления: неподотчетность собственникам акционерного капитала и упор на кровнородственные связи и отношения в деле управления предприятием, независимо от его размеров и характера деятельности.

Первые этапы формирования президентской команды дали основания многим американским аналитикам и наблюдателям утверждать, что Д. Трамп «управляет США как глава семейной фирмы, имеющий ограниченный круг знаний, не уважающий ни один институт, свод правил и норм, в результате чего в Америке произойдет еще больший раскол общества» [O'Keefe]. Руководство семейным предприятием, стоимость которого измеряется многими миллиардами долларов, накладывает неизгладимый отпечаток на личность человека, стоящего на самой вершине семейно-клановой пирамиды. Именно поэтому Трамп «всегда будет оставаться Трампом, не становясь ни республиканцем, ни демократом» [O'Keefe].

Однако именно традиции семейного бизнеса превратили Трампа в «политика-популиста», благодаря чему он и стал президентом США. Как отметил профессор права Чикагского университета Э. Познер, «именно отсутствие у Трампа политического опыта способствовало успеху его популистской риторики, вызвав к ней доверие широких масс избирателей. Логика его позиции, а также его методы ведения предвыборной кампании и подбора ключевых фигур его администрации наглядно показали, что он практически не владеет никакими другими формами управления, кроме персонализма» [Posner].

Главное противоречие «популистской» администрации состоит в том, что претендент на высшую государственную должность, который вел активную кампанию «против вашингтонского истеблишмента, не может править без этого самого истеблишмента» [Posner]. С момента своего основания в конце XVIII в. институт президентской власти в США был обставлен законодательными и политическими ограничителями. В середине XX в. главным ограничителем «президентского произвола» стала огромная вашингтонская бюрократия. В настоящее время в Америке насчитывается 15 федеральных министерств и примерно 30 крупных агентств, многие из которых, по сути, являются министерствами. В них работает свыше 2 млн служащих, в том числе примерно 740 тыс. человек — в системе министерства обороны США [Fiscal...].

С этой точки зрения американский президент выступает в роли президента крупной корпорации, в рамках которой он вынужден «опираться на колоссальную, могущественную и довольно неповоротливую бюрократическую машину, ибо только с помощью этой машины он может управлять сложным внешним миром за пределами Вашингтона» [Posner, p.3]. Государственные бюрократические структуры по определению отвергают персоналистский стиль управления, когда президент пытается управлять страной и осуществлять внешнюю политику помимо бюрократических и институциональных структур, стремится в минимальной степени опираясь на партийные машины и апеллируя непосредственно к народным массам. Как указывает Э. Познер, в США не состоялся ни один персоналистский президент. На роль таковых за всю американскую историю претендовали только трое — Э. Джексон, Ф. Рузвельт и Р. Рейган. В конечном итоге федеральная бюрократия сумела обуздать и Рузвельта, и особенно Рейгана: к концу пребывания в должности они сами стали частью вашингтонского истеблишмента и вашингтонской политической культуры. Порождением истеблишмента, указывает Э.Познер, являются, наряду с бюрократией, суды всех инстанций, университеты и большой бизнес [Posner, p. 6].

В системе современных американских реалий персоналистский стиль формирования и реализации управленческих решений может развиваться по двум направлениям: либо он постепенно трансформируется в технократическую форму управления, либо политическая система под влиянием трампизма начнет приобретать все более отчетливо выраженные черты авторитаризма. По мнению Э. Познера, решение многих проблем, стоящих перед администрацией Трампа — например, вопросы торговой политики США, — исключает персоналистский подход: эффективная «торговая политика по своей природе должна быть бюрократической и плюралистичной, а не персоналистской и популистской» [Posner, p. 8].

Вместе с тем многое будет зависеть от успешности прохождения законодательных инициатив администрации Трампа через Конгресс США. Если благодаря контролю Республиканской партии над обеими палатами предложенные им законопроекты более или менее успешно пройдут через Конгресс, бюрократически-технократический стиль для администрации Трампа будет доминирующим; если же их реализацию Конгресс заблокирует, Трамп волей-неволей будет вынужден апеллировать напрямую к широким массам избирателей, минуя вашингтонскую бюрократию.

Многие американские аналитики и наблюдатели считают, что трампизм является формой трансформации американской политической системы в сторону авторитаризма. Популизм Трампа является не идеологией, а формой «обретения и удержания власти. Популистский авторитаризм строится на “противопоставлении «нас и их» — элиты, которая правила ранее”, на обозначении внутренних врагов, вроде Хиллари Клинтон, и врагов внешних, таких как мексиканцы, мусульмане и Китай, а также на полной делегитимации СМИ и экспертного сообщества» [Lakshmanan].

Победа Трампа на президентских выборах 2016 г. в определенной степени явилась следствием не социально-экономических и демографических характеристик проголо-

совавших за него избирателей (таких как расово-этническая принадлежность, возраст, пол или доход), но их стремления иметь в Вашингтоне «твердую авторитарную руку». По заключению политолога Массачусетского университета (Амхерст) М. Маквилльямса, речь идет о возможной серьезной трансформации механизма функционирования американских демократических институтов. «Демократия, — пишет он, — как в своей либеральной, так и республиканской ипостаси является формой поиска и достижения компромиссов. Авторитаризм всегда строится на столкновении “мы” — “они”. Авторитарные политики не ищут компромиссов — они правят» [McWilliams, p.43].

Со своей стороны, Трамп через два месяца после вступления в должность вновь выступил в духе своей инаугурационной речи, проведя аналогию между своим президентством и президентством Эндрю Джексона (1829 — 1837 гг.). 15 марта 2017 г. он специально прибыл на торжества в г. Нэшвилл (штат Теннесси), посвященные 250-летию со дня рождения седьмого американского президента. Охарактеризовав Джексона как «революционера», Трамп подчеркнул, что Джексон «оградил нарождающееся народное государство от стремительно усиливающейся буржуазии. Победа Джексона потрясла истеблишмент, словно землетрясение». Далее Трамп указал, что «политический класс в Вашингтоне имел все основания опасаться триумфальной победы Джексона», поскольку в сознании большей части американского общества он «был народным президентом»¹ [The White House. Remarks by...].

«Сильная президентская рука»

Едва принеся присягу, Трамп немедленно приступил к реализации своих обещаний, данных в ходе президентской кампании 2016 г. На протяжении последующих двух месяцев Белый дом издал порядка 30 исполнительных указов и меморандумов для глав федеральных министерств и ведомств, конкретизирующих порядок реализации президентских установок. Они касались здравоохранения, иммиграционной политики (включая меры по укреплению границы США с Мексикой), торговой политики, развития инфраструктуры (в том числе трубопроводного транспорта), найма служащих федерального правительства, промышленной политики (главным образом мер по стимулированию развития обрабатывающих отраслей экономики), военной политики (включая разработку по линии министерства обороны плана борьбы с ИГИЛ), правоохранительной политики (основанной на мерах противодействия росту преступности), финансовой политики, государственного строительства (предусматривающего масштабную реорганизацию всей системы федеральных ведомств и оптимизацию их численности и структуры) [The White House. President...]. В частности, уже 23 января 2017 г. Трамп одним росчерком пера вывел США из переговорного процесса и заключенных соглашений в рамках Транстихоокеанского партнерства, переговоры о создании которого велись с 2006 г. и к которому США присоединились в 2008 г. [The White House. Office of the Press...]. При этом следует иметь в виду, что на долю стран, под-

¹ Биограф Э. Джексона, американский историк Дж. Партон считал, что седьмой президент США «одновременно сочетал в себе черты диктатора и демократа, невежды и гения, сатаны и святого» [Цит. по: Feller].

писавших это соглашение в феврале 2016 г., приходилось порядка 37% всего товарооборота США [CRS..., p. 1].

Постепенно начала вырисовываться общая стратегия администрации Трампа по управлению страной. В ее основу было положено активное использование рычагов и инструментов, имеющих в распоряжении исполнительной ветви власти, подотчетной только президенту страны. Фактически Трамп стал действовать в обход Конгресса, не дожидаясь законодательного оформления своих инициатив и пытаясь в максимальной степени реализовать потенциал возможностей министерств и ведомств федерального правительства. Использование этого потенциала в большинстве случаев возможно без внесения изменений в действующее законодательство. Единственным узким местом в реализации этой стратегии является ее бюджетная составляющая, ибо на реализацию изданных исполнительных указов необходимо выделение средств из федерального бюджета, санкционировать которое может только законодательная власть.

Однако и здесь существуют определенные пути и возможности для маневра, которые позволяют Белому дому добиваться выделения необходимых ему бюджетных средств «малой законодательной кровью». В частности, идеология Республиканской партии базируется на безусловном приоритете сферы национальной безопасности, предполагающем и ее максимально возможное бюджетное обеспечение. С началом глобальной войны с терроризмом после событий 11 сентября 2001 г. американский Конгресс использовал механизм дополнительных ассигнований для ведения военных действий за пределами США. Выделение средств на эти цели решается простым большинством голосов в обеих палатах Конгресса, как правило, за рамками процедуры утверждения федерального бюджета на очередной финансовый год.

16 марта 2017 г. Трамп обратился с письмом к спикеру Палаты представителей П. Райану с просьбой о выделении дополнительно 30 млрд долл. для министерства обороны и 3 млрд долл. для министерства внутренней безопасности уже в текущем 2017 фин. г. При этом из 30 млрд долл., запрашиваемых для нужд министерства обороны, 24,9 млрд долл. должны пойти на модернизацию вооруженных сил США, а 5,1 млрд долл. — на борьбу с ИГИЛ. Запрашиваемые для нужд министерства внутренней безопасности 3 млрд долл. планируется истратить на укрепление южной границы США (строительство стены вдоль границы с Мексикой) и реализацию указов о временном запрете въезда на территорию США граждан шести ближневосточных и африканских стран, которые представляют повышенную террористическую опасность [The White House. Office of the Press Secretary...]. В целом авторитарная модель руководства, основанная на системе исполнительных указов Белого дома при минимальном их законодательном обеспечении, представляется весьма возможной.

Большой резонанс в США вызвало назначение Трампом генералов на ключевые должности в администрации: отставного генерала Дж. Маттиса — министром обороны, отставного генерала Дж. Келли — министром внутренней безопасности, действующего генерала Г. Макмастера — советником по национальной безопасности (вместо уволенного генерала М. Флинна) и отставного генерала К. Келлога — начальником аппарата

Совета национальной безопасности. Американская печать не преминула отметить, что Трамп назначил больше генералов в свою администрацию, чем любой другой президент со времен Второй мировой войны [Trump...]. В демократических кругах Америки открыто заговорили о том, что Трамп не исключает при определенных обстоятельствах введения в США «военной диктатуры».

Озабоченность появлением в администрации Трампа такого количества отставных и действующих генералов была настолько сильной, что вызвала реакцию в Конгрессе США. В Сенате были проведены специальные слушания, посвященные «священной корове» американского демократического устройства — контролю над военными со стороны гражданского руководства страны. Непосредственным поводом к слушаниям стало то обстоятельство, что при назначении генерала Маттиса на должность министра обороны Сенат должен был принять специальный закон, который разрешал бы занимать этот пост спустя три года после увольнения с военной службы (в действовавшем с 2008 г. законодательстве этот период был определен в 7 лет). За всю историю существования Америки Конгресс лишь однажды сделал исключение из этого правила — для генерала Д. Макарура, что было связано с началом Корейской войны.

В ходе проведенных слушаний было высказано мнение, что США вплотную подошли к опасной грани, за которой может произойти размывание привычных ролей гражданских и военных лиц при принятии решений в сферах военной политики и национальной безопасности. Как указала вице-президент Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) К. Хикс, «постоянные изъятия и модификации в законодательстве, позволяющем занимать должность министра обороны бывшим военным, являются пагубными для здоровых взаимоотношений гражданских и военных лиц и для национальной безопасности в целом» [CSIS., p. 3].

В середине марта администрация Трампа представила предварительный вариант своего бюджета на 2018 фин. г., из которого ясно, что при существующих финансово-экономических ограничениях администрация твердо встала на путь полного взаимозамещения военных расходов и расходов на гражданские нужды. Администрация предлагает увеличить военные расходы США на 9%, расходы на обеспечение внутренней безопасности — на 7% и расходы на поддержку ветеранов — на 6%, в абсолютном выражении в целом — примерно на 60 млрд долл. Это должно быть осуществлено за счет симметричного сокращения расходов на гражданские нужды. В том числе: на охрану окружающей среды — на 31%, на международную деятельность — на 29%, на поддержку сельского хозяйства — на 21%, на здравоохранение — на 18%, на образование — на 14%, на программы городского развития и жилищного строительства — на 13%, на развитие транспорта — на 13%, на поддержку малого бизнеса — на 5% [OMB., p.11 — 45].

Данный вариант бюджета еще больше усилил политическое противостояние демократов и республиканцев. Демократы в обеих палатах отвергли систему приоритетов новой администрации и заявили, что всерьез рассматривают стратегию «закрытия федерального правительства» в качестве наиболее эффективной формы противодействия

изменению всей системы бюджетных приоритетов [Carney]. В последний раз федеральное правительство было парализовано в октябре 2013 г.; гражданские министерства и ведомства бездействовали в течение 16 дней.

В целом первые месяцы пребывания Трампа у власти выявили отчетливую тенденцию к нарастанию кризисных явлений в развитии американской государственности, которые затрагивают все ветви власти федерального правительства — исполнительную, законодательную и судебную. По всей видимости, в дальнейшем следует ожидать углубления конфликтов, по мере того как администрация Трампа будет выступать с другими реформами и начинаниями, — в том числе налоговой реформой и проектами инвестиций в развитие американской инфраструктуры в размере примерно 1 трлн долл., в отношении которых нет единства даже в рядах Республиканской партии.

Литература:

- Antholis W.* From the Director: Presidents spying on presidents. March 6. 2017. Mode of access: millercenter.org/experts/william-j-antholis/director-presidents-spying-presidents (date of access: 06.04.2017).
- Brooks D.* The View From Trump Tower // The New York Times. Nov. 11, 2016. — URL: nytimes.com/2016/11/12/opinion/the-view-from-trump-tower.html?_r=0 b (date of access: 06.04.2017).
- Carney J.* Shutdown politics return to the Senate // The Hill. 03.17.17. — URL: thehill.com/homenews/senate/324395-shutdown-politics-return-to-the-senate (date of access: 06.04.2017).
- Calfas J.* Pew study author: 'Zero evidence of fraud' in 2016 election // The Hill. 01.24.17. — URL: thehill.com/blogs/blog-briefing-room/news/315914-author-of-study-spicer-cited-we-found-no-evidence-of-voter (date of access: 06.04.2017).
- CRS Report. The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief. February 9, 2016. R44278. — Mode of access: fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf (date of access: 06.04.2017).
- CSIS. Hicks K. Senior Vice President; Henry A. Kissinger Chair; and Director, International Security Program, Center for Strategic and International Studies. Statement Before the Senate Armed Services Committee "Civilian Control of the Armed Forces". January 10, 2017. — Mode of access: armed-services.senate.gov/hearings/17-01-10-civilian-control-of-the-armed-forces (date of access: 06.04.2017).
- Eisen N.L., Painter R., and Tribe L. The Emoluments Clause: Its Text, Meaning, And Application to Donald J. Trump. Governance Studies at Brookings. December 16, 2016. — Mode of access: brook.gs/2i1i3Ht (date of access: 06.04.2017).
- Feller D.* Andrew Jackson's Shifting Legacy // The Gilder Lehrman Institute of American History. — URL: gilderlehrman.org/history-by-era/age-jackson/essays/andrew-jackson%E2%80%99s-shifting-legacy (date of access: 06.04.2017).
- Fessler P.* President Trump's Voter Fraud Investigation Is Off To a Slow Start // NPR. March 11, 2017. — URL: npr.org/2017/03/11/519709448/president-trumps-voter-fraud-investigation-is-off-to-a-slow-start (date of access: 06.04.2017).
- Fiscal Year 2017. Historical Tables. Budget of the U.S. Government. Wash.: US GPO, 2016. Table 5.2, Table 16.1.
- Gallup Daily: Trump Job Approval // Gallup. — URL: gallup.com/poll/201617/gallup-daily-trump-job-approval.aspx (date of access: 06.04.2017).

- Heer J.* The Trump Impeachment Fantasy Isn't Realistic // New Republic. November 16, 2016. — URL: newrepublic.com/article/138770/trump-impeachment-fantasy-isnt-realistic (date of access: 06.04.2017).
- Krugman P.* The Tainted Elections // The New York Times. Dec. 12, 2016. — URL: nytimes.com/2016/12/12/opinion/the-tainted-election.html?rref=collection%2Fcolumn%2Fpaul-krugman&r=2 (date of access: 06.04.2017).
- Lakshmanan I.* 'It Can't Happen Here' — or could it? America flirts with authoritarianism // The Boston Globe. February 02, 2017. — URL: bostonglobe.com/opinion/2017/02/02/can-happen-here-could-america-flirts-with-authoritarianism/f062FZZRBfTvoUWuAi8EpL/story.html (date of access: 06.04.2017).
- Lichtman A.* Predicting the Next President: The Keys to the White House 2016. Lanham. 2016.
- McWilliams M.* The Rise of Trump. America's Authoritarian Spring. Amherst. 2016.
- Nelson L.* All of Donald Trump's known conflicts of interest in one place // Vox. Jan. 3, 2017. — URL: vox.com/2016/12/9/13799904/trump-corruption-conflict-of-interest (date of access: 06.04.2017).
- O'Keefe Ed. and Kane P.* Schumer's dilemma: Satisfying the base while protecting his minority // The Washington Post. February 4, 2017. — URL: washingtonpost.com/powerpost/schumers-dilemma-satisfying-the-base-while-protecting-his-minority/2017/02/04/ (date of access: 06.04.2017).
- OMB. America First. A Budget Blueprint to Make America Great Again. — Mode of access: budget.gov (date of access: 06.04.2017).
- Parnas A.* Obama urged Clinton to concede on election night // The Hill. 11.25.16. — URL: thehill.com/homenews/campaign/307536-obama-urged-clinton-to-concede-on-election-night (date of access: 06.04.2017).
- Parnas A.* Trump and Clinton just can't quit each other // The Hill. 03.18.17. — URL: thehill.com/homenews/campaign/324600-trump-and-clinton-just-cant-quit-each-other (date of access: 06.04.2017).
- Phippen W. and Serwer A.* 'This Is McCarthyism!' // The Atlantic. Mar. 4, 2017. — URL: theatlantic.com/news/archive/2017/03/trumps-unfounded-claims-of-a-nixonwatergate-wiretapping-scheme/518625/ (date of access: 06.04.2017).
- Posner E.* Can It Happen Here?: Donald Trump and the Paradox of Populist Government. January 3, 2017. University of Chicago, Public Law Working Paper No. 605. — Mode of access: dx.doi.org/10.2139/ssrn.2893251 (date of access: 06.04.2017).
- Presidential Inauguration. LIST: Democrats in Congress who are skipping Donald Trump's inauguration // Eyewitness News. ABC7. Jan. 20, 2017. — URL: abc7ny.com/politics/list-democrats-who-are-skipping-trumps-inauguration/1705068/ (date of access: 06.04.2017).
- Rendall J.* 100 Days of Trump: Is Trump playing with fire by siding with Ryan on the healthcare bill? // ConservativeHQ.com. 03.09.2017. — URL: conservativehq.com/print/25242 (date of access: 06.04.2017).
- Rep. John Lewis: 'I Don't See Trump as a Legitimate President' // NBC News. Jan 14, 2017. — URL: nbcnews.com/meet-the-press/john-lewis-trump-won-t-be-legitimate-president-n706676 (date of access: 06.04.2017).
- Savransky R.* Top Trump, Clinton aides trade punches at post-election gathering // The Hill. 12.01.16. — URL: thehill.com/homenews/campaign/308419-trump-clinton-aides-clash-at-post-election-gathering (date of access: 06.04.2017).

- Srivastava S.* Trump runs the US like a family business, analyst says // CNBC. 8 Feb 2017. — URL: cnbc.com/2017/02/08/trump-runs-the-us-like-a-family-business-analyst-says.html (date of access: 06.04.2017).
- Stevenson P.* 'Prediction professor' who called Trump's big win also made another forecast: Trump will be impeached // Independent. 11 November 2016. — URL: independent.co.uk/news/world/americas/us-elections/donald-trump-prediction-professor-allan-lichtman-president-elect-impeached-a7412451.html (date of access: 06.04.2017).
- The Pew Center on the States. Election Initiatives. Inaccurate, Costly, and Inefficient. Evidence That America's Voter Registration System Needs an Upgrade. February 2012. — Mode of access: moritzlaw.osu.edu/electionlaw/documents/Pew-UpgradingVoterRegistration.pdf (date of access: 06.04.2017).
- Thornton P.* America the abnormal: What now with President Trump? // Los Angeles Times. January 21, 2017. — URL: latimes.com/la-ol-opinion-newsletter-trump-inauguration-20170121-htmlstory.html (date of access: 06.04.2017).
- Trump Has Appointed More Generals in His Cabinet Than Any President Since World War II // Democracy Now! December 16, 2016. — URL: democracynow.org/2016/12/16/trump_has_appointed_more_generals_in (date of access: 06.04.2017).
- The White House. Office of the Press Secretary. Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement. January 23, 2017. — Mode of access: whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/23/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific (date of access: 06.04.2017).
- The White House. Office of the Press Secretary. Text of a Letter from the President to the Speaker of the House of Representatives. March 16, 2017. — Mode of access: whitehouse.gov/the-press-office/2017/03/16/text-letter-president-speaker-house-representatives (date of access: 06.04.2017).
- The White House. President Donald J. Trump. Presidential Actions. Executive Orders. Presidential Memoranda. — Mode of access: whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions (date of access: 06.04.2017).
- The White House. Remarks of President Donald J. Trump — As Prepared for Delivery. The Inaugural Address. January 20, 2017. — Mode of access: whitehouse.gov/inaugural-address (date of access: 06.04.2017).
- The White House. Remarks by the President on 250th Anniversary of the Birth of President Andrew Jackson. March 15, 2017. — Mode of access: whitehouse.gov/the-press-office/2017/03/15/remarks-president-250th-anniversary-birth-president-andrew-jackson (date of access: 06.04.2017).
- Turley J.* Senate Trials and Factional Disputes: Impeachment as a Madisonian Device // Duke Law Journal. October 1999.
- Vespa M.* Paul Krugman: Calling Trump An Illegitimate President Is An Act Of Patriotism // Townhall. Jan. 17, 2017. — URL: townhall.com/tipsheet/mattvespa/2017/01/17/paul-krugman-calling-trump-an-illegitimate-president-is-an-act-of-patriotism-n2272519 (date of access: 06.04.2017).

УДК 323; 327; 328

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

150 дней президентства: Армагеддон Дональда Трампа

Аннотация. В статье анализируются главные итоги первых 150 дней пребывания у власти администрации Д. Трампа. За пять месяцев его пребывания во власти американская экономика продемонстрировала определенные достижения. Тем не менее США погрузились в ситуацию острого противостояния между Белым Домом и вашингтонскими коридорами власти. В Конгрессе США оказалась полностью блокированной программа внутривнутриполитических реформ, заявленная Д. Трампом в ходе предвыборной кампании. Разбирательства по поводу его «российских связей» и «российского вмешательства» в электоральный процесс в США приняли новые, еще более провокационные формы. Все большее распространение стала получать идея импичмента президента. Важнейший аспект этого противостояния заключается в том, что Д. Трамп стал жертвой «киберохоты на ведьм» по причине своего антиглобализма.

Ключевые слова: команда Трампа, импичмент, социально-экономические итоги, личность Трампа, нарциссизм, кибератаки, открытое общество, закрытое общество.

19 июня 2017 г. американская политическая элита и аналитические центры отметили первые 150 дней пребывания в должности 45-го президента страны Д. Трампа. Традиционно отсчет времени с момента инаугурации вновь избранного президента, как правило, прекращается после первых 100 дней. Затем происходит «рутинизация» деятельности нового хозяина Белого дома. Однако в случае с Д. Трампом эта закономерность, похоже, перестала действовать. 17 мая был назначен специальный прокурор Министерства юстиции — бывший директор ФБР Р. Мюллер, который должен осуществлять надзорные функции за расследованием вмешательства России в президентскую кампанию 2016 г. Назначение специальных прокуроров предшествовало позорной отставке Р. Никсона в августе 1974 г. и процессу импичмента президента У. Клинтона в 1998–1999 гг., поэтому опытные аналитики сразу пришли к выводу, что президентство Трампа, оказавшегося «под колпаком у Мюллера», можно считать «практически завершенным».

Как отметил в этой связи профессор права Амхерстского колледжа (частный американский университет) Л. Дуглас, «дистанцию, на которую Р. Никсону потребовалось более пяти лет, Трамп умудрился пробежать всего за первые четыре месяца пребывания у власти. Он оправдал худшие опасения тех людей, которые сомневались в его спо-

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна – руководитель Центра внутривнутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук; uspolitika@gmail.com.

способности справляться с обязанностями президента страны. И если еще за 10 дней до назначения специального прокурора ярые противники Трампа вполне могли считать его президентство национальной катастрофой, однако его самого было практически невозможно отстранить от власти, то теперь вопрос отрешения Трампа от власти может считаться лишь делом времени» [Douglas].

Этот прогноз может быть отнесен на счет стремления наиболее решительных противников Трампа выдать желаемое за действительное. Однако опросы общественного мнения, проведенные в стране в конце мая, показали, что идея отрешения Трампа от власти получает все большее распространение. В частности, согласно результатам опроса, проведенного влиятельным изданием «Политико», 43% высказались за импичмент Трампа. Таким образом, количество сторонников «высшей меры наказания» для действующего президента вплотную приблизилось к числу респондентов, которым эта идея явно не по душе (45%) [Shepard].

Наряду с этим в американском общественном сознании все больше укрепляется представление, что «Трамп управляется импульсами, навязчивыми идеями и мстительностью, которые ежедневно находят свое отражение в Твиттере». «Он продемонстрировал эгоизм, который граничит с солипсизмом. Его политические навыки в роли президента близки к нулю. Его Белый дом раздроблен, некомпетентен и хаотичен, а ключевые вакансии в его администрации остаются незаполненными. Его законодательная повестка дня оказалась дорогой в никуда. Он постоянно, почти как ребенок, обманывает, распространяя легко опровергаемую грубую ложь, одновременно требуя того же самого и от своих подчиненных. Он унижает и изгоняет людей из своего ближайшего окружения, требуя от них лести, которую вознаграждает. Он постоянно одержим надуманными конспирологическими теориями. Он проявляет жалкое, даже пугающее невежество в вопросах как внешней, так и внутренней политики. Он постоянно вносит раскол в общество, навязывая ему свои этически порочные взгляды. Он абсолютно глух к поэзии языка и благородству политического предприятия, рассматривая политику как рубеж для завоеваний, а не служение стране» [Gerson]. Эти строки принадлежат перу М. Герсона, который в свое время был помощником президента-республиканца Дж. Буша-мл. (2001–2009 гг.). В целом политические оценки фигуры Д. Трампа и его деятельности, назойливо тиражируемые американскими СМИ, более чем некомплементарны.

Между тем за пять месяцев его пребывания во власти американская экономика продемонстрировала определенные достижения. Возможно, это связано прежде всего с тем, что Трамп по-прежнему положительно воспринимается большей частью американского бизнес-сообщества, особенно крупным капиталом.

Первые социально-экономические итоги администрации Д. Трампа

Неоднократно высказывавшиеся оценки, что администрация Д. Трампа, укомплектованная представителями крупного американского бизнеса, отражает прежде всего интересы финансового центра США — Уолл-стрит, нашли подтверждение не только

в подсчетах состояний его ключевых назначенцев, но и в динамике основных фондовых индексов США.

Суммарная стоимость состояний и активов ведущих министров и советников администрации Д. Трампа, включая его самого, может достигать 35 млрд долл. — «умопомрачительная концентрация богатств, невиданная в американской истории» [White, Nussbaum]. В числе мультимиллионеров и миллиардеров значатся: министр торговли У. Росс (2,5 млрд долл.); министр образования Б. DeVos (1,25 млрд долл.); госсекретарь Р. Тиллерсон (325 млн долл.); министр финансов С. Мнучин (300 млн долл.). Более скромные миллионные состояния у министра жилищного строительства и городского развития Б. Карсона (29 млн долл.); министра транспорта Э. Чао (24 млн долл.); министра здравоохранения и социальных услуг Т. Прайса (10 млн долл.); министра юстиции Дж. Сешионза (6 млн долл.); министра обороны Дж. Мэттиса (5 млн долл.) Состояние самого Д. Трампа оценивается в 10 млрд долл. [Huang].

Именно эта концентрация богатства в исполнительной власти в Вашингтоне с самого начала пребывания 45-го президента в должности породила фундаментальный кризис его идентичности и идентичности его администрации: Трамп был избран как популист, отражающий чаяния простых людей, но «начал управлять страной как плутократ» [White, Nussbaum].

Первыми на избрание Трампа президентом США отреагировали фондовые американские рынки. По сути, «превращение Америки в великую страну» началось с рекордного роста показателей ведущих биржевых индексов. На момент закрытия торгов 9 ноября 2016 г. индекс Доу-Джонса достиг исторического максимума в 18 332 пункта и с тех пор демонстрировал устойчивую тенденцию к покорению одной рекордной вершины за другой: 19 тыс. пунктов в конце ноября 2016 г., 20 тыс. пунктов в конце января 2017 г. ... Перевалив психологически важный рубеж в 21 тыс. пунктов в конце мая 2017 г., он вышел на рекордный показатель в 21461 пункт 19 июня этого года — именно на 150-й день пребывания Д. Трампа в должности президента. Таким образом, за время после президентских выборов индекс Доу-Джонса вырос на 17%, что явилось самым большим увеличением главного биржевого индекса США за столь короткое время за всю историю его исчисления [Рассчитано по: Bloomberg. Markets...].

Аналогичным образом вели себя и два других биржевых индекса: «Стэндард энд Пурс 500», который вырос на 13%, и индекс высокотехнологичных компаний НАСДАК, продемонстрировавший рекордное увеличение на 18%. В целом капитализация фондовых рынков США после избрания Трампа президентом страны увеличилась на 4 трлн долл.! [Trump unleashes...]. А капитализация 500 крупнейших американских компаний и фирм, торгующих ценными бумагами на фондовой площадке «Стэндард энд Пурс 500», впервые в истории превысила 20 трлн долл. [Mikolajczak].

«Бычьи» фондовые рынки потянули за собой и остальные сектора американской экономики. Занятость, согласно данным официальной американской статистики, увеличилась за 5 месяцев президентства Трампа на 810 тыс. рабочих мест, норма без-

работицы сократилась с 4,8% в январе до 4,3% в мае 2017 г. [Databases, Tables...]. Несколько оживился и рынок жилья — один из ключевых показателей развития американской экономики. Если за пять последних месяцев пребывания у власти администрации Обамы в США было продано 215 тыс. домовладений, то за первые пять месяцев президентства Трампа — уже 272 тыс., или на $\frac{1}{4}$ больше [Рассчитано по: New Residential Sales ...].

Улучшение экономической ситуации в США позволило Трампу напрямую связать это с назначением на ключевые должности экономического блока его администрации богатейших людей Америки, в том числе с Уолл-стрит. Выступая 21 июня 2017 г. на митинге в Айове, Трамп прямо заявил, что он категорически против того, чтобы «бедные люди управляли экономикой». Миллионеры и миллиардеры, работающие в его администрации, громогласно объявил Трамп, «являются отличными, блестящими деловыми умами», именно они «самым лучшим образом представляют американские экономические интересы, и благодаря им мы одержим исторические победы для наших фермеров и наших заводских рабочих, для наших трудящихся в целом» [Remarks by...; Berman].

Нарциссизм Д. Трампа как закономерный продукт среды

Невиданный в новейшей американской истории социальный союз мультимиллионеров и рядовых трудящихся, который пытается сформировать в американском обществе Д. Трамп, проистекает из специфики его менталитета бизнесмена, построившего свою карьеру в мире большого бизнеса на искусстве заключения сделок. Принципиально важным для понимания подходов Трампа к управлению как государственными делами, так и американским обществом в целом является тот факт, что он руководил семейной фирмой, которую создал благодаря первоначальной инвестиции своего отца. В результате, в отличие от большинства успешных руководителей так называемых публичных компаний, которые в качестве обязательного элемента своей организационной структуры имеют акционеров, Трамп никогда не чувствовал различия между своими личными интересами и интересами своей компании. Поскольку семейные компании не подпадают под регулирующие нормы Комиссии по ценным бумагам и биржам, он «мог принимать хитроумные управленческие решения, необремененные бюрократическими препонами или необходимостью обосновывать свои решения перед собранием акционеров или советом директоров» [Kar].

Таким образом, Д. Трамп, по меткой характеристике профессора права Иллинойского университета Р. Кара, может с полным правом считаться первым в американской президентской истории «верховным авторитетом по заключению сделок». По мнению ученого, стратегия и тактика заключения сделок, основанная на свободе принимать решения, руководствуясь только своими собственными интересами, неизбежно оборачивается тем, что сделки заключаются «путем введения в заблуждение, выкручивания рук, оказания мощного давления или умелого уклонения от соблюдения буквы или духа правовых норм». В результате искусство заключения сделок становится мало отличимым от «наигранного артистизма» [Ibidem].

Рассказывая о своей карьере в мире большого бизнеса, Трамп неоднократно хвастался тем, что получал значительные прибыли на разорении своих конкурентов, а также неслыханно обогащался во время биржевых крахов и экономических кризисов. «Философия» заключения сделок, основанная на подобного рода стратегии развития бизнеса, отмечает проф. Р. Кар, не является надежным ориентиром «в деле создания работоспособной экономики, отвечающей нуждам и интересам всех американцев» [Ibidem]. Конкретным примером подобного подхода явился план «плавного демонтажа» системы доступного медицинского страхования, известной как «Обамакэр», который «благословил» Д. Трамп. Согласно плану, разработанному в Сенате США, в период 2017–2026 фин. гг. кумулятивный дефицит федерального бюджета, предположительно, может быть уменьшен на 321 млрд долл., однако это «оздоровление» системы федеральных финансов будет достигнуто за счет увеличения численности американцев, не имеющих медицинских страховок, на 22 млн человек, т.е. их число возрастет с нынешних 26 млн до 48 млн человек [СВО...].

Появление Д. Трампа на авансцене американской политики в 2015 г. немедленно вызвало почти единодушное мнение американских психологов, что Трамп является «воплощенным Нарциссом». Известный американский психолог Дж. Саймон с воодушевлением заявил: Трамп «принадлежит к классическому нарциссическому типу личности. Я постоянно пополняю фильмотеку с клипами его публичных выступлений и использую их в своих лекциях и на семинарах, ибо они служат прекрасной иллюстрацией всех проявлений нарциссических расстройств психики. До появления Трампа мне приходилось либо нанимать актеров, либо составлять собственные иллюстрации. И вот теперь моя мечта продемонстрировать живого Нарцисса осуществилась!» [Alford].

Психологи трактуют нарциссизм как серьезную дисфункцию личности, проявляющуюся в тщеславии, эгоизме, чрезмерной самовлюбленности и завышенных самооценках, которые в большинстве случаев не соответствуют действительности.

Как указал профессор психологии Д. МакАдамс, «по любым критериям личность Д. Трампа является сочетанием экстремальных черт». Основу его личности составляют две характеристики: «заоблачная экстравертность» и «органическая неспособность приходить к согласию» (бескомпромиссность), которые до Трампа не встречались ни в одном американском президенте. «Заоблачная экстравертность», как правило, коррелирует со склонностью к действиям, сопряженным с высокой степенью риска, в том числе — авантюрам. Трамп продемонстрировал ее в полной мере, выдвинув свою кандидатуру на пост президента страны летом 2015 г. и последовательно занимая про-российскую позицию на всем протяжении президентской гонки в 2016 г. Что касается второй характеристики, то, как указал проф. Д. МакАдамс, «никогда в американской истории не было ни одного президента более бескомпромиссного в публичном пространстве, нежели Д. Трамп» [Alford].

Как показывает американская политическая история, нарциссизм и его проявления в американских президентах становились обоюдоострым мечом, являясь основой как

для признания президента великим, так и для импичмента, общественных скандалов и позорного изгнания из Белого дома [McAdams]. Согласно опубликованным в 2013 г. исследованиям (проведенным группой американских психологов) случаев проявления нарциссизма у 42 американских президентов, первые 7 мест распределились так: в наибольшей степени склонностью к самолюбанию отличался Л. Джонсон (1963–1969), далее следовали Теодор Рузвельт (1901–1909), Э. Джексон (1829–1837), Франклин Рузвельт (1933–1945), Дж. Кеннеди (1961–1963), Р. Никсон (1969–1974) и У. Клинтон (1993–2001) [Watts]. Показательно, что президентство Джонсона закончилось полным политическим крахом, Дж. Кеннеди был убит, Никсон ушел с позором в отставку, против Клинтона был возбужден процесс импичмента.

Как считают американские аналитики, нарциссическое начало президента Трампа отчетливо проявилось в форме его исполнительных указов. В общей сложности за первые 150 дней пребывания у власти он подписал 37 документов подобного рода — больше, чем любой американский президент за аналогичный период, начиная с Д. Эйзенхауэра (1953–1961) [The American Presidency Project...]. Эти указы Д. Трамп подписал во исполнение своих предвыборных обещаний, не дожидаясь их законодательного оформления. Они включали в себя: 1) выход США из Транстихоокеанского соглашения о партнерстве и инвестициях; 2) выделение средств на начальный этап сооружения стены на американо-мексиканской границе; 3) подготовку плана ликвидации ИГИЛ; 4) запрет на временный въезд в США граждан шести мусульманских стран; 5) выделение средств на сооружение нефтепроводов; 6) усиление санкционного давления на Кубу; 6) установление приоритетов энергетической политики США; 7) выход США из Парижского соглашения по климату. Эти указы имеют далеко идущие последствия и знаменуют кардинальный поворот в американской внешней и внутренней политике.

Интересно, что в исторической перспективе в США достаточно заметно проявляется тенденция к росту проявлений нарциссизма у президентов. Одним из основных свойств, культивируемых как в американских школах бизнеса, так и в среде высшего управленческого персонала корпоративного мира США, является именно нарциссизм, а не деловые качества, как это имело место в прошлом.

Однако, как отмечает профессор деловой психологии Т. Чамарро-Премьюзик, «большинство самоуверенных, наделенных огромными властными полномочиями и эгоистических представителей высшего управленческого звена являются не просто неэффективными, но деструктивными — даже когда на первых порах им удастся добиться больших успехов. Например, нарциссические руководители склонны переплачивать, приобретая фирмы, что дорого обходится акционерам. Руководимые ими компании, как правило, функционируют в неустойчивом и непредсказуемом режиме в диапазоне от больших выигрышей до еще больших потерь. Они нередко прибегают к контрпродуктивным формам деятельности со значительными элементами мошенничества. Нарциссические руководители также более склонны злоупотреблять властью и манипулировать своими подчиненными, особенно проявляющими наивность и покорность» [Chamorro-Premuzic].

Можно сделать вывод, что феномен личности Д. Трампа, привнесенный в американскую политическую систему, является закономерным продуктом процессов «выживания сильнейшего» в среде американской деловой и финансовой элиты. Эти личностные особенности самым непосредственным образом проявляются в его стиле руководства страной. Государство для Д. Трампа — это большая корпорация.

«Вмешательство России» в президентские выборы в США: будет ли ужасный конец?

Первые месяцы пребывания у власти администрации Трампа ознаменовались отчетливой исторической параллелью с началом второго срока администрации Р. Никсона в 1973 г. В обоих случаях предвыборные скандалы, которыми сопровождались президентские кампании 1972 г. и 2016 г., стали основой для последующих правовых разбирательств в высших эшелонах американской власти. В случае Никсона это было связано с попыткой взлома штаб-квартиры Национального комитета Демократической партии летом 1972 г. Последующее разбирательство вошло в анналы американской истории как Уотергейтский скандал. В 2017 г. в центре разбирательства оказалось предполагаемое вмешательство России в ход предвыборной кампании 2016 г., что — по удивительному стечению обстоятельств — также первоначально было связано с утечкой информации из штаб-квартиры Национального комитета Демократической партии летом 2016 г.

И в том, и в другом случае речь, безусловно, идет о послевыборном реванше проигравшей политической силы — Демократической партии, которая таким образом постаралась «аннулировать» итоги президентских выборов (по крайней мере, дезавуировать их победителя). По итогам «вмешательства России» в президентскую кампанию 2016 г. уходящая в отставку администрация Б. Обамы подготовила для администрации Трампа доклад разведывательного сообщества США, открытый вариант которого был представлен Конгрессу США и американской общественности 6 января 2017 г. [Intelligence Community Assessment...]. Этот доклад, если заимствовать терминологию из мира большого бизнеса, стал своеобразной «ядовитой пилюлей» администрации Обамы для нового хозяина Белого дома с целью сохранения прежнего антироссийского курса США, сформировавшегося в 2014–2015 гг.

В докладе практически отсутствовала доказательная база российского кибервмешательства в процесс американских президентских выборов. Очевидно, что раскручивание маховика «российского вмешательства» в президентскую кампанию в США, а также попытки выявить и проследить связи предвыборного штаба Трампа с российскими представителями являются не чем иным, как попыткой подорвать легитимность 45-го президента страны. Возможно, что на первых порах Трамп и его ближайшее окружение не восприняли всерьез последствий всего спектра расследований Конгресса США и ФБР под руководством Дж. Коми, полагая, что речь идет прежде всего о возведении еще одного препятствия на пути улучшения российско-американских отношений, что являлось одним из предвыборных обещаний Трампа.

Однако к моменту увольнения Дж. Коми с поста директора ФБР Трампу стало очевидным, что объектом расследования является он сам. Как отмечал журнал «Тайм», «когда президент Дональд Трамп в мае внезапно уволил Джеймса Коми, он написал бывшему директору ФБР, извещая его об увольнении, что благодарен Коми за то, что тот трижды заверял его в том, что сам Трамп не является объектом расследований. В своем твите 16 июня Трамп прямо написал, что он «находится под следствием». [Abramson]

Вопреки надеждам Трампа на то, что с его приходом в Белый дом волна разбира- тельств по поводу вмешательства России в процесс президентских выборов в 2016 г. постепенно сойдет на нет, уступив место обсуждению внутривластной повестки реформ и преобразований, предлагаемых администрацией, дело приняло новые, еще более провокационные формы. Вашингтонскому истеблишменту потребовалось примерно полгода, чтобы понять простую истину — вмешательство в избирательную кампанию должно быть *конкретизировано*. 20 июня вице-председатель Сенатского комитета по разведке, сенатор-демократ М. Уорнер направил министру внутренней безопасности Дж. Келли письмо, в котором потребовал от министерства внутренней безопасности США представить конкретные доказательства вмешательства России в процесс американских выборов [170620...]. Смысл этого письма был предельно прост: *«существует колоссальная разница между манипулированием мнением ИЗБИРАТЕ- ЛЕЙ и манипулированием процессом подсчета ГОЛОСОВ»* [Statement of Hon...].

И, словно по мановению волшебной палочки, «доказательства» тут же явились. Со- гласно официальному заявлению представителей министерства внутренней безо- пасности, хотя и «не удалось точно связать кибератаки на системы подсчета голосов с де- ятельностью российских киберслужб, было установлено, что зависимые от интернета системы подсчета голосов в 21 штате потенциально могли быть объектами кибератак российского государства» [Testimony of Jeanette...]. В ходе слушаний представители министерства были вынуждены все-таки признать, что никакого влияния на результат подсчета голосов избирателей эти кибератаки не оказали, и их цель состояла в том, чтобы выявить слабые или уязвимые места в системе обеспечения кибербезопасности систем, отвечающих за подсчет голосов [Zapotosky].

Иными словами, американские правоохранительные органы так и не смогли пред- ставить (и вряд ли представят когда-либо) сведения, которые давали бы точное пред- ставление о количестве голосов, похищенных у одного кандидата в пользу друго- го в результате предполагаемых кибератак на избирательную инфраструктуру США осенью 2016 г., откуда бы эти атаки ни исходили. Стоит напомнить, что речь идет о 2, 865 млн голосов из общего количества, составляющего, по официальным данным, порядка 136,6 миллионов голосов [Рассчитано по: The Cook Political Report...]

Существенно, что Трампу и его ближайшему окружению не удалось установить пол- ный контроль над ключевыми ведомствами американского разведывательного сооб- щества — в частности, могущественным и «всеведущим» Агентством национальной безопасности (АНБ). В мае 2017 г. последнее предоставило в распоряжение Конгресса рассекреченную часть доклада о технологии вмешательства России в процесс прези-

дентских выборов в США с августа по ноябрь 2016 г. [Top-Secret NSA...]. Появление этого документа означает, что Трамп и его ближайшее окружение находятся «под надзором» враждебных им разведслужб США, которые в любой момент времени могут преподнести администрации неожиданный и неприятный для нее сюрприз.

Конец эпохи «открытого общества»?

Важнейший аспект вакханалии с «российским вмешательством» и всей антитрамповской кампании заключается в том, что Д. Трамп стал жертвой «киберохоты на ведьм» по причине своего антиглобализма.

Версия глобализации, которую как основу нового миропорядка США стали активно навязывать миру с начала 1990-х годов, отталкивалась от базовой концепции «открытого общества», сформулированной в 1945 г. известным философом К. Поппером (1902–1994). После распада СССР и «бархатных революций» в странах Восточной Европы на рубеже 1980-х — 1990-х годов политическая составляющая идеологии «открытого общества» была положена в основу «американизации» как республик бывшего СССР, так и стран Восточной Европы, которые с позиций методологии К. Поппера рассматривались как «закрытые общества».

«Открытость» считалась важнейшим условием трансформации политических и экономических институтов этих государств. В экономике «открытость» выступала важнейшим условием долларизации, в политике — идеальной формой внедрения в этих странах американизированной модели демократии. В последнем случае речь шла об образовании политических партий и НКО, финансируемых по прямым и косвенным каналам из США и союзных с ними стран. Наглядной реализацией политической составляющей данной концепции стал Институт «Открытое общество», созданный Дж. Соросом в 1993 г. В разделе о целях и задачах Института прямо говорится, что его создание отражает «влияние на Сороса философии Карла Поппера, с которым Сорос познакомился в Лондонской школе экономики. В своей работе «Открытое общество и его враги» Поппер утверждал, что никакая философия или идеология не являются окончательными арбитрами истины и что общества могут процветать только тогда, когда в них существует демократическая форма правления, свобода слова и уважение к правам личности, т.е. тот подход, который и положен в основу деятельности Института открытого общества» [Open Society Foundation...].

Провозгласив стратегию «открытого общества» во взаимоотношениях между США и Россией, американское политическое руководство не без основания надеялось, что «долларизации» российской экономики Россия никогда не сможет противопоставить «рублевизацию» американской экономики, а стратегии смены режимов в республиках бывшего СССР, включая Россию, — стратегию вмешательства в работу демократических институтов Америки. «Открытость» во взаимоотношениях США и России мыслилась как улица с односторонним движением, как разновидность политической игры, в которой Америка была «обречена» на выигреш при любом раскладе. Руководство США как бы говорило российской политической элите: давайте обеспечим «симметрию

открытости» наших политических систем для взаимного влияния друг на друга, такая конфигурация будет самой эффективной формой равноправия в российско-американских отношениях.

Президентская кампания 2015–2016 гг. коренным образом изменила установку правящей американской элиты на это важнейшее условие глобализации. И черту подвел сам Д. Трамп, открыто провозгласивший стратегию экономического национализма, оформленную в виде лозунга «Америка превыше всего». Ухудшение экономического положения широких слоев американского общества, проголосовавших за Трампа, и распространение чувства социально-экономической небезопасности сопровождались сдвигом в системе господствующих культурных ценностей. Как признают американские политологи Р. Инглхарт и П. Норрис, чувство экономической небезопасности стало важной составной частью представлений об «экзистенциальной небезопасности», которую ощутили десятки миллионов американцев. «Экзистенциальная небезопасность» стала отождествляться с космополитизмом и мультикультурализмом, а также с движениями, «открыто защищающими окружающую среду, права человека и гендерное равенство» [Inglehart].

В результате Трамп генерировал контркультурную волну традиционной системы ценностей, которую его идейные оппоненты определяют как мир ценностей «закрытого общества». Однако К. Поппер отнюдь не считал современные ему западные демократии середины XX в., с их вполне классическими и национальными ценностями, «закрытыми обществами». «Открытость» связывалась с основами либеральной демократии и с модерном, а не с глобализацией, по крайней мере в ее крайнем виде, не с «миром без границ» и не с продвигаемой сегодня ценностной (постмодернистской) революцией.

Сегодняшние сторонники «новых ценностей» и глобального проекта трактуют этот вопрос несравненно радикальнее, манипулируя на противопоставлении «закрытого общества» (негативное понятие) «открытому обществу» (позитивное понятие). Любая оппозиция либеральному глобальному проекту произвольно объявляется идеологией «закрытого общества», которая будто бы рассматривает весь внешний мир исключительно как совокупность угроз для себя. Не случайно противники Трампа из рядов Демократической партии и среди немалой части республиканцев язвительно определили его видение Америки и ее будущего как формирование за всевозможными стенами и заборами «Трампистана», то есть превращение США во что-то вроде Афганистана, Пакистана и других подобных им мусульманских стран.

Попутно можно отметить, что «либерально-глобалистская» пародия на взгляды Трампа является американским изданием аналогичных карикатур, таких как «закрытая Великобритания», в которую превратится Англия после выхода из ЕС, «закрытая Франция», ассоциируемая со взглядами французских «суверенистов», «закрытая Голландия» нидерландской Партии свободы, отвергающей безудержную иммиграцию, но отнюдь не ставящей под вопрос принципы государства, которое исторически возникло как культурный и экономический центр международной торговли.

Реально на всём протяжении последних 20–25 лет в США идеология либертарного универсума «без границ», исповедовавшаяся Демократической партией со времен У. Клинтона (1993–2001 гг.), в той или иной форме всегда противостояла идеологии умеренной открытости, которая была взята на вооружение в Республиканской партии, политики которой никогда не забывали об американской глубинке как о важнейшей составляющей своей внутривнутриполитической базы. Но именно «революция Трампа» явилась мощным катализатором метаморфозы этих до известной степени близких идеологием в параноидальную антитезу «открытого» и «закрытого» обществ.

Таким образом, именно противники Трампа, раскручивая спираль «российской угрозы», сами замкнули стратегию «холодной войны 2.0», сформировавшуюся в годы второго срока пребывания у власти администрации Б. Обамы (примерно с 2013 по начало 2017 г.), на идеологию закрытости.

Парадоксальным образом, признаки реальной идеологии «закрытого общества» демонстрируют скорее глобалисты — противники Трампа, обвиняющие его в «закрытости». Растущие проявления этой тенденции можно усмотреть в том, как рассматриваются и освещаются «связи» администрации Трампа и его ближайшего окружения с представителями России и просто российскими гражданами. Американские СМИ полны описаний встреч и знакомств Трампа, членов его семьи и доверенных лиц с российскими официальными и неофициальными лицами. Причем эти хронологические описания насчитывают десятки имен и восходят к 1979 г.! Но их изучение показывает, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о знакомствах и контактах, давно ставших *обычной практикой делового и личного общения, и тем более естественных в условиях глобализации*. В частности, в вину Трампу было вменено то обстоятельство, что с 2001 г., когда в Нью-Йорке появился построенный миллиардером жилой небоскреб Трамп Уолрд Тауэр, по 2004 г. треть апартаментов, расположенных с 76-го по 83-й этаж небоскреба и продававшихся на сугубо коммерческой основе, была приобретена выходцами из России или людьми, имевшими с ней экономические отношения!

Противоречивое формирование в США реальной психологии «закрытого общества» в кругах, культивирующих идеологию глобализации и все более «открытого общества», является поворотным пунктом, который нуждается в глубоком и всестороннем осмыслении. (Этот момент важен в том числе для пересмотра многих российских концепций общественного развития и схем встраивания России в современную систему международных отношений.) Насколько далеко зайдет этот процесс, в настоящее время сказать трудно, но целый ряд американских политологов все более склоняются к мысли, что эпоха Трампа может войти в историю не как смена векторов внутри- и внешнеполитического курсов, а как радикальная «смена режима» функционирования американской политической системы. [См. в частности: Кеск].

Литература:

170620 Letter to DHS Secretary Kelly From Senator Warner to Disclose Publicly the Foreign Interference in the 2016 Elections. — Mode of access: scribd.com/document/351791185/170620-

- Letter-to-DHS-Secretary-Kelly-From-Senator-Warner-to-Disclose-Publicly-the-Foreign-Interference-in-the-2016-Elections, opensocietyfoundations.org/people/george-soros (date of access 11.07.2017).
- Abramson A.* Is President Trump Under Investigation? Here's What We Know // Time. Jun 19, 2017. — URL: time.com/4823514/donald-trump-investigation-jay-sekulow (date of access 11.07.2017).
- Alford H.* Is Donald Trump Actually a Narcissist? Therapists Weigh In! // Vanity Fair. November 11, 2015. — URL: vanityfair.com/news/2015/11/donald-trump-narcissism-therapists (date of access 11.07.2017).
- Berman J.* Trump doesn't want a poor person running the economy, but research suggests he should rethink that // Market Watch. June 22, 2017. — URL: marketwatch.com/story/president-trump-doesnt-want-a-poor-person-running-the-economy-why-that-could-be-a-mistake-2017-06-22 (date of access 11.07.2017)
- Bloomberg. Markets. Dow Jones. — Mode of access: bloomberg.com/quote/DM1:IND (date of access 11.07.2017).
- CBO. H.R. 1628. Better Care Reconciliation Act of 2017. An Amendment in the Nature of a Substitute [LYN17343] as Posted on the Website of the Senate // Committee on the Budget on June 26, 2017. PP. 12, 47. — URL: cbo.gov/system/...2017.../52849-hr1628senate.pdf (date of access 11.07.2017).
- Chamorro-Premuzic T.* Why We Keep Hiring Narcissistic CEOs // Harvard Business Review/ November 29, 2016. — URL: hbr.org/2016/11/why-we-keep-hiring-narcissistic-ceos (date of access 11.07.2017).
- Databases, Tables & Calculators by Subject. Employment, Hours, and Earnings from the Current Employment Statistics survey (National). United States Department of Labour. Bureau of Labour Statistics. — Mode of access: data.bls.gov/timeseries/CES0000000001?output_view=net_1mth (date of access 11.07.2017).
- Douglas L.* Impeachment seemed impossible a few days ago. Not anymore // The Guardian. 18 May 2017. — URL: theguardian.com/commentisfree/2017/may/18/donald-trump-impeach-special-counsel-robert-mueller-fbi (date of access 11.07.2017).
- Gerson M.* The GOP's hard, messy options for destroying Trumpism // «The Washington Post», June 19, 2017. — URL: [washingtonpost.com/opinions/the-gops-hard-messy-options-for-destroying-trumpism/2017/06/19/d6483a56-5517-11e7-a204-ad706461fa4f_story.html?hpid=hp_no-name_opinion-card-f%3Ahomepage%2Fstory&utm_term=.8c7ec618a5a6](https://www.washingtonpost.com/opinions/the-gops-hard-messy-options-for-destroying-trumpism/2017/06/19/d6483a56-5517-11e7-a204-ad706461fa4f_story.html?hpid=hp_no-name_opinion-card-f%3Ahomepage%2Fstory&utm_term=.8c7ec618a5a6) (date of access 11.07.2017).
- Harper S.* A Timeline: Russia and President Trump. Investigative reporters have begun to flesh out the Trump/Russia timeline. To keep everything in one location, here is an updated summary (so far) // Moyers and Company. June 26, 2017. — URL: billmoyers.com/story/the-trump-resistance-plan-a-timeline-russia-and-president-trump (date of access 11.07.2017).
- Huang C.* Trump Cabinet members with the highest net worths // Aol.com. Feb 10th 2017. — URL: aol.com/article/finance/2017/02/10/trump-cabinet-members-with-the-highest-net-worths/21711725 (date of access 11.07.2017).
- Inglehart R., Norris P.* Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash. Harvard Kennedy School. Faculty Research Working Paper Series. August 2016. RWP16-026. P.3. — URL: ssrn.com/abstract=2818659 (date of access 11.07.2017).
- Intelligence Community Assessment. Background to “Assessing Russian Activities and Intentions

- in Recent US Elections”: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. 6 January 2017. ICA 2017-01D. V + 14 pp. Mode of access: dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf (date of access 11.07.2017).
- Kar R.* Trump as the First Deal-Maker-in-Chief. Promise and Perils of the Model // Illinois Law Review. April 29, 2017. — URL: illinoislawreview.org/symposium/first-100-days/trump-as-the-first-deal-maker-in-chief (date of access 11.07.2017).
- Keck Th.* Will Donald Trump Break Political Time? Or, Is President Trump More Like Victor Orbán or Franklin Pierce? 25 May, 2017. 20 pp. Mode of access: papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2950015 (date of access 11.07.2017)
- McAdams D.* The Mind of Donald Trump. Narcissism, disagreeableness, grandiosity—a psychologist investigates how Trump’s extraordinary personality might shape his possible presidency // The Atlantic. June 2016. — URL: theatlantic.com/magazine/archive/2016/06/the-mind-of-donald-trump/480771 (date of access 11.07.2017).
- Mikolajczak C.* Stocks gain on Trump policy bets; S&P breaks \$20 trillion // Reuters. Feb 13, 2017. — URL: reuters.com/article/us-global-markets-idUSKBN15R130 (date of access 11.07.2017).
- New Residential Sales Historical Data. United States Census. — Mode of access: census.gov/construction/nrs/historical_data/index.html (date of access 11.07.2017).
- Open Society Foundation. Staff. George Soros. Founder / Chairman: Prepare For Regime Change, Not Policy Change // Dissent. November 13, 2016. — URL: dissentmagazine.org/blog/trump-victory-regime-change-lessons-autocrats-erdogan-putin (date of access 11.07.2017).
- Remarks by President Trump on Agricultural Innovation / Cedar Rapids // The White House. Office of the Press Secretary. IA. June 21, 2017. — URL: whitehouse.gov/the-press-office/2017/06/22/remarks-president-trump-agricultural-innovation-cedar-rapids-ia. (date of access 11.07.2017).
- Shepard S.* Poll: Support for Trump impeachment rises // Politico. 05.31.2017. — URL: politico.com/story/2017/05/31/trump-impeach-polling-238947 (date of access 11.07.2017).
- Statement of Hon. Connie Lawson, Indiana Secretary of State President-Elect, National Association of Secretaries of State Co-Chair, NASS Election Security task force Concerning Russian Interference in the 2016 U.S. Elections Before the Select Committee on Intelligence. United States Senate. June 21, 2017. P. 2. — Mode of access: intelligence.senate.gov/sites/default/files/documents/os-clawson-062117.pdf (date of access 11.07.2017)
- Testimony of Jeanette Manfra, Acting Deputy Under Secretary for Cybersecurity and Communications, National Protection and Programs Directorate, U.S. Department of Homeland Security; Dr. Samuel Liles, Acting Director, Cyber Division. Office of Intelligence and Analysis, U.S. Department of Homeland Security before the Select Committee of Intelligence // United States Senate. Washington, D.C. Addressing Threats to Election Infrastructure, June 21, 2017. P.3. — URL: intelligence.senate.gov/sites/default/files/.../os-jmanfra-062117.PDF (date of access 11.07.2017).
- The American Presidency Project. Executive Orders: Washington — Trump. — Mode of access: presidency.ucsb.edu/data/orders.php (date of access 11.07.2017).
- The Cook Political Report. 2016 Popular Vote Tracker. Updated 1-3-17. — Mode of access: cookpolitical.com/story/10174 (date of access 11.07.2017).
- Top-Secret NSA Report Details Russian Hacking Effort Days Before 2016 Election // The Intercept. June 5, 2017. — URL: theintercept.com/2017/06/05/top-secret-nsa-report-details-russian-hacking-effort-days-before-2016-election (date of access 11.07.2017).
- Trump unleashes \$4 trillion in stock market gains since election, says Wilbur Ross // CNBS. 19 Jun

2017. — URL: cnbc.com/2017/06/19/wilbur-ross-trump-has-driven-the-stock-market-to-4-trillion-in-gains.html (date of access 11.07.2017).
- Watts A., Lilienfeld S., Smith S. et.al.* The Double-Edged Sword of Grandiose Narcissism. Implications for Successful and Unsuccessful Leadership Among U.S. Presidents // *Psychological Science*. December 2013. Pp. 2379-2389.
- White B., Nussbaum M.* Trump's team of gazillionaires // *Politico*. 11.24.2016. — URL: politico.com/story/2016/11/donald-trump-cabinet-billionaires-millionaires-231831 (date of access 11.07.2017).
- Zapotosky M., Demirjian K.* Homeland Security official: Russian government actors tried to hack election systems in 21 states // *The Washington Post*. June 21, 2017. — URL: washingtonpost.com/world/national-security/homeland-security-official-russian-government-actors-potentially-tried-to-hack-election-systems-in-21-states/2017/06/21/33bf31d4-5686-11e7-ba90-f5875b7d1876_story.html?utm_term=.f1cf90657676 (date of access 11.07.2017).

УДК 323; 327; 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Европа перед выбором: исторические развилки иберийских стран

Аннотация. В ходе финансово-воспроизводственного кризиса 2008–2009 гг. Испания и Португалия столкнулись с драматическим переплетением внутренних и внешних шоков. С тех пор иберийские страны переживают переходное состояние, перелом трендов экономического и социально-политического развития. Определенные изменения происходят и в сфере международных связей этих государств, в системе их региональных и глобальных альянсов. Все это — составная часть тех процессов, которые наблюдаются в недрах Европейского союза в год 60-летия Римского договора.

Ключевые слова: Испания, Португалия, Евросоюз, иберийские страны, кризис, экономическое развитие, макроэкономические показатели, внутривполитический ландшафт, новые тренды..

Нынешний год — особый в жизни государств-членов Европейского союза. 1 января исполнилось 15 лет с начала хождения единой европейской валюты — евро. 25 марта будет отмечаться 60-летие Римского договора, заложившего основу функционирования Европейского экономического сообщества. А главное, в 2017 г. должны быть приняты многие судьбоносные решения, касающиеся текущего положения и обозримого будущего Евросоюза и призванные вывести его из зоны повышенных рисков.

Напомним некоторые их упомянутых рисков. Это беспрецедентно длительная рецессия и не до конца преодоленные последствия кризиса 2008–2009 гг. Это «социальная усталость» населения перед лицом углубляющегося имущественного неравенства. Отнесем сюда и внутривполитическую турбулентность, подогреваемую оживлением левого и правого радикализма; относительное ослабление позиций Европы в глобальной экономике и мировой торговле; болезненный «развод» с Великобританией и угрозу интенсификации сепаратистских тенденций; «фактор Трампа» и выработку новых принципов трансатлантического партнерства; имеющий цивилизационные коннотации миграционный кризис; изматывающую обе стороны «войну санкций» с Россией и т.д. Все затянулось в тугой узел проблем, властно требующих скорейшего эффективного решения. В известной мере наступил момент истины: Евросоюз должен дать ответ на брошенные ему вызовы, выбрать новую парадигму своего существования, выйти из политического оцепенения.

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

Конечно, каждая из стран ЕС «несчастлива по-своему», но есть сюжеты, характерные для большинства членов Евросоюза. Это можно проследить на примере Испании и Португалии. Проблемы, стоящие перед ними, присущи и другим европейским странам. Практически повсюду отсутствует консенсус по вопросу о магистральных путях развития и конкретных способах решения накопившихся задач. Наблюдается разброс мнений и экспертных оценок, идейно-политическая борьба становится все острее. Это объяснимо: на кону будущее европейских государств, которое зависит от того, по какому историческому маршруту они двинутся дальше. И здесь имеется ряд принципиальных экономических, социальных и политических *развилок*, формирующих проблемное поле нынешнего этапа общественной эволюции Европы.

Экономика: переход на «новую норму»

Главная цель, стоящая сегодня перед Мадридом и Лиссабоном, — окончательно преодолеть тяжелые последствия кризиса 2008–2009 гг., обеспечить очередной рывок в экономике и на этой основе добиться существенного повышения жизненного уровня основной массы населения, по ключевым показателям вплотную приблизиться к передовым государствам Европейского союза. Эта задача как бы распадается на две части. Во-первых, необходимо сконструировать обновленную модель внутреннего общественного динамизма, выдвинуть актуальные приоритеты национального развития, отвечающие на вызовы посткризисной ситуации. Во-вторых, требуется экономически и политически адаптироваться к меняющемуся континентальному и мировому контексту, изыскать способы более эффективного участия в международном разделении труда, глубже вписаться в глобальные цепочки добавленной стоимости, полнее использовать внешние факторы в целях собственной модернизации.

В обеих иберийских странах посткризисные экономики имеют сходные черты. Но есть, разумеется, национальные особенности, порой весьма существенные.

Общим знаменателем стал переход иберийских экономик на «*новую нормальность*», основные параметры которой статистически отражены в данных таблиц 1 и 2.

Данные показывают, что нынешняя экономическая траектория Испании в сравнении с предкризисным периодом 2001–2005 гг. характеризуется существенными отличиями. В том числе: несколько снизились темпы прироста ВВП, ощутимо сократилось частное и критически сжалось государственное потребление, упали валовые капиталовложения, радикально замедлилось увеличение стоимости рабочей силы. Одновременно резко вырос суверенный долг, превысивший в 2014 г. объем ВВП. Значительно возросли государственные расходы, что привело к образованию крупного бюджетного дефицита. Драматически увеличилась безработица, в 2013 г. году достигшая своей высшей точки — 26,1%. Не претерпела заметных изменений динамика производительности труда: она осталась на прежнем сравнительно низком уровне, что служит одним из главных препятствий на пути ускорения хозяйственного роста. Вместе с тем ряд достаточно важных макроэкономических показателей продемонстрировал устойчивый положительный тренд, что в первую очередь относится к экспорту товаров и услуг.

Таблица 1

Динамика макроэкономических показателей Испании (изменение в %)

Показатель	2001–2005	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП	3,4	1,4	3,2	3,2	2,3	2,1
Частное потребление	3,4	1,6	2,7	3,0	2,1	1,8
Государственное потребление	4,9	-0,3	2,0	1,3	0,9	0,8
Валовые капиталовложения	5,8	3,8	6,0	4,6	4,8	3,8
Безработица (%)	10,8	24,5	22,3	20,4	18,9	16,0
Производительность труда	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,4
Стоимость рабочей силы	3,2	-0,4	0,2	0,2	1,1	1,2
Госдолг (% ВВП)	42,3	100,4	99,8	99,7	100,0	99,7
Экспорт товаров и услуг	2,9	5,1	6,0	6,1	5,8	4,3
Импорт товаров и услуг	8,0	6,4	7,9	7,4	6,2	4,3
Бюджетные доходы (% ВВП)	38,4	38,9	38,6	38,0	38,2	38,2
Бюджетные расходы (% ВВП)	38,5	44,9	43,8	41,7	41,6	41,1
Бюджетный результат (% ВВП)	-0,1	-6,0	-5,2	-3,7	-3,4	-2,9

2001–2005 гг. – среднегодовые показатели; 2016 г. – оценка, 2017 и 2018 г. – прогноз.

Источник: European Economic Forecast – Winter 2017. Brussels: European Commission, 2017. P. 143–164.

Таблица 2

Динамика макроэкономических показателей Португалии (изменение в %)

Показатель	2001–2005	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП	0,9	0,9	1,6	1,3	1,6	1,5
Частное потребление	1,2	2,3	2,6	2,1	1,6	1,2
Государственное потребление	2,7	-0,5	0,8	0,6	0,4	0,5
Валовые капиталовложения	-1,9	2,3	4,5	-1,5	3,8	4,2
Безработица (%)	7,1	14,1	12,6	11,2	10,1	9,4
Производительность труда	0,9	-0,5	0,2	0,1	0,8	0,9
Стоимость рабочей силы	2,9	-1,3	-0,5	1,3	0,4	0,3
Госдолг (% ВВП)	67,4	130,6	129,0	130,5	128,9	127,1
Экспорт товаров и услуг	2,7	4,3	6,1	3,9	4,1	4,2
Импорт товаров и услуг	2,0	7,8	8,2	3,9	4,3	4,3
Бюджетные доходы (% ВВП)	40,2	44,6	44,0	44,0	44,1	43,5
Бюджетные расходы (% ВВП)	45,2	51,8	48,4	46,2	46,1	45,7
Бюджетный результат (% ВВП)	-5,0	-7,2	-4,4	-2,3	-2,0	-2,2

2001–2005 гг. – среднегодовые показатели; 2016 г. – оценка, 2017 и 2018 г. – прогноз.

Источник: European Economic Forecast – Winter 2017. Brussels: European Commission, 2017. P. 143–164.

По сравнению с ситуацией в Испании, посткризисное экономическое положение Португалии по ряду показателей характеризуется более «мягкими» изменениями, но

их направленность в большинстве случаев повторяет испанские тренды. А именно: умеренный прирост ВВП при сохранении бюджетного дефицита, сравнительно высокой безработице, огромном государственном долге, сдерживании увеличения реальной заработной платы, вялом повышении производительности труда, ограничении государственных расходов. Положительными моментами стали наращивание валовых капиталовложений и (как в Испании) возгонка экспорта. Тем не менее при таких темпах увеличения ВВП экономика Португалии может на годы застрять на низкой траектории роста.

Индикатором посткризисного экономического восстановления в иберийских странах служит оживление на рынке недвижимости. В Испании, например, в 2016 г. было продано около 404 тыс. жилищ (1100 в день), что на 12% превысило показатель «провального» 2012 г. Но и нынешний объем продаж далеко отстает от рекордного уровня 2007 г., когда испанцы и граждане других стран приобрели на местном рынке свыше 775 тыс. квартир и индивидуальных домов [Diaz Guijago].

Но подлинным локомотивом выхода Испании и Португалии из кризиса стала обрабатывающая промышленность. В Испании ключевую роль сыграла автомобильная отрасль, испытавшая сильнейшие потрясения в период кризиса. В 2007–2012 гг. выпуск автомобилей снизился с 2890 тыс. до 1979 тыс. (на 32%), а в 2016 г. практически полностью восстановился, почти достигнув докризисного уровня — 2886 тыс. машин [Anfac]. В Португалии на этапе нейтрализации кризисных эффектов основной упор также был сделан на поощрение предпринимательской деятельности и производственное взаимодействие в высокотехнологичных секторах. В результате в настоящее время в стране сложилось несколько конкурентоспособных кластеров: автомобильный (на базе компании «Autoeuropa»), авиационный (лидер — фирма OGMA), химический и нефтехимический, телекоммуникационный, информационный, фармацевтический, биотехнологический, возобновляемых энергоносителей и т. д. [Яковлев...Стратегические...].

С целью преодоления рецессии и ускорения экономического развития ведущие европейские государства (прежде всего Германия) взяли курс на приоритетное развитие отраслей, формирующих ядро четвертой технологической революции (индустрии 4.0). Какое место в процессе внедрения и использования в экономике новейших технологий заняли иберийские страны? Возьмем в качестве примера рынок промышленной робототехники, в значительной мере определяющий технико-технологический уровень национального хозяйства.

В середине 2010-х годов в Испании и Португалии производство, продажа и применение промышленных роботов существенно увеличились, причем Испания вошла в топ-10 государств мира по этим критериям. В 2005–2015 гг. в испанской индустрии количество роботов возросло почти на 40% и достигло 33,3 тыс., или более 130 единиц на 10 тыс. занятых в промышленности [Estudio...]. Данный показатель (так называемая плотность роботизации) почти в два раза превысил среднемировой уровень. Важно и то, что свыше 200 испанских компаний заняты производством робототехники и немалую часть своей продукции отправляют на экспорт — в частности, в соседнюю Порту-

галию. В этой стране достижения более скромные: плотность роботизации составляет 42 ед. (2015 г.), что существенно ниже, чем в ведущих государствах Евросоюза. Свое отставание португальские предприятия пытаются компенсировать как наращиванием собственного производства (этим заняты 13 местных компаний), так и увеличением импорта. Объем последнего в 2011–2015 гг. вырос вдвое [El mercado...].

В конце января 2017 г. премьер-министр Португалии Антониу Кошта провозгласил частно-государственную стратегию комплексного развития в стране индустрии 4.0. Программа действий, рассчитанная на четыре года и оцениваемая в 4,5 млрд евро, включает в себя 60 мероприятий, которые создадут дополнительные стимулы роста для 50 тыс. высокотехнологичных компаний. Она предусматривает участие как крупных корпораций, включая португальские филиалы зарубежных ТНК, так и местных предприятий малого и среднего бизнеса [Governo...].

Таким образом, наметившиеся позитивные количественные изменения в экономиках Испании и Португалии в настоящее время дополняются важными качественными переменами, главная из которых — стратегический курс на реиндустриализацию на новой научно-технологической основе.

Глобальные факторы экономического роста

Общая черта экономического развития иберийских стран последних лет — повышение роли экспорта товаров и услуг, увеличение их доли в ВВП, интенсификация глобальных внешнеэкономических связей. Как отмечалось в редакционной статье влиятельного органа деловых кругов Испании — газеты «Cinco Días», «экспорт стал той вакциной, которая помогла испанской экономике пережить самые тяжелые моменты кризиса» [El valor...]. Примерно то же можно сказать и об экспортном секторе португальской экономики.

Действительно, выход иберийских экономик из кризисного состояния был осуществлен во многом благодаря повышенной и целенаправленной активности местных предприятий (промышленных компаний и банков) на внешних рынках, что в определенной мере позволило компенсировать провалы внутреннего потребительского спроса, поддержать уровень производства и обеспечить прибыльность предпринимательской деятельности. При этом товарный экспорт в 2009–2016 гг. существенно увеличили оба государства: Испания — на 58,8%, Португалия — на 57,1% (таблицы 3 и 4).

Характерно, что обе страны сумели радикальным образом сократить традиционные для них дефициты внешней торговли. Этому способствовали опережающий рост экспорта и резкое снижение мировых цен на нефть и нефтепродукты, импорт которых занимает большое место во внешних закупках и Испании, и Португалии. В частности, испанские расходы на приобретение за рубежом углеводородных энергоносителей в 2013–2016 гг. сократились с 57,2 до 22,0 млрд евро (на 62%), а португальские — с 11,2 до 6,2 млрд евро (на 45%) [ITC...].

Таблица 3

Испания: внешняя торговля товарами (млрд евро)

Год	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2007	185,0	285,0	470,0	-100,0
2008	189,2	283,4	472,6	-94,2
2009	160,0	206,2	366,2	-46,2
2010	185,5	237,6	423,1	-52,1
2011	214,1	260,5	474,6	-46,4
2012	222,3	253,4	475,7	-31,1
2013	234,1	250,2	484,3	-16,1
2014	239,7	264,0	503,7	-24,3
2015	250,6	275,0	525,6	-24,4
2016	254,5	273,3	527,8	-18,8

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.asp

Таблица 4

Португалия: внешняя торговля товарами (млрд евро)

Год	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2007	38,3	60,0	98,3	-21,7
2008	38,9	64,3	103,2	-25,4
2009	31,7	51,5	83,2	-19,8
2010	37,2	58,5	95,7	-21,3
2011	42,8	59,5	102,3	-16,7
2012	47,3	56,4	103,7	-9,1
2013	47,3	57,0	104,3	-9,7
2014	48,1	58,9	107,0	-10,8
2015	49,8	60,1	109,9	-10,3
2016	50,3	61,0	111,3	-10,7

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.asp

Настойчиво наращивая товарный экспорт, Испания в 2015 г. вышла на 18-е место в мире по его стоимостному объему (1,7% общемирового экспорта). Показатели Португалии, естественно, значительно скромнее — 47-е место и 0,3% [WTO...]. По итогам 2016 г. Испания в мировой торговле товарами вышла на один из самых значительных приростов экспорта — 1,6%. Казалось бы, увеличение не столь большое, но оно имело место на фоне глобального сокращения экспорта и падения внешних поставок у целого ряда ключевых государств: у Великобритании — на 0,2%, Франции — на 0,9, США — на 3,2, Китая — на 6,4, Японии — на 7,4% и т. д. Показательно, что в первом полугодии 2016 г. из 70 ведущих экономических держав только четыре страны (во главе с Испанией) избежали снижения стоимости своего экспорта [Molina...España, el país...].

Заметную роль иберийские страны играют в международном экспорте услуг: Испания находится на 11-м месте в мировой таблице о рангах, а Португалия — на 35-м. В 2009–2015 гг. испанский сервисный экспорт вырос на 32% и достиг 106,4 млрд евро, а португальский увеличился на 56% и превысил 25 млрд евро (таблицы 5 и 6). В немалой степени такой экспоненциальный рост был обеспечен чрезвычайно благоприятной конъюнктурой на рынке туристических услуг: в указанные годы приток иностранных туристов в Испанию увеличился с 52,2 до 68,2 млн человек (рост на 31%), а в Португалию — с 6,4 до 10,2 млн (рост на 59%). Соответственно выросли поступления от туризма, составившие в 2015 г. в Испании 67,2 млрд, а в Португалии 12,6 млрд евро [UNWTO]. В обозримом будущем отмеченный повышательный тренд может сохраниться, поскольку, например, в 2016 г. количество иностранных туристических посещений Испании увеличилось на 10,4% — до 75,3 млн чел., причем их расходы составили 77 млрд евро [Molina...España rompre...].

Таблица 5

Испания: внешняя торговля услугами (млрд евро)

Год	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2007	87,5	58,7	146,2	+28,8
2008	90,0	59,9	149,9	+30,1
2009	80,8	51,2	132,0	+29,6
2010	85,2	51,4	136,6	+33,8
2011	93,7	51,2	144,9	+42,5
2012	95,3	50,1	145,4	+45,2
2013	95,2	47,6	142,8	+47,6
2014	99,8	51,5	151,3	+48,3
2015	106,4	58,5	164,9	+47,9

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Service_SelCountry_TS.aspx

Таблица 6

Португалия: внешняя торговля услугами (млрд евро)

Год	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2007	16,9	9,8	26,7	+7,1
2008	17,7	10,5	28,2	+7,2
2009	16,2	9,9	26,1	+6,3
2010	17,2	10,7	27,9	+6,5
2011	19,3	11,3	30,6	+8,0
2012	20,0	10,6	30,6	+9,4
2013	21,0	10,9	31,9	+10,1
2014	23,6	12,1	35,7	+11,5
2015	25,2	12,9	38,1	+12,3

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Service_SelCountry_TS.aspx

В деле стабилизации финансового положения иберийских государств немалую роль сыграло крупное положительное сальдо международной торговли услугами, аккумулярованный объем которого в 2009–2015 гг. для Испании составил почти 295 млрд евро, с лихвой перекрыв дефицит в торговле товарами, а для Португалии — свыше 61 млрд евро (компенсация порядка 62% отрицательного сальдо трансграничного товарного обмена).

Углубление интернационализации иберийских экономик привело к росту числа компаний-экспортеров. В Испании, например, в 2008–2016 гг. их количество увеличилось почти на 47% и достигло 148794, из которых 49792 предприятий (свыше 33%) осуществляли поставки продукции на внешние рынки на регулярной основе [España...]. Схожий процесс имел место и в Португалии. Все более широкий сегмент иберийских производителей товаров и услуг выстраивает свою маркетинговую стратегию с ориентацией на международные рынки, настойчиво осваивает глобальное бизнес-пространство. При этом драйверами внешнеэкономической экспансии выступают крупнейшие транснациональные корпорации и банки, что особенно характерно для Испании. В недрах местного предпринимательского сообщества сформировалась сравнительно многочисленная группа ТНК (строительных, энергетических, инжиниринговых), не только осуществляющих экспортные поставки, но и реализующих за рубежом масштабные инвестиционные проекты [Яковлев...Испания: посткризисная...]. Например, только за один 2015 г. испанские компании добились зарубежных контрактов на сумму свыше 55 млрд евро [Maqueda].

В 2017 г. в топ-100 рейтинга самых дорогих брендов мира вошли две испанские корпорации: банк «Santander» и текстильный гигант «Inditex». Заметим, что вся Европа в этом списке представлена 17 компаниями (пятью немецкими, четырьмя британскими, тремя французскими, двумя шведскими и одной швейцарской) [Brand]. В топ-100 не попали ведущие предприятия таких высокоразвитых стран, как Италия, Нидерланды, Бельгия. Столь скромное присутствие европейских брендов на фоне американо-китайского доминирования красноречиво говорит об экономических сложностях, которые переживает Старый Свет, что лишний раз оттеняет успехи испанских предприятий.

В ходе кризиса 2008–2009 гг. и в первые посткризисные годы предпринимательским (и правительственным) кругам иберийских стран пришлось переосмыслить ряд привычных подходов к внешнеэкономическим связям. Прежде всего встала задача максимально широкого включения местных предприятий в уже существующие глобальные цепочки добавленной стоимости, а также (и это — вызов стратегического порядка) создания собственных, формируемых в Испании и Португалии цепочек стоимости.

В целом иберийские страны извлекли выгоды из сложившегося международного торгово-экономического порядка, сумели приспособиться к существующим правилам игры. Поэтому для них неприятным сюрпризом стал протекционистский внешнеэкономический курс администрации Дональда Трампа («трампономика»), направленный на переформатирование мировой торговли. По оценке иберийских деловых кругов, политика Белого дома может затруднить экспорт продукции Испании и Португалии на американский рынок [Nunes].

Таким образом, на этапе выхода из кризиса и преодоления его последствий происходила интенсивная глобализация испанского и португальского бизнеса. В результате не только открылись новые возможности, но и значительно возросли риски: усилилась зависимость иберийских экономик от внешних факторов, от состояния дел на мировых рынках.

До настоящего времени полное экономическое восстановление иберийских стран и их переход на траекторию устойчивого роста не гарантированы по двум фундаментальным причинам. Во-первых, нет уверенности в том, что правящие круги будут последовательны в поддержке отраслей индустрии 4.0 и направят необходимые финансовые ресурсы (по своим масштабам значительно превышающие нынешние ассигнования) на приоритетное ускоренное развитие сферы НИР. Во-вторых, негативное воздействие на состояние иберийских (и других европейских) экономик могут оказать перемены на глобальном уровне, связанные с «эффектом Трампа».

Перекройка внутривнутриполитического ландшафта

Одним из последствий кризисных испытаний стало то, что в иберийских странах (особенно в Испании) сформировался климат неприятия политики властей, на которые население возложило ответственность за ухудшение социально-экономического положения. Многие ведущие политические деятели, представители правящих кругов, стали мишенью массового недовольства. С точки зрения наиболее активных выразителей настроений гражданского общества, политический истеблишмент (в первую очередь традиционные партии) в условиях кризиса продолжал давать «старые ответы» на новые вопросы, характеризующие внутреннее и международное положение иберийских государств. Такого рода настроения и оценки дали о себе знать в период избирательных процессов 2015–2016 гг.

В октябре 2015 г. в Португалии прошли парламентские выборы, по итогам которых сформировалось правительство социалистов под руководством деятеля популистского толка Антониу Кошты. Многими и в стране, и за рубежом это было воспринято как угроза восстановительному экономическому процессу, начатому благодаря усилиям предыдущей правоцентристской администрации. В начале 2016 г. португальцы выбрали нового президента. Им стал Марселу Ребелу де Соуза — популярный в стране телеведущий, который идеологически выступал как «левый правых» и подчеркивал, что уже 15 лет назад прекратил активную политическую деятельность [Яковлева].

«Новое политическое время», отсчет которого начался с оформления союза социалистов и леворадикальных партий, задающих тон в парламенте и влияющих на политику правительства, стало периодом испытания на прочность посткризисного модернизационного проекта со всеми его достоинствами и недостатками. Отмеченное в последние годы усиление влияния популистов в политической жизни Португалии — отнюдь не исключение, а во многом общая черта европейской ситуации, явление, изначально порожденное финансово-экономическим кризисом и затянувшейся рецессией. На это указывают и события в соседней иберийской стране.

В Испании всеобщие выборы 20 декабря 2015 г. стали двенадцатыми по счету в постфранкистский период и первыми, на которых реальная борьба развернулась не между двумя ведущими партиями, поочередно правившими страной с 1982 г., а между четырьмя основными политическими организациями. Две из них «старые»: Народная партия (Partido Popular — PP) и Испанская социалистическая рабочая партия (Partido socialista obrero español — PSOE), две — «новые»: Ciudadanos («Граждане») и Podemos («Мы можем»). При этом идейный диапазон противоборствующих сил был сравнительно широк: от правоцентристской идеологии PP до радикально левых настроений многочисленных сторонников Podemos. Симптоматично, что лидер каждой из этих партий уже видел себя в качестве очередного главы испанского правительства. Вполне ожидаемые и предсказываемые многими экспертами итоги выборов, не выявившие безусловного победителя, сделали задачу формирования нового состава исполнительной власти не только весьма сложной, но, как оказалось, невыполнимой [Яковлев...Испания: новые...]. Начался мучительный процесс переговоров между лидерами различных политических сил. Основная развилка свелась к выбору будущего партийно-политического устройства: сохранение доминирования консервативных и умеренных сил или сдвиг влево и усиление позиций сформированной левыми силами коалиции Unidos Podemos («Вместе мы можем»). (Отдельные наблюдатели расценили создание коалиции как «возвращение Ленина в ряды испанских левых»).

Потерпев досадное поражение, Partido Popular, подобно политическому удаву, затаилась в ожидании того, что новые партийные образования не «дожмут» ситуацию, и в конечном счете власть сама упадет ей в руки. Однако было очевидно, что без альянса с другими силами «народники» управлять страной уже не смогут.

Весьма деликатное положение сложилось у испанских социалистов. Им предстояло либо лавировать между PP и новыми политическими партиями, что грозило потерей голосов, либо сдвигаться влево или к центру. Но и там и там уже обосновались сильные конкуренты.

Все попытки договориться и сформировать коалиционное правительство завершились провалом. В итоге 26 июня 2016 г. были проведены вторичные всеобщие выборы, не изменившие коренным образом внутривнутриполитического ландшафта. Основные партии оказались практически на тех же позициях, на которых они находились после электро-альной кампании 2015 г. При этом PP несколько улучшила свой результат, а наибольшие потери понесли PSOE и Ciudadanos (табл. 7).

Выходом из политического тупика, в котором Испания находилась большую часть 2016 г., стало формирование правительства меньшинства под руководством лидера PP Мариано Рахоя. Казалось бы, все вернулось на круги своя. Однако чрезвычайно острая межпартийная борьба и состоявшиеся повторные всеобщие выборы стали во многом переломным событием в политической жизни испанского государства.

Во-первых, итоги выборов подтвердили изменения в раскладе политических сил, обозначили конец эпохи де-факто двухпартийной системы, когда представители PP

и PSOE с завидной регулярностью сменяли друг друга во власти. Характерно распределение мест в конгрессе депутатов — нижней палате Генеральных кортесов, где и делается «большая политика». Так, PP получила 137 мест (на 49 меньше, чем в 2011 г.), PSOE — 85 (минус 25 мест), тогда как Podemos провела в высший законодательный орган 71 представителя, а Ciudadanos — 32. Остальные 25 мест поделили между собой небольшие левые, националистические и открыто сепаратистские организации. В результате на долю PP и PSOE пришлось 63% депутатских мест, тогда как в 2011 г. этот показатель составлял 85%, а в 2008 г. — 93% [Яковлев...Испания:вызовы]. Иначе говоря, испанские избиратели вынесли бипартидизму однозначный приговор.

Таблица 7

Результаты всеобщих выборов в Испании

Партия	20.12.2015 г.		26.06.2016 г.	
	% полученных голосов	места в конгрессе депутатов	% полученных голосов	места в конгрессе депутатов
Partido Popular (PP)	28,7	123	33,01	137
Partido Socialista Obrero Español (PSOE)	22,0	90	22,63	85
Podemos (с союзниками)	20,6	69	21,15	71
Ciudadanos	13,9	40	13,06	32
Остальные	14,8	28	10,15	25

Источник: Gobierno de España. Ministerio del Interior. – interior.gob.es/

Во-вторых (и это следствие первого), в Испании наступила эпоха формирования политических коалиций. Поскольку ни одна из партий не может править в одиночку, необходимы разного рода договоренности и межпартийные союзы. В то же время парламент неизбежно превращается в поле межпартийных баталий, поскольку идеологические установки основных фракций различны. В этом — потенциальная угроза политической нестабильности.

Примечательно и то, что в Испании меняется характер политического процесса. Формируются своего рода контртенденции. Например, впервые за многие годы парламент стал центром политической деятельности. Не исключено и дальнейшее повышение роли законодательной власти, что нередко наблюдается в многопартийных системах.

Всеобщие выборы в Португалии и Испании 2015 и 2016 г. и их итоги — своего рода интермеццо политической истории иберийских стран XXI в., которое как бы разделило ее на два акта: годы кризисных пертурбаций и период формирования новой модели социально-экономического и политического развития. Не случайно все чаще речь идет о новом транзите, о переходном состоянии испанского и португальского социумов. В этом — стержень активности «старых» и «новых» партий, стремящихся занять лидирующие позиции в складывающейся политической системе, прочно закрепиться в структурах власти.

Крутые маршруты внешней политики

Актуальная задача, стоящая перед Испанией и Португалией, — повышение международного авторитета Мадрида и Лиссабона, усиление позиций иберийских стран в Европе и в мире в целом. Определенные надежды на позитивные перемены в португальских правительственных кругах связывают с избранием новым генеральным секретарем ООН бывшего премьер-министра этой страны Антониу Гутерреша, располагающего огромным опытом политической, государственной и международной деятельности.

Проблема в том, что в годы кризиса испанское и португальское государства понесли серьезные репутационные потери. Они были отодвинуты от решения ключевых вопросов в рамках Европейского союза, ослабили свое влияние в других приоритетных районах, прежде всего в Латинской Америке и Африке. В данном контексте, с точки зрения деловых и политических кругов Испании и Португалии, контрпродуктивными выглядят антироссийские торговые и финансовые санкции, введенные Евросоюзом. Потеря огромного российского рынка может быть для иберийских предпринимателей весьма ощутимой. Например, до режима санкций около 7% всего агропромышленного экспорта Испании направлялось в Россию [Molina I.]. Это — немало, поскольку речь идет об одной из главных статей испанского товарного вывоза. Поэтому отмена санкций, восстановление нормальных отношений между РФ и ЕС полностью отвечают интересам иберийских государств. Необходимо помнить, что иберийские страны и Россия экономически дополняют друг друга и являются естественными торговыми партнерами.

Внутриполитическое положение Испании осложняется резким обострением международной обстановки и в других сферах, прежде всего — нарастанием террористической угрозы. Испанцы знакомы с терроризмом не понаслышке. Десятилетия страну сотрясали теракты, организованные боевиками баскской группировки ЭТА. 11 марта 2004 г. на столичном железнодорожном вокзале Аточа исламистские экстремисты «Аль-Каиды» провели серию взрывов, убивших и ранивших свыше 2 тыс. человек. Ужас, охвативший тогда испанское общество, дает о себе знать и по сей день.

В известном смысле Испания находится на передовом рубеже противостояния с международным терроризмом. Главных причин две. Одна в том, что с конца прошлого века страна приняла сотни тысяч иммигрантов из мусульманских государств (сейчас их число достигает двух миллионов человек) [Los musulmanes...], часть которых влилась в ряды размножившихся на испанской территории исламистских радикальных организаций. Это — питательная среда экстремизма и терроризма. Вторая причина — ситуация в автономном городе Сеута, являющемся испанским анклавом на побережье Северной Африки. Из 85 тыс. его жителей более 45 тыс. — мусульмане, среди которых немало сторонников запрещенного в России ИГИЛ. По мнению экспертов, Сеута превратилась в базу подготовки исламистов, направляющихся воевать в Сирию и Ирак. О масштабах таких передвижений говорит тот факт, что только в 2015 г. испанские власти задержали около 100 экстремистов, что, разумеется, лишь вершина айсберга [Reinares].

Дальнейшее расползание международного терроризма создает прямую угрозу будущему иберийских государств, способно перечеркнуть любые планы по восстановлению экономики и нормализации социальной сферы. Это требует активизации анти-террористической деятельности, более тесной координации усилий с теми странами (прежде всего с Россией), которые несут главную нагрузку в войне с ИГИЛ и другими экстремистскими организациями.

Одной из основных задач иберийских государств в международной области является участие в формировании новых, более кризисоустойчивых механизмов управления экономикой и в реформировании европейского экономического и валютно-финансового союза. Без этого Испании и Португалии не вернуть себе значимую роль в европейской политике.

Специфическим вызовом иберийским странам может стать *Brexit* — выход Великобритании из Евросоюза. В частности, негативным последствием будет уменьшение потока британских туристов в Испанию и Португалию. Кроме того, сократится экспорт иберийских товаров на британские острова. Вместе с тем прекращение членства в ЕС лишает Лондон роли финансового центра Объединенной Европы, чем стремится воспользоваться испанское правительство, предлагая кандидатуру Мадрида в качестве новой общеевропейской банковской площадки.

Другим вызовом является новый формат отношений Европейского союза и США, включая перспективы Атлантического партнерства. Испания и Португалия, заинтересованные в расширении внешнеэкономических связей, в целом положительно отнеслись к планам создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), хотя и не закрывали глаза на возможные риски [Яковлев...Трансатлантическое...]. (Кстати сказать, главным переговорщиком по ТТИП со стороны Евросоюза был испанец Игнасио Гарсия Берсеро). Приход к власти Д. Трампа поставил крест на планах трансатлантической интеграции, как она задумывалась администрацией Б. Обамы. В сложившихся условиях Мадрид и Лиссабон поставлены перед необходимостью отстаивания интересов ЕС на переговорах с Вашингтоном по утверждению новых принципов и механизмов международной торговли.

20 февраля 2017 г. в испанской Малаге прошел XXV испано-французский саммит, на котором М. Рахой и президент Франции Ф. Олланд обсудили главные проблемы, с которыми столкнулся Евросоюз: международный терроризм, неконтролируемая миграция, финансово-экономические трудности, торговый протекционизм и т. д. По итогам встречи стороны подписали совместную декларацию, главным пунктом которой была решимость Парижа и Мадрида двигаться по пути углубления интеграционных процессов в рамках Евросоюза. На фоне возникновения разногласий с Вашингтоном подчеркивалась необходимость интенсификации отношений с альтернативными экономическими партнерами [XXV].

Ф. Олланд пригласил М. Рахоя 6 марта текущего года принять участие в совещании руководителей Франции, Германии и Италии. Тем самым демонстрировалось призна-

ние роли Испании в посткризисном восстановлении, а Мадрид фактически занял место Лондона в составе «большой европейской че

* * *

Обобщая, можно констатировать, что на выходе из кризиса в испанском и португальском социумах сформировался запрос на осмысление путей дальнейшего развития иберийских стран. Их общества ждали ответов на фундаментальные вопросы внутреннего и внешнего положения Испании и Португалии. Но при этом создавалось впечатление, что масштаб происходивших событий и новых явлений застал врасплох государственный истеблишмент и интеллектуальное сообщество. Отсюда — весьма ограниченный набор идей и предложений, поступавших со стороны представителей власти и экспертов. Контрастом этому явился мощный выброс общественной энергии и даже (в Испании) формирование новых сравнительно сильных партий, опирающихся на массовый электорат и позиционирующих себя в качестве политической альтернативы.

Главные вызовы, с которыми сталкиваются испанская и португальская экономики, — это не внешние шоки, а внутренние механизмы торможения, заложенные в докризисных моделях национального социально-экономического развития. Именно первичность внутренних факторов диктует основные условия для глубокого обновления хозяйственной системы и определяет сценарии выхода Испании и Португалии на траекторию устойчивого роста.

Каким образом иберийские страны будут преодолевать существующие экономические и социально-политические трудности? Какие общественные тренды возьмут верх и определяют стратегические направления национального развития на среднесрочную перспективу? Другими словами, как будут пройдены нынешние развилки?

Логика подсказывает, что главных вариантов два. Первый (и наиболее вероятный) сводится к сравнительно медленному движению вперед в парадигме «новой нормальности», использованию точечных мер по поддержке отдельных эффективных и конкурентоспособных производств, что на горизонте 5–7 лет чревато очередным обострением структурных проблем, не получающих адекватного комплексного решения. Второй путь ориентирован на широкую диверсификацию источников хозяйственного роста, предполагает мобилизацию испанской и португальской наций на системную трансформацию моделей развития с учетом внутренних и внешних вызовов. Жизнь покажет, какой вариант возьмет верх.

Литература:

Яковлев П.П. Испания: вызовы и риски нового политического цикла. М. 2012. С. 20.

Яковлев П.П. Испания: новые выборы вместо нового правительства // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 2. С. 117–131.

Яковлев П.П. Испания: посткризисная модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 57–68.

- Яковлев П.П.* Стратегические повороты экономической политики Португалии // Латинская Америка. 2014. № 8. С. 38–52.
- Яковлев П.П.* Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 4. С. 25–40.
- Яковлева Н.М.* Португалия в поисках «нового времени» // Латинская Америка. 2016. № 6. С. 45.
- XXV Cumbre hispano-francesa. Declaración conjunta. Málaga, 20 de febrero de 2017. — Mode of access: lamoncloa.gob.es/ (date of access: 21.02.2017).
- Anfac. España supera los objetivos de producción de vehículos para 2016 con 2,88 millones de unidades fabricadas. 17 de enero de 2017. — Mode of access: anfac.com/ (date of access: 20.02.2017).
- Brand Finance. Global 500 — 2017. — Mode of access: brandfinance.com/ (date of access: 20.02.2017).
- Díaz Guijaro R.* Repunta la venta de casas: 1.100 al día en 2016 // Cinco Días. Madrid. 10.02.2017.
- El mercado de la Robótica en Portugal. Julio 2016. — Mode of access: icex.es/ (date of access: 2.02.2017).
- El valor de fortalecer las exportaciones // Cinco Días, 19.09.2016.
- España exporta por 254.530 millones de euros en 2016, record histórico. 20 de febrero de 2017. — Mode of access: lamoncloa.gob.es/ (date of access: 21.02.2017).
- Estudio sobre estadísticas de robótica 2016. — Mode of access: aeatp.com/ (date of access: 1.02.2017).
- ITC. Trade statistics for international business development. — Mode of access: trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx (date of access: 20.02.2017).
- Los musulmanes aumentan en España en 300.000 en cinco años // El País. Madrid. 30.04.2016.
- Maqueda A.* Las compañías españolas ganan cocursos fuera por 55.000 millones // El País. 17.07.2016.
- Molina C.* España rompe la barrera de 75 millones de turistas extranjeros // Cinco Días. Madrid. 12.01.2017.
- Molina C.* España, el país del mundo en el que más suben las exportaciones // Cinco Días. Madrid. 16.09.2016.
- Molina I.* Los desafíos internacionales de España en 2016. // Expansión. Madrid. 12.12.2015.
- Nunes A.* Las pymes españolas y el proteccionismo de Trump // Cinco Días. 08.01.2017.
- Reinares F., Garcia-Calvo C.* Terroristas y organizaciones: facetas de la actual movilización yihadista en España. 16/11/2015. — Mode of access: realinstitutoelcano.org/ (date of access: 02.02.2017).
- UNWTO. Tourism Highlights, 2016 Edition. Madrid. 2016. P. 8.
- WTO. World Trade Statistical Review 2016. — Mode of access: wto.org/ (date of access: 04.02.2017).

УДК 338; 339; 327

**МАКСИМ ПОТАПОВ, АЛЕКСАНДР САЛИЦКИЙ,
НЕЛЛИ СЕМЕНОВА, ЧЖАО СИНЬ, АЛЕКСЕЙ ШАХМАТОВ**

Присвоит ли Запад подъем Китая? Poleмические заметки о месте Запада и Востока в мировом развитии

Аннотация. Западоцентристским концепциям мирового развития авторы противопоставляют диаметрально противоположный взгляд: история европейской, западной цивилизации есть история нескончаемого присвоения чужого. Еще в лице своего прототипа — Древнего Рима — Европа присвоила целую культуру Древней Греции, отбросив затем родоначальницу на Восток и рассматривая его, по мере самопревращения в Запад, через кривую призму ориентализма. В наше время очередным объектом присвоения пытаются сделать успех Китая. Общий смысл западных оценок китайского подъема состоит в том, что своим динамичным развитием Китай обязан капитализму, Западу.

Ключевые слова: европоцентризм, западоцентризм, европейская цивилизация, Запад, Восток, ориентализм, подъем Китая, китайская модель.

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут.
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень Суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что — племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает.

Джозеф Редьярд Киплинг
«Баллада о Востоке и Западе»

Сведения об авторе: ПОТАПОВ Максим Александрович — главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; mpotapov2@yandex.ru.

САЛИЦКИЙ Александр Игоревич — главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; sal.55@mail.ru.

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна — научный сотрудник Центра энергетических и транспортных исследований Института востоковедения РАН.

ЧЖАО Синь — старший преподаватель Института русского языка Пекинского университета иностранных языков, постдокторант Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая, кандидат экономических наук; xinxin88@mail.ru.

ШАХМАТОВ Алексей Владимирович — руководитель секретариата председателя правления ПАО «Газпром», доктор экономических наук; ashakh@gazprom.ru.

Одним из поводов к написанию этой статьи послужила фраза, открывающая яркий журнал мод, случайно попавшийся под руку одному из авторов. Фраза выглядела так: «История моды, как и история европейской цивилизации, зародилась более 5000 лет назад в раскаленных песках пустыни, где выросли государства Древнего Египта и Месопотамии» [Мода..., с.2]. Оставим на совести авторов раскаленные пески (народам и государствам больше нравились плодородные долины рек), но о каком рождении европейской цивилизации пять тысяч лет назад они изволили писать?

Что перед нами? Ответим: типичный пример **присвоения чужого** этой самой европейской цивилизацией. Еще в лице своего исторического прототипа — Древнего Рима, она присвоила целую культуру Древней Греции, отбросив затем родоначальницу на Восток и рассматривая (по мере самопревращения в Запад) Восток через кривую призму *ориентализма*, столь блистательно описанного Эдвардом Саидом [Саид]. Даже эпоху Ренессанса, отчасти положившую конец долгим столетиям мрачного средневековья с его невиданной жестокости религиозными войнами, можно представить как очередное присвоение Европой (Западом) того, что ей никогда не принадлежало — ни исторически, ни культурно. Цивилизации Ближнего и Среднего Востока, тысячелетиями являясь мировым политическим, экономическим и культурным центром, сыграли ключевую роль в развитии западной культуры. Многие инновационные открытия в мире искусства, религии и социальной культуры Запада были лишь отголоском того, что родилось намного раньше в настоящей кузнице мировой эволюции. Основы науки, правосудия, монотеизма, коммерции, медицины, гражданского права и художественного выражения появились на Востоке, оставив огромное литературное наследие, в том числе библиотеки драгоценных манускриптов, сохранивших для Запада античное наследие [См. подробнее: Восток...; История...], практически утраченное в самой Европе.

За всеми этими, возможно, вполне невинными или совершенно неизбежными присвоениями последовал неистовый истребительный процесс, развернувшийся на заре колониальных веков, — победитель забирал чужое и уничтожал, выжигал чуждое. Народы Азии, Африки и Латинской Америки мало что могли противопоставить хорошо вооруженной алчности торгово-пиратских экспедиций португальцев, испанцев, голландцев, англичан и французов. Южная и Северная Америка вовсе лишилась независимости вместе с имевшимся людским потенциалом и культурным слоем. Именно там в XVI-XVIII вв. совершился один из крупнейших в мировой истории геноцид населения, ставший приложением к *присвоению* европейцами двух континентов в Западном полушарии. Дж. Даймонд, автор «Ружьев, микробов и стали» пишет: «...моя книга будет в основном посвящена народам, живущим вне Европы. Не ограничиваясь освещением контактов европейцев и неевропейцев, мы также рассмотрим взаимодействие между различными неевропейскими народами, в первую очередь те случаи, которые касаются коренных обитателей субсахарской Африки, Юго-Восточной Азии, Индонезии и Новой Гвинеи. Вместо того чтобы возвеличивать западноевропейцев, мы убедимся, что базовые элементы их цивилизации первоначально развились у народов, живших в других географических областях, и лишь позднее были импортированы в Западную Европу» [Даймонд]. Здесь, как и у Э. Саида, мы видим: многое из

самой материи Запада является присвоенным. Возможно, что и сам Запад как воплощенное присвоение чужого преходящ и уж во всяком случае концом, венцом истории не является.

Вместо выбитого, преимущественно мужского, населения, оба континента были заселены *рабами* из Африки и частично Китая — так называемыми *чинос*, которых испанцы вывозили с Филиппин, заставляя их еще и жениться на местных жительницах. Отметим здесь в скобках готовность Запада достаточно высоких стадий развития к работе с не-Западом методами эпохи варварства.

Лишь многие десятилетия спустя, с выходом на авансцену мировой истории промышленной революции, «звериный оскал» западного присвоения уходит на второй план. Создание, внедрение и захват рынков с помощью машин огромной производительности при минимальных издержках сулит теперь *большую* отдачу, чем добывание золота в чужих храмах или труд рабов на плантациях. Начинается современная история, но не кончается история присвоения — как не убираются на склады горы все более совершенного оружия.

В процессе разворачивания промышленной революции с середины XIX в. Запад и Восток выступают примерно в их сегодняшних границах. Постепенно нарастающие между ними противоречия осознаются Востоком. США, западное государство, первым освободившееся от западного же колониального владычества, начинает вытеснение из колоний старых европейских «хищников», опираясь на протекционизм, перевороты и прочие методы, но не меняя сути «вечной» игры в присвоение. К концу XIX в. оно само становится матерым хищником, умело разыгрывая козырь демократизма и антимоноархизма. В тихоокеанской Азии (а именно она до сих пор остается «главным Востоком» для американцев, чьи представления и степень знаний о разных частях Азии и Африки, как известно, не совпадают с европейскими), США в 1898 г. устанавливают контроль над испанской Ост-Индией. Тем самым завершается вытеснение Испании из её колониальных владений и присвоение их американцами.

Свобода торговли на экспорт и протекционизм для себя

XIX век стал первым веком активной пропаганды свободы торговли и мореплавания — особенно со стороны «владычицы морей». Под особо пристальным вниманием морских держав и полудержав оказались «узкие места» мировой водной инфраструктуры — порты, проливы, гавани, судоходные реки. Пропаганда морских свобод опиралась вроде бы на научную мысль и преодоление узкого меркантилизма, но примечательным образом расходилась с тем, что в действительности писали о внешней торговле сами классики политэкономии. Их книги, впрочем, коммерсанты не читали, а профессора цитировали выборочно. Промышленники же и вовсе повсеместно страдали протекционизмом, радея о собственном кармане.

Решающая теоретическая дискуссия о мировой торговле состоялась, на наш взгляд, в конце XVIII — первые два десятилетия XIX вв. Напомним некоторые ее положения.

Начнем с Адама Смита и внимательно прочитаем самый цитируемый фрагмент его классической работы, выделив важный момент, который обычно пропускают сегодняшние либералы: «Каждому человеку, **пока он не нарушает законов справедливости**, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса» [Смит, с.492].

Не были классики политэкономии и глобалистами, особенно в современном понимании. На страницах своего главного труда Давид Рикардо часто цитирует А. Смита: «После капитала, вложенного в земледелие, приводит в движение наибольшее количество труда и прибавляет наибольшую стоимость к годовому продукту капитал, функционирующий в мануфактурной промышленности. Из всех трех видов капитала самое слабое действие в этом отношении производит капитал, затраченный на экспортную торговлю... Ж.Б. Сэй разделяет мнение А. Смита» [Рикардо, с. 234]. И еще одна цитата Рикардо из Смита: «Монополия колониальной торговли, подобно всем другим низким и зловредным приемам меркантильной системы, действует угнетающим образом на промышленность всех стран, но больше всего она гнетет промышленность колоний, нисколько не содействуя и, наоборот, даже препятствуя развитию промышленности в странах, в пользу которых установлена монополия» [Рикардо, с.238]. Добавим, что индийские ткани (изготовленные ремесленным способом) в конце XVIII — первой половине XIX вв. были строжайше воспрещены к ввозу в Британию, тогда как английские, по мнению жителей Индии, годились только на подстилки для слонов.

Добавим, что перемещение производительного капитала между нациями в ту пору практически отсутствовало, а если бы оно было, то от схемы Д. Рикардо пришлось бы отказаться: и вино, и сукно тогда было бы дешевле производить в Португалии. Иными словами, «мастерской мира» и «щепетильным Лондоном» остров Британия стал благодаря военному и торговому флоту и, конечно же, Ост-Индской компании, идея которой также была *присвоена* — заимствована у голландцев.

Вот так «выгоды разделения труда и мировой торговли для всех участников»! Из-за этого фасада выглядывает неизменно зубастое существо, очень склонное к *присвоению чужого*. Вдобавок это существо отнюдь не расположено делиться своими техническими секретами — экспорт передовых, по тем временам, промышленных технологий (текстильных и ткацких станков) всячески блокируется. С подключением к промышленной революции целого ряда новых европейских участников, Соединенных Штатов, а затем России и Японии, Запад в силу своей неумной жадности превращает борьбу за внешние рынки сбыта в главное противоречие международных хозяйственных и политических отношений.

Впрочем, еще на заре XIX в. появляются первые протекционистские работы ученых, европейских и российских. Среди их авторов можно назвать Ж. Гереншванда в России и, конечно же, И.Г. Фихте в Германии, написавшего знаменитое «Замкнутое торговое государство» (1800) [Фихте]. Примечательно, что Россия после 1812 г. увлеклась было свободой торговли (под влиянием реформатора М. Сперанского), но вскоре (с 1819 г.)

вернулась к протекционистскому тарифу на западных границах, оставив беспошлинной торговлю с Востоком — русские расстояния защищали местную промышленность и ремесла не хуже таможенных шлагбаумов или прибрежных артиллерийских батарей.

Ориентализм и «пожирание отцов» как инструменты присвоения

В Восточном полушарии к середине XIX в. отношения между Западом и Востоком вполне определились как отношения силы, господства, комплексной гегемонии различной степени, что точно отражено в заглавии классического труда К.М. Паниккара «Азия и господство Запада» [Panikkar]. Восток в восприятии Запада при этом подвергся еще и процедуре «ориентализации». Его «ориентальный» характер не просто открылся в своём своеобразии как отдельный мир, как чужая культура, отличная от западной. Доминировало поверхностное представление о смысле, скрытом за формами и символами: подлинная специфика восточных институтов, традиций, правил поведения, общепринятых кодов значения не имела. «Ориентализация» Востока заключалась и в том, что его *сделали* «ориентальным» — т.е. живущим в прошлом, экзотичным и т.п. [см. Саид].

«...ориентализм проистекает из особой близости, существовавшей между Британией и Францией, с одной стороны, и Востоком — с другой..., — пишет Э. Саид. — С начала XIX в. и до конца Второй мировой войны Франция и Британия доминировали на Востоке и в сфере ориентализма. После Второй мировой войны и в сфере доминирования на Востоке, и в сфере его понимания их сменила Америка. Из этой близости, чья динамичность оказывается исключительно продуктивной, пусть даже она неизменно демонстрирует сравнительно большую силу Запада (Англии, Франции или Америки), исходит большая часть тех текстов, которые я называю ориенталистскими» [Саид, с. 10].

«А потому, — продолжает Э. Саид, — так же как и сам Запад, Восток — это идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь, обусловившие их реальность и присутствие на Западе и для Запада. Таким образом, эти две географические сущности поддерживают и до определенной степени отражают друг друга» [Саид, с.11].

При этом «Восток невидим для Запада, причем с онтологической точки зрения невидим именно как нечто позитивно существующее, как возможность иной, незападной позитивности. И одновременно, с этической точки зрения, невидим как существование позитивного, как возможность иного, незападного блага» [Елагин]

Вернемся к классикам. Как и почти всякий хороший экономист, А. Смит не очень любил бумажную работу, был далек от искусства и мечтал наняться в Ост-Индскую компанию. Но никогда так и не был на Востоке и, подчеркнем, избегал употребления термина «цивилизованный» применительно к Индии и Китаю [Сопленков, с. 258]. Это характерно.

Постепенно в работах политэкономов и западноевропейском революционно-реформаторском движении возникают представления о стадиях в развитии человеческого

общества и особой заслуге римлян, вооруживших *цивилизovanную часть* мира понятиями права, государства и особенно *частной* собственности. (Служба в частных корпорациях того времени или желание на нее попасть были (и остаются) *очень важным стимулом* появления таких представлений. Но и здесь речь шла о явном *заимствовании*, поскольку, например, представление о частном, о своем и чужом, особенно доме — как неприкасаемом — есть во всех культурах. Не будем даже вскользь касаться гораздо большей степени разработанности этого предмета в древнем (нецивилизovanном, по А. Смиуту) Китае.

Европейцам же надо было чем-то завуалировать незнание всемирной истории или ее вольное и пристрастное толкование, а также обосновать отказ от рыцарского отношения к противнику и переход к его истреблению механизированными способами. На помощь церкви в выполнении этой функции обоснования в XVIII в. призвали и «общественную» науку (тут-то, кстати, и произошло разделение наук на естественные и общественные — имеющие, помимо иных, еще и обслуживающие власть функции).

Прочитируем А.Ю. Ашкерова: «Мощь Запада была обретена им именно таким путем — прямого или косвенного наследования богатым мертвецам. При этом разница в положении наследника (Запад — это *Descendant*, *наследник*, «место падения» Солнца) и предка осмысливается в пользу удачливого потомка: то, чем предок *жил*, потомок *обладает*: смерть предка кладет предел, проводит онтологическую границу между «собой» и «своим»: эта граница проходит через смерть породившего ценность, которая теперь может стать объектом присвоения, объектом «захватного права» (как выражался Гегель).

Можно сказать, что первой западной цивилизацией был Рим. Точнее, он превратился в нее, приняв на себя распоряжение «греческим наследством» (тоже в общем собранном из разных источников) и поставив римлян по отношению к эллинам (превращенным в население «провинции Ахайя») в двусмысленное положение «учеников», «презренных греков», само ученичество которых обеспечено победой над учителями (своего рода «культурная революция» — если искать общеизвестные китайские параллели). Современный же нам Запад берет свое начало в акте «Возрождения» — т.е. присвоения себе всего наследия греко-римской культуры (с окрестностями) вчерашними варварами, которые самозванно объявили свою цивилизацию (как целое) *правопреемницей античной ойкумены*» [Ашкеров, с.445].

И какой же блестящей и трогательной противоположностью этому «пожиранию отцов» выглядит забота о стариках в «Лунь Юе» [Конфуцианское.., с.256-258], написанном задолго до выхода на историческую авансцену новообразования под названием «Римская империя».

Китай на пути капитализма?

Битвы за рынки на фоне роста безработицы в Европе, в конечном счете, вызвали две мировые войны. И в обеих войнах со стороны Запада присутствовал империалистиче-

ский, экономический фактор — жажда присвоения. (Заметим, что ни к царской России, ни к СССР, ни к России нынешней понятие «империалистический» не подходит — слишком слабы были (или есть) здесь корпорации и банки для присвоения чужого. А вот насколько эти государства можно считать имперскими — можно обсуждать.)

Послевоенная история распадается на два этапа: промышленно-национальный, государственный и финансово-спекулятивный, компрадорский, — причем второй завершается на наших глазах. Этот второй этап характеризовался **нарастанием страха Запада** перед утратой главного для него — возможности и жгучей потребности присваивать (по причине отмирания колониальной системы). Тем сильнее было это чувство, чем более аппетитным выглядел мир незападный. Но с ростом аппетитности все неподатливее становилась его соблазнительная и, казалось бы, беззащитная плоть.

Китайские коммунисты удержали знамя, если воспользоваться выражением Дэн Сяопина. И не только они одни — есть еще динамичный Вьетнам, Куба, ностальгия по советским временам в России и Восточной Европе. Есть и разного рода антимейнстримные движения на Западе, марксистская литература вновь популярна.

«Китайские споры о том, являются ли проводимые реформы социалистическими или капиталистическими, потихоньку сошли на нет после того, как в 1992 г. КПК провозгласила курс на построение социалистической рыночной экономики. Оставив мировоззренческие дебаты, интеллигенция занялась обсуждением конкретных аспектов преобразований внутри имеющейся системы. Эпоха «измов» временно завершилась, уступив дорогу десятилетию «споров о проблемах», — пишут О.Н. Борох и А.В. Ломанов. Они, по нашему мнению, очень точно определяют общественный строй Китая как **«неосоциализм»**. Это верно и для десятилетнего правления Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао (2002-2012 гг.), и не только, насколько можно теперь судить [Борох].

С приходом к власти Си Цзиньпина многие связывали возможный сдвиг во внутренней политике КНР «вправо», тем более, что либерализация экономики в минувшие несколько лет заметно продвинулась. Но каких-либо серьезных системных сдвигов в Китае до сих пор не наблюдалось, более того, государство прилагает немалые усилия для более справедливого распределения и перераспределения доходов.

На Западе же концепция поменялась. До сих пор преобладали предсказания неизбежного скорого краха Китая, его распада и пр. Они еще звучат [Shambaugh], но существенно меньше. «Возьмите нас с собой в развитие, без нас оно будет ущербным, у вас ничего не получится без нас» — вот новый посыл западных оценок развития Китая, который все более заметен в последние годы [Bell].

Теперешних китайцев называют капиталистами, противопоставляя их «желто-красным» отцам и дедам. И тем самым присваивают себе подъем Китая. Вот характерные названия книг и книжек на эту тему: «Markets Over Mao», «Как Китай стал капиталистическим», «Общественный строй Китая: постсоциалистический капитализм?» [Lardy; Коуз].

Все эти публикации разного уровня объединяет мысль — с ростом частного сектора в КНР компартия устаревает, государство и его регулирование становятся ненужными, а, стало быть, политический уклад Китая ожидает системный кризис. Аргументация подбирается самая разная, авторы частенько кивают на опыт восточноевропейских стран, «благополучно совершивших» «демократический транзит». Соответственно, и Китай в перспективе, после разгона коррумпированной номенклатуры, обретет шанс интегрироваться в «цивилизованный мир».

Общий смысл такого подхода в том, что своим динамичным развитием Китай обязан капитализму, Западу. И в том, чтобы можно было сказать китайцам: забудьте про долги и списки КОКОМ, про кризисы и дискриминацию, про пестование ваших диссидентов и сепаратистов, про науськивание против вас молодежи в Гонконге и на Тайване; мы просто хотели и хотим помочь вам развиваться правильно, по-капиталистически, рыночно, конкурентно, креативно...

Соппротивление присвоению, технологии и ценности

Проблемы своего и чужого, иностранного и национального, экономических свобод и их ограничений, протекционизма и фритредерства не новы. То или иное их решение — вопрос и политики, и экономики, и культуры.

Изоляционизм, безусловно, вреден и исторически обречён. Особенно в современном мире. Но и открытость требует чувства меры. Это, пожалуй, главный итог, к которому подводят наблюдения за открытием Китая. Оно продолжается уже без малого сорок лет, но КНР так и не втянулась в организованную для неё ловушку. Вот уже пятнадцать лет прошло со дня вступления КНР в ВТО, но «страна еще очень далека от полной интеграции в глобальную экономику», — сетует, например, эксперт известного мозгового центра Stratfor [China's...].

Еще на рубеже XIX-XX вв. крупнейшие азиатские страны разглядели «ловушку интеграции в цивилизованный мир»: Индия ответила идеей *свадеши*, Китай — первыми разновидностями *опоры на собственные силы*. В дальнейшем выяснилось, что только грамотная внешнеэкономическая и промышленно-ориентированная политика дает надежное противоядие от бездумной «интеграции», а главное — от образования мощного компрадорского слоя вместо формирования национального промышленника. К началу XXI в. оба азиатских исполина так или иначе с этой задачей справились. Характерна недавняя дискуссия между двумя видными китайскими экономистами — рыночником Чжан Вэйином и профессором Пекинского университета, вице-президентом Всемирного банка Линь Ифу, в которой вновь «победила» промышленная политика, а теория Фридриха фон Хайека о рынке как лучшем и единственном распределителе ресурсов была признана «делом вкуса» [Cao].

Между тем ситуация в середине текущего десятилетия поменялась коренным образом: сама глобализация подошла к естественному завершению своего нынешнего этапа — как и всякий другой процесс, она не может длиться непрерывно. Все меньше

дохода приносят внешнеторговые операции (из-за постепенного сокращения разницы в зарплатах и других издержках в странах Восточной Азии и государствах Запада), все менее охотно владельцы реального капитала размещают его за рубежом. Чтобы продать изготовленное за границей, приходится все больше вкладывать в сбыт и маркетинг на местном рынке. А это услуги, доля которых в ВВП повсеместно растет. При этом производится гигантский слой полукомпрадоров: эксклюзивных дилеров, маркетологов и «мерчайндайзеров», торговых агентов и рекламщиков, медиапредставителей и толкачей, коммивояжеров и организаторов торговых пирамид.

Компрадорские слои, будучи одним из главных инструментов присвоения, начинают осознавать грядущую скудость «кормовой» базы и переключаются на домашние операции, постепенно формируя зачатки ренационализации хозяйств отдельных стран. Уже несколько лет мы не без удовольствия созерцаем всякого рода рещоринги, инсорсинги и прочие разновидности замещения импорта.

В США, к тому же, похоже, происходит смена очередного цикла американской истории (по Артуру Шлезингеру) — страна переключается с внешней на внутреннюю проблематику, с идеологии на реализм, и дело не только в личности Дональда Трампа, эта смена началась еще при Бараке Обаме. Не стоит, кстати, исключать и вполне возможный сдвиг американского общества по циклу Хиршмана, когда после периодов поглощенности частными делами люди больше обращаются к общественным проблемам [Шлезингер, с.44].

Важно, что само присвоение начинает терять смысл: накопленное становится дорогим сохранять, страховать и т.п. Очередной нонсенс мейнстрима — отрицательный процент по банковским вкладам. Возникают гиг-экономика, разнообразные шэринговые схемы, мощно стартовала «юберизация», огромных масштабов достиг теневой бэнкинг, а также обороты наркотиков, оружия и т.п. Кризис управляемости заставляет пересматривать отношение к авторитаризму, демократия в нынешнем виде предстает малопривлекательной и неэффективной.

Диалектическое противоречие XVIII в. между добродетелью и коммерцией, между общественным благосостоянием и частной собственностью возрождается в виде противоречия между демократией и капитализмом, между общественными целями и частными интересами, как это было в благодатный послевоенный период, отмеченный и высокими темпами роста, и улучшением социальной ситуации почти по всей планете [Шлезингер].

По словам А. Ашкерова, современный Запад видит себя в качестве закрытого клуба законных владельцев ряда техник (технологий), понимаемых как «ценности», и законного наследника всего земного шара, укладывая прочие страны в «ориенталистские» коробочки с булабочками и наклейками: «переходные», «становящиеся», «несостоявшиеся», «авторитарные», «тоталитарные» и т.п. «Поэтому Запад никогда не принимал всерьез обвинения в агрессивности: да, штыки и пушки сыграли свою роль, но только как подручные средства, и дело совсем не в них, а в естественном превосходстве духа

(то есть техник) над косной материей. Непонимание этого говорит лишь об отсталости непонимающих — что, впрочем, излечимо (иногда теми же пушками)», — завершает он эту мысль [Ашкеров, с.448].

Некоторые выводы

Читатель, конечно, давно понял, что, по нашему мнению, присвоить подъём Китая Западу не удастся. Более того, предыдущие присвоения, сделанные главным образом США в Восточной Азии, могут оказаться эфемерными. Ни Япония, ни Республика Корея, имеющие военные договоры с США, отнюдь не намерены жертвовать своими экономическими и другими интересами ради заокеанской сверхдержавы. Да и сами США эффективных средств защиты этим странам предоставить уже не могут, а идти на большую войну с Китаем или Россией не готовы. Тайвань не в счет — он де-факто интегрирован Китаем. Будущее Транстихоокеанского партнерства явно под вопросом: в любом случае национальные государства не удалось с ходу подчинить корпорациям.

Трещат по швам и некоторые другие интеграционные группировки (НАФТА, ЕС), символизирующие некий статус-кво успеха глобализации, идущей с Запада.

К рубежу нынешнего десятилетия можно отнести начало становления новой биполярности США — КНР [Салицкий 2012]. Едва обозначившись, эта биполярность, похоже, оборачивается первыми крупными выигрышами Китая. После обидной для мирового гегемона документальной фиксации долга американского правительства по обязательствам «Фанни» и «Фреди» в январе 2011 г., в ходе государственного визита в США Ху Цзиньтао, произошла агрессия западных держав в Ливии. Пекин перешел в тихое экономическое контрнаступление с помощью своей зарубежной диаспоры. В 2013 г. стартовал проект Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века, со специальным Фондом и Азиатским банком инфраструктурных инвестиций с уставным капиталом в 100 млрд долл.

В известном смысле «китайскую модель», или «антимодель» [Салицкий 2014], можно представить как совокупность различающихся типов развития отдельных провинций или макрорегионов КНР (Восток, центральные провинции, Запад). Такие контрасты — не редкость в крупных странах: например, в Индии социально-экономические профили штатов Гуджарат и Керала весьма различны. Но важно понимание более значимой и возмраставшей в последние полтора десятилетия роли центра в Китае по сравнению с Индией. КНР — страна с куда более развитой инфраструктурой, без которой любые разговоры о рынке не имеют большого смысла: если в город ведет только одна дорога, то на ней обязательно будет пункт оплаты и нередко не один.

В сопоставлении теории и практики китайский опыт развития принципиально расходится с «гарвардским» идеализмом и той его практикой, которая хорошо знакома России и которую мы коротко назовем «гайдаризмом». Его идеологи долгое время утомляли нас «новым политическим мышлением», «рыночными и демократическими ценностями», «институтами гражданского общества», «идентичностями», «гендер-

ными особенностями» и прочими понятиями, наивно или корыстно перенося на нашу действительность *умозрительные модели* западного общества. В Китае такой подход называют слепым копированием.

Там не дали себя запутать модной фразеологической шелухой. Подумали о своих национальных терминах и понятиях. Интересен, например, китайский термин «культурная безопасность», введенный в оборот в качестве инструмента противодействия неблагоприятному внешнему воздействию.

* * *

На Западе уже нет ни институциональных, ни финансовых, ни интеллектуальных ресурсов, чтобы присвоить продолжающийся подъём Китая или обратить это явление к своей односторонней выгоде. Сорваны попытки «мирного окружения Китая». Современный Китай — это неосоциалистическое рыночное государство, находящееся на стадии экологической и научно-технической революции. Избыток капитала, в том числе у лояльной Пекину диаспоры, обеспечивает ему постоянное укрепление международных позиций, а в обозримой перспективе — выход на ведущие позиции в мире. Поэтому полицентричный мир является еще и биполярным до тех пор, пока сохранится гегемонизм США. Помощь в возрождении исламского мира, изуродованного США и их сателлитами — одна из важных исторических задач Китая, России. Индии и других независимых государств. Но и Соединенным Штатам никто не мешает вернуться в полицентричный мир в качестве равного.

Говоря марксистским языком, надстройка в Китае вполне соответствует базису и даже опережает его, располагая теперь еще и довольно мощным научно-техническим потенциалом, первоклассной общественной наукой, а также китайской мечтой — с неизменным присутствием в ее формулировках эпитета «социалистический». Рынок не может «победить» ни социализм, ни лично Мао Цзэдуна — поскольку представляет собой всего лишь инфраструктурно освоенное пространство с определенными законами и подзаконными актами (их важно различать) или способ действия различных **субъектов** рынка. Таковыми, кстати, могут быть и антирыночные силы — как в надстройке, так и в базисе общества.

Литература:

- Елагин А. Восток как политическое понятие // Русский журнал. 02.04.2002. — URL: old.russ.ru/politics/20020402-slovar.html (дата обращения: 27.03.2017).
- Ашкеров А.Ю. Коллизия «Восток-Запад» в социально-антропологической интерпретации // Ашкеров А.Ю. Социальная антропология. М. 2005.
- Барский К.М., Салицкий А.И. Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития// Мир и политика. 2012. № 7 (70). С.28-43.
- Борох О.Н., Ломанов А.В. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Полит. ру. 20.04.2006. — URL: polit.ru/article/2006/04/20/boroh/ (дата обращения: 27.03.2017).
- Восток — Запад. Наука. Арабская средневековая наука и Европейский Ренессанс. Ренес-

- санс и ислам [часть 4] / East to West. The renaissance and Islam (2011). — Mode of access: nmmclub.to/forum/viewtopic.php?t=440327 (date of access: 27.03.2017).
- Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М. 2010.
- История Востока. В 6 т. / Алаев Л.Б., Ашрафян К.З. (отв. ред.) Т.1: Восток в древности. 1997; Т.2: Восток в средние века. 2002; Т.3: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI—XVIII вв. 1999. М.
- Конфуцианское Четверокнижие («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; вступит. статья Л.С. Переломова. М. 2004.
- Коуз Р., Ван. Н.* Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. М. 2016.
- Мода сквозь века. Буклет журнала «История моды». 2016.
- Рикардо Д.* Начала политической экономии и податного обложения (The Principles of Political Economy and Taxation). Собр. соч. Т.1. СПб. 1908.
- Саид Э.* Ориентализм. СПб. 2006. — Режим доступа: royallib.com/book/said_edvard/orientalizm.html (дата обращения: 27.03.2017).
- Салицкий А.И., Тацкий В.В.* Зарождение биполярности или солидёрство? // Восток (Oriens). 2012. № 3. С.87-97.
- Салицкий А.И., Тацкий В.В.* Опыт Китая: модель или антимодель?// Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 54-62.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. 1962.
- Сопленков С.В.* Использование идей западноевропейской политэкономии в отечественной экономической и историко-философской мысли второй половины XVIII в.: опыт осмысления России и восточных обществ / Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить. М. 2006.
- Фихте И.Г.* Замкнутое торговое государство / Сочинения в двух томах. Т.И. СПб.1993, с.225-357.
- Шлезингер А.* Циклы американской истории. М. 1992.
- Bell D.A.* The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. Princeton University Press. 2015.
- Cao Heping.* Industrial policies need to be weighed rationally // Global Times. 30.09.2016. — URL: globaltimes.cn/content/1009295.shtml (date of access: 27.03.2017)
- China's Unfinished Trade Revolution* // Stratfor. — URL: goo.gl/OYq3B6 (date of access: 27.03.2017)
- Lardy N.R.* Markets Over Mao. The Rise of Private Business in China. Wash. 2014.
- Panikkar K. M.* Asia and Western Dominance. London: George Allen & Unwin, 1959.
- Shambaugh D.* The Coming Chinese Crackup// The Wall Street Journal. 06.04.2015.

УДК 321

Тимофей ДМИТРИЕВ

Демократия как символический порядок современности: версия Клода Лефора

Аннотация. Особое место в рамках современных научных подходов к интерпретации опыта демократии занимает концепция, разработанная французским политическим философом Клодом Лефором (1924—2010). Главная особенность концепции К. Лефора и его последователей заключается в понимании демократии как символического порядка современности. Подобный подход предполагает исследование не только практик и институтов власти, но прежде всего форм ее символической репрезентации. В статье анализируются ключевые идеи концепции Лефора и ее вклад в теоретические дискуссии о демократии. Освещается двойственная реакция, которую эта концепция вызвала во французском академическом и интеллектуальном сообществе.

Ключевые слова: Клод Лефор, демократия, символический порядок, теория демократии, дискуссии о демократии.

Спор о политическом измерении современности невозможно представить без переосмысления демократического опыта, который является одним из наиболее важных символов тех масштабных изменений, которые произошли в современном мире в прошедшем веке. Совершенно особое место в рамках современных подходов к интерпретации демократического опыта занимает концепция демократии как символического порядка современности, разработанная французским политическим философом Клодом Лефором (1924–2010).

К. Лефор относится к числу самых интересных французских политических философов второй половины XX в. В молодости он не только учился у мэтра французской феноменологической мысли М. Мерло-Понти, но и активно участвовал в политической жизни — был убежденным троцкистом и одним из основателей социалистической группы и одноименного журнала «Социализм или варварство» (*Socialisme ou Barbarie*), однако в последующем отошел от левого политического активизма. К. Лефор стал известен прежде всего своими исследованиями политических идей Данте, Никколо Макиавелли, Этьена де Ла Бозси, Жюлья Мишле и Алексиса де Токвиля. Работы К. Лефора 70–80-х годов, связанные в первую очередь с разработкой теории демократии и теории тоталитаризма, способствовали радикальному обновлению французской политической философии, которое некоторые исследователи даже именуют «возвращением полити-

Сведения об авторе: ДМИТРИЕВ Тимофей Александрович — доцент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); кандидат философских наук; tdmitriev@hse.ru.

ческого» (*retour du politique*) в политической мысли второй половины XX в. [Rosanvallon, 2006, с. 51–52].

К. Лефор усматривает беспрецедентную новизну современной демократии в том, что она сопряжена с «мутацией символического порядка», благодаря чему при переходе от монархии к демократии происходит «развоплощение» власти. Опираясь на классические исследования Эрнста Канторовича по средневековой политической теологии, К. Лефор утверждает, что при «старом порядке» монарх воплощал своим телом единство власти, права и познания. Отличительная черта современной демократии заключается в развоплощении власти во имя эгалитарного взгляда на социальные отношения. При демократии место власти является «пустым местом» (*lieu vide*). В условиях демократии за власть можно бороться, но она не может быть присвоена, воплощена или «представлена» кем-либо конкретно. Благодаря подобному развоплощению власти происходит дифференциация власти, права и познания. Для современной демократии характерны утрата прежних оснований и одновременно поиск новых оснований, утрата властью легитимности и в то же время нескончаемый спор о том, что является легитимным, а что нелегитимным. Демократия связана с обществом, для которого внутренние социальные деления считаются нормой, а не патологией, а социальные конфликты получают институциональное признание со стороны общества.

Главное достоинство переосмысления политического в работах К. Лефора и его последователей, заключается в понимании демократии как символического порядка современности. В свою очередь, подобный подход предполагает исследование не только практик и институтов власти, но прежде всего форм ее символической репрезентации. Предложенный К. Лефором взгляд на современную демократию требует отказа от широко представленного в современных социальных науках (прежде всего в социологии и политологии) институционального подхода к ее анализу. С этой точки зрения демократия — это особая система политических институтов или, скорее, специфический набор институционализированных политических процессов. К. Лефор, напротив, придерживается позиции, согласно которой современные западные общества отличаются от всех прочих не только своими институтами, но прежде всего системой символической репрезентации. «Когда мы говорим о символической организации, символическом устройстве, — пишет К. Лефор, — мы пытаемся обнаружить за практиками, за отношениями, за институтами, вырастающими из фактически данного, будь оно природным или историческим, ансамбль артикуляций, которые не выводимы из истории или природы, но которые направляют постижение того, что дано как реальное» [Lefort, 1983, p. 42].

Демократия в качестве политической формы современного общества сопротивляется всем попыткам свести ее к совокупности институтов или к набору правил поведения, которые можно было бы без труда определить путем сравнения с другими известными формами политического правления. Демократия требует свободных граждан, воспитанных в демократическом духе, чья приверженность демократии не ограничивается удовлетворением их индивидуальных интересов. Воспитание граждан в демократическом духе составляет одну из центральных проблем современной демократии. О ней

в свое время громко говорили Жан-Жак Руссо и Алексис де Токвиль, а в XX в. ее с небывалой остротой поставил Лео Штраус, увидевший суть этой проблемы в том, что даже американская либеральная демократия, выдающая себя за образец современной демократии *par excellence*, воспитывает конформистов, «хороших парней», а не твердых индивидуалистов, готовых отстаивать свою позицию даже в самых неблагоприятных условиях¹.

«Демократия, — пишет К. Лефор, — сопротивляется всем попыткам свести ее к совокупности институтов или к набору правил поведения, которые можно было бы без проблем определить путем сравнения с другими известными режимами. Она требует, чтобы народ был ей привержен. Причем эту приверженность нельзя охарактеризовать исключительно с помощью политических категорий. Человек, проявляющий гражданскую ответственность, вовсе не обязан присягать на верность форме правления. Вполне возможна ситуация, когда человек будет щеголять своим пренебрежением к выборам, к решениям большинства, к партийной демагогии и в то же самое время проявлять стремление к независимости, к свободе мысли и слова, чувствительность к другим и рефлексивность по отношению к себе самому, а также будет стремиться узнать побольше о чужих и древних культурах. Все эти черты несут на себе печать демократического духа» [Lefort, 2000, p. 266].

Постижение своеобразия современной демократии требует исследования символических форм репрезентации власти, составляющих основу политического устройства в обществах модерна. К. Лефор считает, что за счет рассмотрения символического измерения современности, то есть комплекса характерных для нее представлений, образов и фигур, с помощью которых она представляет себя и свою собственную идентичность, лучше удастся понять и беспрецедентную новизну современной демократии. Последняя неотделима от комплекса определенных представлений о власти и ее месте в обществе, а различия между современной демократией и досовременными политическими формами и формами тоталитарного господства в XX в. необходимо рассматривать сквозь призму тех социальных представлений и символических репрезентаций, в которых они находят себе выражение. В подобной стратегии интерпретации опыта современной демократии не следует видеть голое противопоставление «символического» измерения современности «институциональному», «представлений» и «идей» — «институтам», поскольку социальные представления, составляющие символическое измерение политической жизни современности, не исчерпываются простым множеством идей. Намного важнее социальная функция этих представлений,

1 В условиях современной либеральной демократии, писал Л. Штраус, «существует очень опасная тенденция отождествить достойного человека со славным малым, хорошим товарищем, своим парнем, то есть придать особое значение определенной части общественной добродетели и, соответственно, пренебречь теми достоинствами, которые созревают, если не расцветают, в уединении, если не сказать — в одиночестве: обучая людей сотрудничеству друг с другом в духе дружбы, никто тем не менее не воспитывает нонконформистов, людей, готовых стоять и сражаться в одиночку, “строгих индивидуалистов”. Демократия еще не нашла защиты от ползучего конформизма и постоянно возрастающего вторжения уединенности, которой она благоприятствует» [Штраус, 2000 [1954/1955], с. 34–35].

образов и фигур, которая заключается в том, чтобы узаконивать социальные практики и институты современного общества посредством наделения их смыслом.

К. Лефора в первую очередь интересует то, как различные общества представляют себе свое *единство*. Он полагает, что всякое общество создает особое представление или образ своего единства, функция которого заключается в том, чтобы скрывать и маскировать присущие ему социальные разделения, противоречия и конфликты. Этот комплекс образов и представлений составляет «социальное воображение (*l'imaginaire social*)» общества. В этом плане можно говорить о «социальном воображении» средневекового европейского общества, о «социальном воображении» европейской современности, о «социальном воображении» современной демократии и т. д. При этом французский философ специально оговаривает, что понятие «социального воображения» не стоит путать с марксистским понятием «идеологии», поскольку с точки зрения классического марксизма «идеология» — это «ложное сознание», то есть комплекс мнений, образов и представлений, отражающих, как в «кривом зеркале», истинные интересы определенной социальной группы или класса, рождающиеся в процессе материального производства. «Что, как нам кажется, знаменует в наши дни ограниченность мышления Маркса, — писал К. Лефор, — так это то, что он рассматривает процесс представления так, словно тот рождается в перипетиях кооперации и разделения, словно реальность этого процесса определяется на природном уровне труда. Таким образом, он был обречен смешивать порядок идеологический и порядок символический, сводить мифологический, религиозный, политический, юридический и другие виды дискурса к проекции “реальных” конфликтов в области воображаемого и, наконец, низводить обнаружения закона и власти на эмпирический уровень и превращать их в социальные “продукты”» [Лефор, 2007 [1974], с. 287]. Напротив, «социальное воображение», как его понимает К. Лефор, не сводимо к простому отражению существующей социальной действительности, оно играет действительную роль в формировании социальной идентичности общества и в узаконивании его практик и институтов, в том числе и политических. «Если мы, — пишет К. Лефор, — все же называем политической ту форму, в которой раскрывается символическое измерение социального, то не для того, чтобы придать особый статус отношениям власти, но чтобы дать понять, что власть не является “какой-то вещью”, эмпирически определенной, но неразрывно связана с представлением о ней, и что опыт, который ее создает, это одновременно и опыт знания, способ выражения социального дискурса, и этот опыт и образует социальную идентичность» [Лефор, 2007 [1974], с. 279].

Таким образом, применительно к различным социальным образованиям и политическим формам можно говорить о разных режимах репрезентации общества и власти, что, в свою очередь, сказывается на интерпретациях политического опыта в различных обществах и в различные исторические эпохи. К. Лефора в связи с этим интересуют — в качестве наиболее важных и потому заслуживающих особого внимания случаев — символические представления общества о себе самом (его «социальное воображаемое») в Европе при «старом порядке», в условиях современной демократии, а также при тоталитаризме, как национал-социалистического, так и советского типа.

Современная демократия и «старый порядок»

По мнению К. Лефора, оригинальность современной демократии может быть понята только посредством сравнения ее со «старым порядком»¹ и тем местом, которое было при нем отведено власти. «Рождение демократии, — пишет философ, — сигнализирует о мутации символического порядка, о чем лучше всего свидетельствует позиция власти» [Лефор, 2000 [1983], с. 25]. Общество при *ancien régime* было единым и выстраивало свою идентичность по органической модели тела, высшим воплощением которой было тело короля. Король выполнял функцию посредника между небесным и земным миром, был помазанником Божиим, а также гарантом и представителем единства королевства благодаря обладанию двумя телами: одним земным и смертным, а другим — неземным и бессмертным. Как показывает Э. Канторович в своем классическом исследовании «Два тела короля. Исследование средневековой политической теологии» (1957), подобный символизм был выработан в средние века и имел теолого-политические корни [Канторович, 2014]. Образ тела короля как двойного тела, смертного и бессмертного одновременно, вел свое происхождение от тела Христа как Богочеловека. Поэтому в средние века было принято считать, что подобно телу Христа (*corpus Christi*) тело монарха состояло из земного, смертного и небесного, бессмертного, коллективного тела, олицетворявшего единство королевства и преемственность королевской власти. Отсюда — и знаменитое выражение: «Король умер — да здравствует король». Даже в Новое время, когда важнейшие особенности средневекового теологического символизма, которым сопровождалась церемония коронации, ушли в прошлое, король все еще продолжал воплощать в своем теле единство своего королевства. Политическое тело — королевство — проявляется здесь как священное тело короля. Два тела короля позволяли монарху быть посредником между земным, посюсторонним и небесным, потусторонним миром, ссылкой на который обычно оправдывались его притязания на власть: король, как было принято говорить в средние века, — это помазанник Божий.

Иными словами, при монархии «старого порядка» власть олицетворяется личностью правителя, который служит посредником между богами и людьми. Единство досовременного европейского общества было основано на опосредовании видимого мира миром невидимым, который скреплял его единство. Ссылаясь на исследования Э. Канторовича, К. Лефор пишет, что после утверждения христианства в средневековой Европе именно образ двойного тела короля был тем образом, при помощи которого «королевство вновь запечатлевает в себе самом религиозное призвание и дает себе определение мистического тела (*corpus Republicae mysticum*), тела короля, главу которого последний одновременно и изображает» [Лефор, 2000 [1981], с. 317]. Власть, воплощенная в государе, давала тело всему обществу, обеспечивая его коллективной идентичностью и субстанциальным единством. «В условиях монархии власть была воплощена в личности государя. Это не означает, что он обладал неограниченной властью. Режим не был деспотическим. Государь был посредником между людьми и богами или в условиях секуляризации и победы светских принципов политической деятельности

1 «Старый порядок» (*ancien régime*) — политический и общественный порядок, существовавший во Франции до революции 1789 г.

он был посредником между людьми и трансцендентными инстанциями, которые представляли суверенное правосудие и суверенный разум. Подчиненный закону и стоящий выше законов, он олицетворял в своем одновременно смертном и бессмертном теле принцип происхождения и порядка королевства. Власть государя указывает на безусловный полюс, находящийся за пределами мира, и в то же время он своей личностью становится гарантом и представителем единства королевства. Это последнее воспринимает самого себя функционирующим как тело, так что иерархия его членов, различие рангов и категорий, кажется, покоятся на безусловном фундаменте» [Лефор, 2000 [1983], с. 26].

В XVIII в. этот комплекс символических представлений о власти, характерный для «старого порядка», зашатался под напором новых социальных отношений, возникших благодаря усилению индивидуализма, успехам промышленности и торговли, прогрессу в уравнивании условий жизни и развитию государственного управления, игравшего на политической сцене роль независимой и безличной административной машины. Однако эти эпохальные исторические изменения вовсе не устранили целиком и полностью понятия королевства как единства, которое было одновременно органическим и мистическим, причем монарх был как его телом, так и его главой. Этой связи между земным коллективным телом королевства и его небесным трансцендентальным основанием, также воплощенном в двойном теле короля, был положен конец лишь во время демократической революции современности. Ее поворотным моментом стала Французская революция, в ходе которой французский король Людовик XVI был приговорен к смерти и обезглавлен. В результате этой казни, превратившейся в театрализованное представление, было не только уничтожено земное тело короля, но и произошло развоплощение его мистического, трансцендентного тела, которое оставило место власти пустым и тем самым перерезало связь между обществом и его трансцендентным основанием. Однако казнь короля имела и другое важное символическое значение для формирования современной демократии: этим святотатственным жертвоприношением была освящена замена старого суверена (короля) новым (народом). Поэтому, как подчеркивает Роже Кайуа, «в народном сознании обезглавливание короля неизбежно представляется как высшая точка революции. Оно являет множеству народа кроваво-торжественное зрелище перехода власти. Эта внушительная церемония освящает народ, от имени и во благо которого она осуществляется» [Кайуа, 2007, с. 220-221].

Однако эффект демократической революции современности не исчерпывается развоплощением мистического, божественного тела короля и превращением места власти в пустое место. Одновременно разворачивается еще один, не менее важный и масштабный процесс, который К. Лефор называет «дезинкорпорацией индивидов» (*une désincorporation des individus*); в ходе этого процесса индивиды высвобождаются из-под власти социальных групп и корпораций, членами которых они являются. Что К. Лефор имеет в виду, говоря о «дезинкорпорации индивидов»? Дело в том, что общество при «старом порядке» было обществом *корпоративным и иерархическим*. Индивид был ничтожно малой величиной, более того, у него, как правило, не было иных прав, помимо тех, которыми располагала его группа. Так, французское общество при «старом порядке» представляло собой иерархию различных социальных тел, — «корпораций»,

«коммун», «компаний» и «сословий». Каждое из них имело свои правила и собственное управление, а также обладало своими «свободами» и привилегиями. Таким образом, корпоративная организация являлась фундаментом общества при «старом порядке». «Различные корпорации, — отмечает Юбер Метивье, — действовали на всех уровнях иерархии: три сословия, городские муниципалитеты, сельские и приходские коммуны, торговые и ремесленные союзы, королевское чиновничество, коллегии юристов (адвокаты, прокуроры, нотариусы, а также их помощники), врачи, цирюльники и хирурги, аптекари, преподаватели и студенты и коллежей, академики и т. д. Каждая корпорация — вплоть до собрания жителей, арендаторов, землепашцев, глав семейств (домовладельцев) после воскресной мессы для принятия решений местного значения по требованию сеньора или посланцев короля — обладала “свободами и привилегиями”» [Méthivier, 2002, p. 4-5]. В ходе демократической революции современности этому иерархическому и корпоративному порядку старого феодального общества приходит конец. «*Ancien régime*, — пишет К. Лефор, — состоял из бесчисленного количества малых тел, которые представляли индивидам ориентиры для самоидентификации. Эти малые тела соединялись вокруг большого воображаемого тела, центром которого было тело короля, служившее обозначением целого и его гарантом. Демократическая революция, долгое время пробивавшая себе путь под землей, вырывается наружу, когда разрушенным оказывается тело короля, когда падает глава политического тела, когда тем самым распадается телесность социального. Тогда происходит то, что я осмелюсь назвать “дезинкорпорацией” индивидов» [Lefort, 1981, p. 172].

Демократическая революция современности представляет собой необратимое движение, которое на месте прежних иерархий создает общество как таковое, причем это движение связано с возникновением индивидов, одновременно независимых и подобных друг другу [Лефор, 2000 [1984], с. 35-36]. Эти индивиды являются *суверенными индивидами* в том смысле, что их право свободно действовать и владеть, говорить и писать признано государством и ограничено исключительно правом других людей делать то же самое. Общество модерна — это не что иное, как «общество индивидов» (Н. Элиас). Понятие «индивида» недаром стоит в центре группы понятий, выражающих представление современных людей о самих себе как независимых друг от друга, свободных и равных существах. «Сегодня оно выражает, — отмечает Норберт Элиас, — прежде всего функцию того, что всякий человек есть или должен быть единственным в целом свете, автономным, самоуправляющимся существом и одновременно в определенном смысле отличаться от всякого другого человека, и именно потому, вероятно, этот другой точно таким же образом должен отличаться от него» [Элиас, 2001 [1996], с. 216].

Современная демократия становится возможной благодаря признанию многообразия индивидуальных интересов и торжеству идеи представительства. Действительно, в современную эпоху старые общности и легитимирующие их нормы и традиции распадаются, а многообразие индивидуальных интересов признается законным. По отношению к «старому порядку» признание законности индивидуальных интересов можно назвать *негативным принципом* современности. Гегель называет это признание законности индивидуальных интересов перед лицом всеобщего «принципом субъек-

тивной свободы» и считает его краеугольным принципом общества модерна. Идея субъективной свободы привносится в мир христианством и реализуется в современном гражданском обществе, основанном на универсальной концепции прав человека. Поэтому современное гражданское общество, базирующееся на признании личной свободы и духовного достоинства каждого отдельного человека, в глазах Гегеля представляет собой более высокую ступень исторического развития, чем любые до-современные формы общества. «Принцип нового мира, — пишет Гегель в «Философии права», — есть вообще свобода субъективности, требование, чтобы могли, достигая своего права, развиваться все существенные стороны духовной тотальности. Исходя из этой точки зрения, едва ли можно задавать праздный вопрос, какая форма правления лучше — монархия или демократия. Можно лишь сказать, что односторонни все те формы государственного устройства, которые неспособны содержать в себе принцип свободной субъективности и неспособны соответствовать развитому разуму» [Гегель, 1990, с. 314-315]. В современном мире любой политический проект, отказывающийся от признания принципа субъективной свободы, какими бы высокими целями и идеалами он ни вдохновлялся, обречен на неудачу.

Признание принципа «субъективной свободы» индивида является негативным аспектом современности. А новый позитивный принцип заключается в идее *представительства*, в том, что свободные и равные граждане решением своего духа, актом своего политического волеизъявления выбирают себе представителей во власти. По мнению французского политического философа Пьера Манана, «додемократические общества были “инкорпорированными” обществами, укорененными в плодovitости тела. Они достигали своей кульминации в теле короля. Напротив, современные демократические общества являются духовными в политическом и моральном плане. Выбор народных представителей — это дело воли, а, следовательно, и духа. Эта духовность имеет место не только в политических отношениях, но также в моральной и общественной жизни. Демократические общества настаивают на том, что все узы, связывающие людей, имеют основание в чисто духовном решении нашей суверенной воли» [Manent, 2000, p. 21].

Этими особенностями современного демократического общества обусловлено принципиальное различие старой и новой, современной политики. Современная политика, как и современная демократия становятся возможны благодаря институту представительного правления и признанию многообразия индивидуальных интересов, названных Гегелем принципом «субъективной свободы». «Современная политика, — пишет П. Манан, — стремящаяся восстановить свободу, не допуская в то же время войны, прямо противоречит логике старой политики. Античный город требовал немногочисленного и однородного населения, чтобы оставаться «синоптическим». Современное государство, если оно хочет быть свободным, требует, чтобы его население было многочисленным и разнообразным. Поэтому оно выглядит как город, намеренно и искусственно растянутый и размытый. Если говорить точнее, то для того, чтобы динамизм граждан не привел к двойной войне, разрушившей античные города, мы прибегаем к двум уловкам: с одной стороны, к фильтру представительства, с другой — к законодательству, поощряющему индивидуальные свободы, в частности коммерческую свобо-

ду. В новом сообществе гражданин почти никогда не бывает гражданином *напрямую*: он прежде всего агент своих собственных интересов, “моральных” столько же, сколь и “материальных”, и в той мере, в какой он является гражданином, он нуждается в представительстве» [Манан 2004 [2001]: 78—79].

Таким образом, демократическая революция современности влечет за собой парадоксальные последствия. С одной стороны, она способствует установлению более тесных связей между людьми на почве буржуазного/гражданского общества, которое Гегель в своей «Философии права» недаром назвал «системой всесторонней зависимости» [Гегель, 1990, 228]. С другой — она ведет к появлению у людей чувства самодостаточности и к их обособлению от других людей. С разрушением иерархических социальных форм «старого порядка» общество становится обществом свободных и равных индивидов, благодаря чему оно приобретает однородность, которая в долгосрочной перспективе оказывается важным условием для кристаллизации стабильных демократических порядков. Общество перестает восприниматься как нечто материальное, как *тело*, и расщепляется на отдельных индивидов, чьи права и свободы признаются правовым демократическим государством. Однако одним формированием эгалитарного гражданского общества дело не ограничивается. Одновременно с отделением людей от своего социального окружения и осознанием ими себя отдельными индивидами, автономными центрами мысли и действия (именно этот процесс К. Лефор и называет «une désincorporation des individus»), эгалитарное гражданское общество отделяется от государства модерна. Появляются социальные отношения, не только экономические, но и правовые, образовательные и научные, которые имеют свою собственную динамику; происходит разделение сфер власти, права и познания. Наряду с *новыми политическими формами (государство, народ, нация) возникает и новая политическая логика*, в рамках которой принцип политического единоборства узаконивается и обретает институциональную форму. При этом узаконивание политической борьбы означает узаконивание социального конфликта и разделения в целом. Современная демократическая революция приводит к тому, что больше нет власти, связанной с телом. Власть предстает как пустое место, а те, кто ее осуществляет, — не более чем простые смертные, временно его занимающие. Одновременно утрата властью идеократического характера влечет за собой упрощение структуры власти, права и знания и признание автономии права и познания от власти. Нет права, которое не могло бы быть пересмотрено, закона, который не мог бы быть отменен. «Демократия, — пишет К. Лефор, — положила начало опыту по созданию неуловимого, нематериального общества, в котором народ будет, разумеется, именоваться носителем суверенитета, но при этом он все время будет задаваться вопросом о своей идентичности, каковая будет пребывать в латентном состоянии» [Lefort, 1981, p. 173].

Что такое современная демократия?

К. Лефор полагает, что современная демократия представляет собой прямую противоположность досовременным формам политической и общественной жизни, в рамках которых общество представлялось неким органичным целым, а власть воплощалась в правителе или главе государства. Главной отличительной чертой современной демо-

кратии как новой формы общества является развоплощение власти. «Рождение демократии сигнализирует о мутации символического порядка, о чем лучше всего свидетельствует новая позиция власти» [Лефор, 2000 [1983], с. 25]. В условиях современной демократии место власти предстает *пустым местом*, что означает запрет для правителей присваивать ее, сливаться с ней до неразличимости или же пытаться воплотить ее своей собственной персоной. Право на отправление властных полномочий должно периодически подтверждаться на свободных выборах путем мирного соперничества между различными политическими силами общества, претендующими на власть. Принципиально важными являются и главные принципы этого соперничества: его правила должны быть хорошо известны и относительно неизменны, а его результат — не предопределен. «Место власти становится *пустым местом*. Бесплезно настаивать на деталях институционального механизма. Существенное состоит в запрете для правителей присваивать власть, сливаться с ней. Ее исполнение периодически снова ставится под вопрос. Это осуществляется в конце регулируемого соперничества, условия которого постоянны. Данный феномен включает институционализацию конфликта. Пустое, незанятое, так что никакой индивид и никакая группа не могут быть ему консубстанциональны, место власти оказывается необозначенным» [Лефор, 2000 [1983], с. 26]. Однако, хотя в современном обществе власть утрачивает всякое субстанциальное содержание и не замыкается на конкретных людей, сама инстанция власти сохраняется, но приобретает при этом чисто *символический характер*. А именно: в качестве пустого места власть в современном обществе продолжает оставаться тем полюсом, с которым общество соотносится и благодаря которому оно сохраняет преемственность в пространстве и во времени. «Но эта инстанция не относится более к безусловному полюсу. В этом смысле власть указывает на расщепление между *внутренним и внешним* в социальном, устанавливает отношение между ними и скрыто заставляет признать себя в качестве чисто символической» [Лефор, 2000 [1983], с. 26]¹.

Современное демократическое общество является не только эгалитарным, но и функционально дифференцированным. В его рамках политика приобретает относительную автономию от всех прочих областей общественной жизни и превращается в особую сферу со своими собственными принципами. Благодаря тому, что современная демократия устраняет все ссылки на *иное место* как инстанцию, в которой власть обретает свою высшую легитимность, она «позволяет высвободить особое поле политики — поле, где осуществляет соперничество между главными действующими лицами, способ действия и программа которых обозначает их явно в качестве соискателей общественной власти» [Лефор, 2000 [1981], с. 286]. В то же самое время «установление границ собственно политической деятельности имеет результатом основание *сцены*, где конфликт предстает (с тех пор как гражданство не ограничивается более небольшим числом) в глазах всех как необходимый, неустрашимый, законный» [Лефор, 2000 [1981], с. 287]. Особое место в этих конфликтах занимают политические партии и движения как выразители и представители групповых интересов и притязаний.

В современном обществе дезинкорпорация власти сопровождается разделением

1 Перевод исправлен мной. — Т. Д.

между сферами власти, права и познания. Поскольку в условиях сегодняшней демократии исчезает инстанция, воплощающая власть, а последняя приобретает чисто символическое значение, то исчезает и инстанция, воплощающая высшую мудрость и справедливость. Поэтому происходит разделение сфер власти, права и познания. Неспособность правящих кругов воплощать в себе добродетели высшей мудрости и справедливости влечет за собой упрощение структуры власти, права и познания. Благодаря этому признается принцип автономии права и познания. «Если власть перестает олицетворять принцип происхождения и организации социального тела, если она перестает объединять в себе добродетели, исходящие от разума и трансцендентальной справедливости, право и знание утверждаются перед ее лицом в их новых состояниях внешности и несводимости друг к другу» [Лефор, 2000 [1983], с. 27]. Поэтому в демократическом обществе идея высшего права и справедливости отделяется от позитивного права, а регулятивная идея истины как цели научного познания — от эмпирического процесса самого познания и полученных благодаря ему результатов. Это разделение подразумевает, что судебная система относительно независима от системы власти, что в демократическом обществе у нее нет господина. Право и власть больше не сосредотачиваются на одном полюсе. Отныне власть обречена на непрерывный поиск своей законности, а чтобы быть законной, она должна соответствовать праву. «В данном случае, — подчеркивает К. Лефор, — разделение не означает полного разрыва; власть вовсе не становится чем-то чуждым праву. Напротив, ее законность утверждается, как никогда прежде, она становится неизменным предметом юридического дискурса, и ее рациональность постоянно обсуждается. Однако понятие прав человека указывает здесь на сферу, которая больше уже не находится под контролем власти; право начинает представлять нечто принципиально внешнее по отношению к власти» [Lefort, 1981, p. 65]. В сфере науки ученые и исследователи также получают шанс руководствоваться своими собственными познавательными стандартами и особой профессиональной этикой, что позволяет им сохранять как некую самостоятельность по отношению к требованиям и запросам представителей политической власти, так и по отношению к общественному мнению. Точно так же, как становление автономного права всегда находится в зависимости от споров о законности того, что установлено и что должно быть установлено, так и перед автономным познанием открывается неопределенное пространство поиска, ускользающее от любого неизменного определения истины.

Таким образом, в основе современной демократии лежит установление власти с ограниченными полномочиями, благодаря чему за пределами политической сферы существуют относительно самостоятельные области экономики, религии и культуры, причем последняя разделяется на три автономные части — науки и техники, морали и права, литературы и искусства, каждая из которых имеет свою логику функционирования. Главное следствие этого события заключается в отделении гражданского общества от государства. В свою очередь в рамках гражданского общества огромную роль играют публично-коммуникативная сфера и общественность как ее главное действующее лицо. Функция общественности заключается в свободном обмене мнениями, в идеале лишенном какого-либо принуждения и давления. Современная демократия заменяет понятие политического режима, управляемого законами, на понятие режи-

ма, «основанного на законности спора о законном и незаконном — спора, неизбежно не имеющего гаранта и конца» [Лефор, 2000 [1984], с. 56].

Очерчивание особой политической сферы в обществах модерна сопровождалось появлением новой формы легитимации, причем не только власти, но и социальных отношений в целом. А именно, современное общество требует демократической легитимации политической власти. Ее источником в условиях демократии является народ. Легитимность власти основана на народе как на высшем носителе суверенитета, однако образ народа связан с образом пустого пространства, которое невозможно занять. Поэтому те, кто наделен властными полномочиями, не имеют шансов на присвоение этого пространства. Демократия сочетает эти два на первый взгляд противоположных принципа: с одной стороны, власть исходит от народа, с другой — она обозначает пустое место. Как подчеркивает К. Лефор, современная демократия зиждется на этом противоречии. Всякий раз, когда это противоречие пытаются устранить, демократия оказывается на грани гибели. «Полное преобладание частных интересов ведет к гибели гражданского общества. Однако, если на первый план ставится образ «единого народа», а партия становится ядром этой идентификации, то сам принцип различия между государством и гражданским обществом, принцип различия между нормами, которые управляют различными типами отношений между индивидами, образами жизни, верованиями и мнениями, оказывается под угрозой. Одновременно оказывается под угрозой и различие между порядками власти, права и познания. Экономика, право и культура оказываются тесно переплетенными с политическим. Это явление характерно для тоталитаризма» [Lefort, 1981, p. 93]. Попытки занять пустое место власти «всерьез и надолго», стремление обладать ею неограниченно долгое время знаменуют собой сползание к тоталитаризму, хотя и не могут быть отождествлены с системой тоталитарного господства). После «старого порядка» тоталитаризм является вторым полюсом, на фоне которого оригинальность и беспрецедентность современной демократии проявляются особенно ярко и полно.

Неопределенность категории «народ» как источника демократической легитимности политической власти хорошо видна при сравнении античной и современной демократии. В своей оценке античной демократии К. Лефор расходится с Ханной Арендт, для которой при всех оговорках античная демократия служила нормативным образцом политической жизни не только древности, но и современности. К. Лефор, напротив, подчеркивает, что не стоит смешивать идею о том, что власть не принадлежит никому, с идеей о том, что власть обозначает пустое место. Первая идея была известна и получила признание уже в Древней Греции, тогда как вторая характерна именно для политического опыта современности. Возникшее в Древней Греции положение, что власть не принадлежит никому, означает, что власть «принадлежит определенной среде» и тем самым сохраняет «связь с наличием группы, имеющей образ самой себя, своего пространства и границ» [Лефор, 2000 [1981], с. 285]. Более того, сама эта формула была первоначально разработана в рамках аристократического общества и лишь затем усвоена античной демократией. Таким образом, античная демократия требовала наличия конкретного сообщества граждан, наделенного особым публичным пространством и обладающего ярко выраженным чувством коллективной идентичности.

Власть принадлежала здесь определенной среде, а вовсе не отдельным индивидам и тем более не чужакам. Даже в Афинах в классическую эпоху гражданами было лишь меньшинство населения. Напротив, понятие «народа», из которого современная демократия черпает свою легитимность, не является строго определенным и не имеет четко фиксированных границ. «Указание на пустое место <власти> существует вместе с указанием на общество, не имеющее позитивной детерминации, непредставимое в образе общности. В силу одной и той же причины разделение власти и общества в современной демократии не отсылает вовне, к богам, городу или священной земле, и не отсылает *вовнутрь*, к какой-либо субстанции общности. Иными словами, одна и та же причина приводит к тому, что не существует ни материализации Другого — в силу чего власть осуществляла функцию посредника, каким бы ни было ее определение — ни материализации Единого — власть тогда осуществляет функцию воплощения» [Лефор, 2000 [1981], с. 285–286]¹.

В условиях современности идея власти как чисто символической инстанции, где место власти — это пустое место, дополняется идеей общества, лишенного субстанциального единства. Современное общество, общество модерна — это *общество индивидов*. Коль скоро общество лишено субстанциального единства, то оно лишено и того, кто воплощал бы собой это единство, будь то фигура государя или знати. Власть, лишенная двойного отношения к Другому и Единому, при современной демократии может рассчитывать только на неопределенный источник легитимности в лице «народа» как носителя высшего суверенитета. Однако в современном мире эта категория политического не отсылает к какой-либо субстанциальной общности. Демократическое общество — это общество без коллективного социального тела. При современной демократии ни государство, ни народ, ни нация не выступают в роли субстанциальных коллективных общностей. Представление о содержании и границах этих политических категорий всегда зависит от политического дискурса и идеологических дискуссий. Вопросы «Кто такой народ?», «Кто принадлежит к народу?» и «Кто говорит от имени народа?» при современной демократии не могут быть разрешены раз и навсегда. Более того, постоянные споры вокруг них и составляют ее жизненный нерв. «Демократическое общество, — говорит К. Лефор, — устанавливается как общество без тела, как общество, которое разрушает представление об органической тотальности. Нельзя это понимать так, что оно не имеет единства, определенной идентичности; совсем напротив, исчезновение естественной детерминированности, связанной некогда с персоной государя и существованием знати, заставляет общество проявиться как чисто социальное бытие, так что народ, нация, государство выступают в качестве универсальных сущностей, и всякий индивид и всякая группа оказываются с ними равно соотношенными. Но ни государство, ни народ, ни нация не фигурируют в качестве субстанциальных реальностей. Представление о них само находится в зависимости от политического дискурса и от социологической и исторической разработки, всегда связанной с идеологической дискуссией» [Лефор, 2000 [1983], с. 28].

1 Перевод исправлен мной. — Т. Д.

При современной демократии легитимация чисто политического конфликта ведет к легитимации и институционализации социального конфликта во всех его проявлениях. Демократия представляет собой форму правления, при которой социальное разделение признается законным, а социальные конфликты получают институциональное признание. Более того, существует важная зависимость между признанием законности политической борьбы и конкуренции и институционализацией социального конфликта: законность политической борьбы и конкуренции служит основой признания законности социальных разделений и конфликтов. Это становится возможным потому, что общество модерна — это общество индивидов, которое не признает органической репрезентации. Поэтому современная демократия не имеет социального тела, в котором она могла бы воплотиться. «Не менее заметным, — утверждает К. Лефор, — оказывается отношение, которое устанавливается между соперничеством, мобилизованным в ходе осуществления власти, и конфликтом в обществе. Устройство политической сцены, на которой происходит это соперничество, заставляет проявиться разделение всеобщим образом как определяющего момента для самого единства общества. Или другими словами, легитимация чисто политического конфликта содержит принцип легитимности социального конфликта во всех его формах» [Лефор, 2000 [1983], с. 27–28].

Парадокс субстанциальной неосязаемости современной демократии лучше всего проявляется в условиях действия системы всеобщего избирательного права. Демократическое конституционное государство модерна базируется на принципе суверенитета народа и институте всеобщего избирательного права. Однако само действие института всеобщего избирательного права ведет к парадоксальным последствиям. Процедура всеобщего голосования, будучи основанной на суверенности народа, в тот самый момент, когда последний должен высказать свою суверенную волю, превращает его в чистое различие индивидов, отвлеченных от характерных для них социальных связей, и преобразует этих индивидов в простые счетные единицы. Этот механизм основан на «дезинкорпорации индивидов» (К. Лефор), которые лишаются своих конкретных качеств и превращаются в абстрактные величины по принципу «один человек — один голос». Иными словами, всеобщее избирательное право может эффективно действовать лишь постольку, поскольку гражданин, совершающий выбор, абстрагируется от всех своих частных пристрастий и привязанностей и становится простой счетной единицей, равной всем прочим простым счетным единицам, то есть другим согражданам, также делающим свой выбор. В момент выборов единство общества распадается на число. «Ничто не позволяет лучше ощутить парадокс демократии, как установление всеобщего избирательного права. Именно в тот момент, когда народный суверенитет считается установившимся, и народ реализуется, выражая свою волю, разрушаются формы социальной солидарности, гражданин видит себя оторванным от всех связей, в которых разворачивается социальная жизнь, и превращается в счетную единицу. Число заменило собой субстанцию» [Лефор, 2000 [1983], с. 28].

Этот момент современной демократии отлично понимал Ж-Ж. Руссо, который требовал, чтобы политическое волеизъявление граждан проходило под покровом своего рода «вуали неведения» относительно частных и групповых предрассудков, интересов и страстей. Лишь в этом случае из сложения их частных волей получается «общая

воля», выносящая правильное решение. «Когда в достаточной мере осведомленный народ выносит решение — писал Ж-Ж. Руссо, — то, если граждане не вступают между собою ни в какие сношения, из множества незначительных различий вытекает всегда общая воля, и решение всякий раз оказывается правильным. Но когда в ущерб основной ассоциации образуются сговоры, частичные ассоциации, то воля каждой из этих ассоциаций становится общею по отношению к ее членам и частною по отношению к Государству; тогда можно сказать, что голосующих не столько же, сколько людей, но лишь столько, сколько ассоциаций. <...> Важно, следовательно, дабы получить выражение именно общей воли, чтобы в Государстве не было ни одного частичного общества, и чтобы каждый гражданин высказывал только свое собственное мнение» [Руссо, 1969 [1761], с. 170-171]. Правда, рецепт, который Ж-Ж. Руссо предлагал для того, чтобы сделать функционирование машины политического волеизъявления граждан безупречным, — а именно, запрет всех частных фракций и ассоциаций — плохо согласуется с дизайном современной демократии, основанной на конкурентной борьбе политических партий и движений за голоса избирателей.

Вместо заключения

Концепция демократии К. Лефора как символического порядка современности вызвала двойственную реакцию во французском академическом и интеллектуальном сообществе. С одной стороны, ее критиковали за то, что К. Лефор чрезмерно преувеличивает достоинства современной демократии и недооценивает те тоталитарные тенденции, которые заложены как в ней, так и в западном «обществе потребления». Критику такого рода можно найти в работах Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси, которые, помимо всего прочего, обратили особое внимание на то, что стабильность демократических порядков напрямую зависит от того, насколько эффективно современная демократия сможет «визуализировать» себя в глазах своих сограждан. Вместо того чтобы настаивать на «непредставимости как отличительной черте демократии», якобы отличающей ее от свойственной тоталитарным режимам мифо-символической репрезентации, демократия, по словам Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси, «отныне должна поставить вопрос о своей "фигуре", что вовсе не означает, что вопрос этот сливается с вопросом об обращении к мифу». Иными словами, современная демократия нуждается в позитивной идентификации, которая должна выразиться в особом режиме или режимах ее символической саморепрезентации. «В самом деле, — пишут Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси, — мы полагаем, что недостаточно утверждать высшими добродетелями Республики (каковую мы на данный момент не отличаем от демократии) отказ от всякой идентификации, постоянную готовность все поставить под сомнение и, наконец, как зачастую случается сегодня — некоторую внутреннюю хрупкость, которую никто не скрывает и на которой все настаивают, и из которой противники демократии, а то и наследия 1789 г. и Просвещения не упускают случая извлечь свою выгоду» [Лаку-Лабарт, Ж.-Л. Нанси, 2002, с. 10].

Критики, представляющие другую сторону интеллектуального сообщества Франции, обратили внимание на то, что концепция К. Лефора не позволяет решить вопрос об основах современной демократии. Они усмотрели проблему в том, что как совре-

менному национальному государству, так и его демократическим процедурам нужна некоторая основа, на которой строились бы доверие людей и их готовность к сотрудничеству. Однако сама эта основа вряд ли может быть выведена из логики одних только демократических процедур. Практическую политическую проблему современности можно сформулировать следующим образом: демократический принцип сам по себе не задает систему координат, в рамках которой он действует¹. «Например, — пишет П. Манан, — голосование за самоопределение, демократический акт *par excellence*, происходит в рамках системы координат, которая была создана прежде недемократическими средствами и принципами, в основном традицией, подправленной или подкрепленной силой. Прежде чем французы, рассматривая себя как “нацию”, смогли учредить “суверенитет” для себя в 1789 году, “сорок королей”, как выражаются монархисты, “создали Францию” благодаря династическим бракам и войнам» [Manent, 2007, с. 76]. Это слияние революционного факта провозглашения «нацией» своего «суверенитета» и факта национального бытия не является чем-то случайным. Совсем наоборот, современная демократия невозможна без нации. «Национальный факт, — оговаривается П. Манан, — разумеется, не сводится к этому революционному факту. Но общим и для обычной национальной реальности, и для революционного момента является утверждение единства и внутренней гомогенности. От предшествующего политического порядка нацию отличает то, что она является таким политическим телом, содержание которого гомогенно или стремится к гомогенности» [Манан, 2004 [2001], с. 90–91].

Таким образом, такая политическая форма, как демократическое национальное государство, нуждается в определенной степени культурной и цивилизационной гомогенности, которую ему может обеспечить только нация как политическая и социальная общность, возникающая в условиях современности. Иными словами, для того, чтобы быть успешной, современной демократии также требуется особое политическое тело, и таковым телом для нее может быть только нация как нормативная политическая форма современности. Однако для К. Лефора современная демократия лишена политического тела и не действует в соответствии с логикой политического тела: в этом, по мнению критиков, заключается слабость его концепции современной демократии.

Предложенное К. Лефором видение демократии как символического порядка современности выглядит особенно актуально на фоне политических и социальных процессов, происходящих в сегодняшней России, где не только институциональный дизайн

¹ Лучшие политические умы XX века превосходно отдавали себе отчет в масштабности данной проблемы. Например, как отмечает Йозеф Шумпетер, эффективность демократического метода во многом обусловлена обстоятельствами и факторами, которые не создаются им самим, но приносятся общей культурой, традициями и национальной идентичностью той или иной страны или народа. Эти условия должны уже быть налицо, чтобы демократический метод мог эффективно функционировать. «Любая система, — говорит Шумпетер, — может выдержать искажения лишь до определенной степени. Но даже для этого необходимого минимума демократического самоконтроля, очевидно, требуются определенный национальный характер и национальные привычки, для возникновения которых не везде были условия; нельзя надеяться, что сам по себе демократический метод произведет их. И повсюду этот самоконтроль существует лишь до определенных пределов» [Й. Шумпетер, 1995 [1942], с. 385–386].

политических институтов, но и политический ландшафт в целом и формы символической репрезентации власти как в глазах ее собственных представителей и властных групп, так и в глазах масс носят явно выраженный архаический, досовременный характер. Представления держателей власти и ее «клиентов» о том, что власть может быть воплощена в персоне «первого лица» и присвоена властными группами, а судьба страны отождествлена с их собственной судьбой, является яркой иллюстрацией подобных архаических политических представлений и запросов. Последние, в свою очередь, служат питательной средой для обращенных к власти требований «простоты» и порядка, наведения которого ожидают от вмешательства «суверена». Основной институциональный дизайн российской политики на уровне институтов был создан в 90-е годы. Сегодня на повестке дня стоит новая задача: «функциональная демократизация» существующей политической системы в интересах русского большинства, а не правящих корпораций. По сути дела, речь идет о формировании демократического большинства, нацеленного на перемены, главный вектор которых заключался бы в расширении шансов миллионов людей на массовое политическое, экономическое и социальное участие. Такая демократизация требует перестройки политической системы современной России в духе «ликвидационной революции» (термин русского марксиста начала прошлого века Александра Богданова), которая привела бы к ликвидации характерных для нее рудиментов режима личной власти, авторитаризма, постоянного изменения правил политической игры в пользу «партии власти» и т. д. На этом пути уроки современной демократии в редакции Клода Лефора могут оказаться весьма полезны для создания не только будущего политического устройства, но и самой новой, демократической России.

**В данной статье использованы результаты исследований, полученные в ходе реализации в 2013 г. научно-исследовательского проекта «Демократия как символический порядок Современности: концепция Клода Лефора и возрождение “политического” во французской политической мысли на рубеже XX–XXI вв.», выполненного при поддержке факультета философии НИУ-ВШЭ.*

Литература:

- Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. М. 1990.
- Кайуа Р. Социология палача // Кайуа Р. Статьи и эссе по социологии культуры. М. 2007. С. 207–223.
- Канторович Э. Два тела короля. Исследование средневековой политической теологии / пер. с англ. М. 2014 (1957).
- Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.Л. Нацистский миф / пер. с франц. СПб. 2002.
- Лефор К. Вопрос о демократии // Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). М. 2000 (1983). С. 15–30.
- Лефор К. Права человека и провиденциальное государство // Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). М. 2000 (1984). С. 31–63.
- Лефор К. Постоянство теолого-политического? // Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). М. 2000 (1981). С. 269–323.
- Лефор К. Очерк генезиса идеологии в современном обществе // Лефор К. Формы истории. СПб. 2007 (1974). С. 274–326.

- Манан П.* Общедоступный курс политической философии / пер. с франц. М. 2004 (2001).
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре (II, 3) // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. 1969 (1761).
- Штраус Л.* Что такое политическая философия? // Штраус Л. Введение в политическую философию. М. 2000 (1954/1955). С. 9–49.
- Шумпетер Й. А.* Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. М. 1995 (1942).
- Элиас Н.* Общество индивидов / пер. с нем. М. 2001 (1996).
- Lefort C.* L'Invention démocratique. Les Limites de la domination totalitaire. Paris. 1981.
- Lefort C.* Le myth d'Un et dans le fantasme et dans la réalité politique // *Psychanalystes*. 9. 1983.
- Lefort C.* Writing: The Political Test. Durham; London. 2000.
- Manent P.* The Return of Political Philosophy // *First Things*. 2000. vol. 103: 15–22.
- Manent P.* Democracy without Nations? The Fate of Self-Government in Europe. Wilmington (Del.). 2007.
- Méthivier J.* L'ancien régime. Paris. 2002.
- Rosanvallon P.* Democracy Past and Future. New York. 2006.

УДК 321.01; 35; 316; 17

Иллари́я БАЧИЛО

Дееспособность государства и проблемы управления

Аннотация. Последняя книга Френсиса Фукуямы «Угасание государственного порядка» вливается в поток философских, политологических, социологических и правовых исследований о судьбах современного мира. Если предыдущие работы этого ученого предупреждали общество об угрозах технологического прогресса, то здесь в центре внимания другая опасность — ослабление государственного управления. На обширном опыте истории и современности автор исследует такие институты, как государство, главенство закона, представительство, нация, размышляет о классификации различных функций государства, о соотношении «хорошего» и «плохого» правительства и о многом другом.

Ключевые слова: институты, институционализация, государство, управление, закон, функции государства, представительство, политический порядок, политический упадок.

Рецензия на книгу: **Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка / Пер. с англ. К.М. Королева. М. 2017.**

Оригинал: Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Present Day. N. Y. 2014.

Последняя книга Френсиса Фукуямы «Угасание государственного порядка», недавно переведенная на русский язык, вливается в поток философских, политологических, социологических и правовых исследований о судьбах современного мира. Если предыдущие работы этого ученого предупреждали общество об угрозах технологического прогресса, то здесь в центре внимания другая опасность — ослабление государственного управления. На обширном опыте истории и современности автор исследует такие институты, как государство, главенство закона и представительство, размышляет о формировании нации, о соотношении «хорошего» и «плохого» правительства.

Имя Френсиса Фукуямы хорошо известно всем интересующимся судьбой современного мира. Американский философ, социолог и футуролог в 1989 г. взволновал читателей нашумевшей статьей «Конец истории?», положения которой были затем развиты в труде «Конец истории и последнего человека» [Фукуяма Конец истории, Fukuyama

Сведения об авторе: БАЧИЛО Иллари́я Лаврентьевна — главный научный сотрудник сектора информационного права Института государства и права РАН; профессор; доктор юридических наук; illaria1@rambler.ru.

1992]. Его новая книга посвящена либеральной концепции возможного государственного порядка в эпоху новых вызовов XXI в. и продолжает его же работу «Сильное государство», изданную в России в 2006 г. [Фукуяма 2006]

Спустя десять лет автор вновь обращается к реалиям развития социума. Свое внимание к категории политических (а по существу — социальных в широком смысле) институтов Ф. Фукуяма объясняет тем, что «институт — не более чем правило, которое действует в течение долгого времени, люди, следовательно, выказывают “органическую” склонность к институционализации своего поведения. Благодаря символической ценности, которой их обычно наделяют, институты являются структурами крайне консервативными, устойчивыми к изменениям» [Фукуяма 2017, с.16]. Фукуяма пишет: «Если мы хотим разобраться в череде быстро сменяющихся друг друга политических и экономических событий современного мира, важно поместить их в контекст истории институциональной структуры общества» [Фукуяма 2017, с. 14].

В самом деле, исследование отношений людей и их различных ассоциаций в условиях формирования информационного глобального общества первой четверти текущего столетия настоятельно ставит в центр внимания проблему политических и социальных институтов. Реалии информационного общества *весьма существенно влияют на правовую среду* — как в национальном, так и международном аспектах. Информационное право как специальная отрасль правовой системы (комплексной по сфере исследования, ибо информационные процессы затрагивают все стороны жизни социума) позволяет наблюдать за трансформацией многих социальных институтов, в первую очередь государства и всех модификаций государственной жизни, под влиянием усвоения и применения новых информационных технологий [См. Концепция...; Бачило; Информационное...].

Рассуждая об институтах государства, законов и представительства, Фукуяма пишет: «На мой взгляд, развитие этих трех комплексных институтов становится универсальным требованием для всех человеческих обществ. <...> По большому счету, не существует никакой альтернативы современному обезличенному **государству** как гаранту порядка и безопасности и как источнику необходимых общественных благ. **Главенство закона** является принципиальным условием экономического развития; без четко оговоренных имущественных прав и гарантий исполнения контрактов компаниям чрезвычайно тяжело вырваться из узких кругов доверия. Кроме того, в той мере, в какой закон закрепляет неотъемлемые права физических и юридических лиц, он признает достоинство агентов рынка и тем самым приобретает дополнительную значимость. Наконец, **демократическое участие** есть не просто контроль деятельности правительства, позволяющий снизить уровень злоупотреблений, коррумпированности или тирании. Политическая структура сама по себе является целью, одним из основных аспектов свободы, обогащающей жизнь индивида» [Фукуяма 2017, с. 47–48]. (Выделено мной. — И. Б.)

Автор отмечает, что для США в «предыдущем поколении размышления о государстве и об эффективном исполнении государственной власти были не слишком популярны».

лярным занятием. Рейган: «правительство не является решением наших проблем, правительство само по себе проблема <...> Однако нельзя не замечать хорошо заметную корреляцию между качеством государственного управления и экономическими и социальными успехами» [Фукуяма 2017, с. 49–50].

Специальное внимание при рассмотрении проблем современного государства уделяется теме *государственных функций*. Фукуяма выделяет следующие разряды функций: **минимальные** (чисто общественные блага — оборона, закон, права собственности, макроэкономическое управление, здравоохранение, «прирост» справедливости, забота о бедных), **промежуточные** (образование, защита окружающей среды, антимонопольное законодательство, преодоление дефицита информации, финансовое регулирование, социальное страхование) и **деятельные** (промышленная политика, перераспределение богатства) [Фукуяма 2017, с.71]. Это представляет интерес для отечественных специалистов, поскольку в исследованиях по информационному праву РФ (в аспекте развития такого института, как электронное правительство, и в целом — в процессе правового регулирования информационно-коммуникационных отношений) поставлен вопрос об *анализе и классификации функций органов исполнительной власти* (по терминологии США — правительства) и повышении роли электронных технологий в системе публичного управления [Систематизация...].

Касаясь пороков современного государства (бюрократии, коррупции, влияния патроната на реформы, клиентелизма¹, краха «системы добычи» и др.), Фукуяма затрагивает такие темы, как институт формирования нации, соотношение «хорошего» и «плохого» правительства [Фукуяма 2017, с. 51–250].

Остановимся на соображениях автора «о процессах государственного строительства и модернизации государственного сектора». Фукуяма рассматривает два пути формирования стратегии, «которую современные развивающиеся страны могут использовать для избавления от коррупции и патроната». Первый — военное соперничество и «путь государственной модернизации». Второй — мирные политические реформы, которые опираются на коалицию социальных групп, заинтересованных в эффективном и некоррупционном правительстве. Фундаментом при этом, по его мнению, является процесс социально-экономической модернизации [Фукуяма 2017, с. 235–236].

Фукуяма рассуждает, в частности, о сильной («веберовской») бюрократии и о внедрении «либерального принципа главенства закона с независимыми судами и профессиональными судьями» [Фукуяма 2017, с. 247]. По его мнению, опыт США говорит, что «государственное строительство является прежде всего политическим актом». При этом важно придерживаться набора формальных правил (например, найма должностных лиц на основе заслуг, а не по личным связям), хотя это и сложно, потому что вредит интересам некоторых «укоренившихся» политических акторов, извлекающих выгоду

1 Клиентелизм он определяет как обмен голосов и политической поддержки на индивидуальные привилегии, а не на «программную политику» и отличает от элитной системы патроната, где масштабы этого явления менее упорядочены [Фукуяма 2017, с. 237].

из статус-кво. Государственное строительство, согласно Фукуяме, — «тяжелая работа, занимающая много времени» [Фукуяма 2017, с. 249]. (Обратим внимание на термин «государственное строительство», который в российской практике уже почти не употребляется.)

Правовые проблемы современного общества (*главенство закона*) рассматриваются в контексте истории различных государств. Закон как политический институт в ряде стран возник на базе религии — еще до того как сформировалось государство. «Развитие современных государств, однако, требует специфических стратегий политического перехода от коллектива семьи и друзей к обезличенному управлению. Китай стал первой антипатримониальной цивилизацией» [Фукуяма 2017, с. 18]. «Главенство закона сильнее всего институализировано в Западной Европе, что объясняется ведущей ролью Римской католической церкви. <...> В Западной Европе закон появился первым из трех основных институтов. <...> В Китае сначала сформировалось государство, и до настоящего дня закон не применяется в качестве основополагающего ограничения политической власти. В Европе же происходило наоборот: торжество закона предшествовало развитию современного государства» [Фукуяма 2017, с. 20]. В то же время «в России сформировалась наиболее развитая форма абсолютизма — самодержавие» [Фукуяма 2017, с. 21].

Значительная часть работы посвящена факторам, влияющим на процессы институционального характера (на примере ряда государств). Интересен опыт Аргентины, население которой оказалось «наиболее европеизированным среди населения стран Латинской Америки» [Фукуяма 2017, с. 315]. Фиксируя периоды взлетов и падений в политической культуре управления этой страны, Фукуяма отмечает: «Аргентина родилась “с чистого листа”. В отличие от Мексики и Перу, она не унаследовала общества, чрезмерно стратифицированного по классовой и этнической принадлежности. Она преуспела в первые годы именно потому, что сумела воспринять, подобно британским переселенцам, весь набор практик либеральной экономической политики, поощрявшей предпринимательство и экономический рост. Затем политическая элита Аргентины превратила страну в поляризованное, разделенное на классы общество, раскол которого сделал невозможным достижение согласия в отношении разумной, ориентированной на рост экономической политики. Эта элита включала прежнюю олигархию, которая боялась потерять власть и социальный статус, военных, которые стремились защитить свою автономию, руководство пролетариата, уже располагавшее некоторыми льготами и привилегиями, и тех, кто был лоялен личности, а не политике» [Фукуяма 2017, с. 324]. Так Аргентина растратила много естественных преимуществ, поскольку ее элита преувеличивала опасность социальных изменений, а также поведения своих лидеров, заключает Фукуяма. Экскурс в аргентинскую ситуацию позволяет увидеть критерии, по которым автор оценивает развитие многих государств и в XXI в.

Интересен содержащийся в книге обзор истории Китая и Японии. Эти страны, как и другие азиатские общества Востока, смогли создать сильные государства до контактов с Западом. По мнению Фукуямы, проблема азиатских стран не в слабой государственности, а в неспособности сдерживать государство. В частности, в Японии, где

законы вводились под иностранным давлением, бюрократическая автономия полностью вышла из-под контроля [Фукуяма 2017, с. 381]. Заимствованные и навязанные кодексы, которые составляют современное японское законодательство, здесь действуют совершенно иначе, нежели в Европе или в Северной Америке. Япония, как и прочие азиатские страны, всегда отличалась менее «сутяжной» природой, чем США. Количество юристов и судебных исков на душу населения неуклонно снижалось на протяжении трех десятилетий после окончания войны на Тихом океане. Японцы гораздо охотнее обращаются в арбитраж и прибегают к неформальным способам разрешения разногласий, чем жители Запада. Попытки импортировать институты и строже контролировать бюрократический аппарат, замечает автор, провалились [Фукуяма 2017, с. 398]. Даже при новой демократической конституции бюрократия осталась средоточием японской политики. «Японская бюрократия была мощнее прочих элементов местной политической системы, но после войны она не смогла обрести той централизованности и значимости, какие свойственны ее китайскому «прототипу»» [Фукуяма 2017, с. 399]. Автор отмечает, что гражданское общество Японии получило стремительное развитие, но его способность мобилизоваться ради достижения политических целей остается слабой. И это компенсируется иностранным давлением.

Что касается Китая — он, полагает Фукуяма, «представляет собой единственную мировую цивилизацию, которая так и не пришла к подлинному главенству закона» [Фукуяма 2017, с. 405]. Традиционная китайская культура «испытывала враждебность к самой идее закона. Конфуцианцы считали, что человеческая жизнь должна регулироваться не формальными, писаными законами, а моралью. Все строится на культивировании *ли*, надлежащего нравственного поведения, которое достигается посредством образования и правильного воспитания» [Фукуяма 2017, с. 406]. Была школа легистов в Древнем Китае, но со временем она исчезла. Китайские конституции начала XX в., по мнению автора, были малосодержательны. В гражданском кодексе в 1929–1930 гг. появились нормы, которые действуют и сейчас. Фукуяма отмечает восстановление законности после 1978 г. и постепенное увеличение в Китае «количества формальных законов и неформальных правил, которые определяют и, следовательно, ограничивают деятельность и полномочия власти на низших уровнях» [Фукуяма 2017, с. 414]. «Обеспечение главенства закона, которое будет ограничивать политическую власть, является для Китая, таким образом, задачей, подлежащей решению», — считает он [Фукуяма 2017, с. 418]. Специальная глава посвящена вопросу, «почему Китаю необходимо демократическое представительство» [Фукуяма 2017, с. 419–436].

В третьей части книги Фукуяма рассуждает о том, почему вообще в мире «распространяется демократия».

В качестве возможных ответов указываются три причины: распространение идеи демократии; влияние экономических факторов; углубление разделения труда. При этом речь идет в основном о либеральной демократии. Любопытен взгляд на ее связь со стратификацией населения и социальным неравенством. «Наличие многочисленного среднего класса не является ни достаточным, ни необходимым условием либеральной демократии. Но средний класс весьма полезен для ее стабильности. <...> Но что про-

изойдет с либеральной демократией, если средний класс сменит курс и начнет сжиматься?» [Фукуяма 2017, с. 502]. Автор замечает, между прочим, что в США одному проценту богатейших семей в 1970 г. принадлежало 9% ВВП, а в 2007 г. — уже 23,5%.

Одна из исследуемых в книге проблем — в какой мере суды и законодательная власть определяют деятельность правительства и как «конкуренция законов» снижает его эффективность [Фукуяма 2017, с. 523–530]. Напомнив, что модель «закон — государство — демократия» (присущая Великобритании, Франции, Германии) в США реализовалась в иной последовательности, а именно как «демократия — государство — закон», автор отмечает: попытки во время «нового курса» Ф. Рузвельта построить в США административное государство европейского типа провалились, однако к середине XX в. более «сговорчивые» суды поменяли позицию в пользу укрепления административного государства. Результатом стало колоссальное расширение нормативной базы государства во второй половине XX в. Как пишет Фукуяма, «Конгресс постановил создать “скопище аббревиатур” — федеральных агентств с названиями наподобие ЕЕОС EPA, OSHA¹ и так далее, — но не пожелал однозначно делегировать новым органам полномочия нормотворчества и права принуждать к выполнению законов², аналогичные правам европейских и японских государственных учреждений» [Фукуяма 2017, с. 530].

При этом американцы по-прежнему весьма подозрительно относятся к «большому правительству» и федеральным агентствам. «Вместо того чтобы обеспечить федеральную бюрократию надлежащим правом действовать, — свидетельствует автор, — “республиканцы в сенате совершили решающий шаг... приватизировав, по сути, прокурорские функции”», что породило большое количество частных исков и в разы увеличило расходы на адвокатов [Фукуяма 2017, с. 531–532].

Фукуяма критически оценивает такую практику. «Вследствие использования судов в качестве инструмента принуждения они превратились из механизма ограничения полномочий правительства в органы, благодаря которым масштабы правительства чрезвычайно разрослись» [Фукуяма 2017, с. 532]. Консерваторы, подчеркивает он, «часто не понимают, что именно сильное недоверие к правительству вынуждает американскую систему использовать гораздо менее эффективный подход к управлению, чем в демократиях с более сильной исполнительной властью» [Фукуяма 2017, с. 533]. Такая децентрализация управления хорошо уживается с влиянием групп интересов, имеющих выходы на Конгресс и возможность использовать судебную систему для прямых исков против правительства [Фукуяма 2017, с. 533].

В книге разбирается, как пресловутые группы интересов сменили клиентелизм XIX в. и как они влияют на качество государственной политики и сам облик демократии. Фуку-

1 Комиссия по соблюдению равноправия при трудоустройстве, Агентство по охране окружающей среды, Управление охраны и безопасности труда.

2 Как не вспомнить аналогичную волну перестройки советского и, позже, российского аппарата и последствия, которые ощущаются в организации управления по сей день.

яма фиксирует темпы роста числа лоббистов и групп интересов в Вашингтоне. В 1971 г. зарегистрированных лоббистских компаний было 175, через десять лет их стало 2500, а в 2013 г. — более 12 тыс. При этом значительно меняется положение номинально установленных корпоративных структур. Лишь немногие американские корпорации платят налоги полностью, поскольку договариваются об особых льготах и даже об освобождении от налогов. В современных США, пишет Фукуяма, «элита говорит на языке свободы, но совершенно счастлива пользоваться привилегиями» [Фукуяма 2017, с. 537].

«Плюралистическая» теория утверждает, что соперничество подобных групп между собой служит формированию и выражению общественных интересов. Однако, по мнению автора, из-за своих чрезмерно узких устремлений они лишают представительскую демократию возможности выражать подлинные интересы общества [Фукуяма 2017, с. 543].

Простые американцы обыкновенно презирают группы интересов и власть последних над Конгрессом. Им ясно, что демократический процесс искажается или «присваивается». «В результате общественное доверие к Конгрессу упало до беспрецедентно низкого уровня — чуть выше 10 процентов» [Фукуяма 2017, с. 539]. Принято считать, что «главенство закона обеспечивает индивидам базовую защиту от тирании государства» [Фукуяма 2017, с. 545], но во второй половине XX в., отмечает Фукуяма, «закон во многом утратил функцию “ограничителя” правительства и превратился в инструмент расширения государственной власти» [Фукуяма 2017, с. 545].

Автор свидетельствует, что американская система сдержек и противовесов стала ветократией, проигрывающей механизмам коллективных действий в других демократических странах [Фукуяма 2017, с. 547]. Показывая (в том числе графически) соотношение политического участия и стоимости решений, применение в сложных случаях права вето, сближение позиций «одобряю» и «не одобряю» в оценке деятельности важнейших институтов управления, Фукуяма демонстрирует процесс «угасания государственного порядка». При этом он замечает, что и Европейский союз становится похожим на США [Фукуяма 2017, с. 547–566].

«Система сдержек и противовесов, — заключает автор, — которая “выпячивает” группы интересов и не выражает интересов большинства, не может быть исправлена посредством косметического ремонта. <...> Вряд ли имеет смысл делегировать больше автономии исполнительной власти до тех пор, пока эта ветвь не обновится и пока бюрократия не будет реформирована» [Фукуяма 2017, с. 566]. Однако подходить к критике бюрократии и реформированию современного государства следует, по мнению Фукуямы, осмотрительно. «Современный кошмар — чиновник требует подготовить целую гору документов, прежде чем принять крошечное решение. Многие попытки реформ американского государственного сектора предусматривали “демонтаж” регламентов и предоставление большей свободы для управленческих решений. Как, в таком случае, согласовать реальность с постулатом, что хорошее правительство опирается на строгие правила?» [Фукуяма 2017, с. 570].

Дееспособность государства и качество управления зависят не только от «бюрократической автономии». На них влияют рост достатка и уровня образованности населения, развитие технологий доступа к информации и т.д. Все это затрудняет реализацию полномочий бюрократии. Тема сложности управленческой работы может рассматриваться и через ресурсы, в связи с проблемой достойной оплаты труда чиновников. Так, на государственные услуги в США в год тратится около 17 тыс. долл. на душу населения, что, например, в тысячу раз превышает аналогичные затраты в Афганистане.

В главе «Политический порядок и политический упадок» Френсис Фукуяма отмечает: «один из трагических аспектов человеческой истории состоит в том, что насилие является неотъемлемой частью политического развития и проявляется в разнообразнейших формах; особенно это касается создания современных государств» [Фукуяма 2017, с. 601]. «Насилие [наряду с конкуренцией — И.Б.] часто необходимо, — считает он, — для преодоления институциональной ригидности и политического упадка. Последний наступает, когда политические акторы “врастают” в политическую систему и блокируют возможности институциональных изменений» [Фукуяма 2017, с. 603].

Возвращаясь к трем политическим универсалиям (государство, закон, демократия), автор напоминает об очень важной проблеме — правах человека: «индивидуальные права — свобода слова, свобода собраний, свобода критики и право участвовать в политике — означают признание государством достоинства своих граждан» [Фукуяма 2017, с. 606].

Наконец, заходит в книге речь и о «модели будущего»: «Означает ли присутствие следов политического упадка в современных демократиях, что как таковая модель сбалансированного управления, “уравновешивающая” государство, закон и представительство, порочна по своей сути? Безусловно, нет: все общества, авторитарные и демократические, подвержены упадку с течением времени. Реальная проблема заключается в их способности адаптироваться и в конечном счете исправить ситуацию. Я не верю в наличие системного “кризиса управляемости” в либеральных демократиях. <...> Демократическая политическая система часто медленнее реагирует на нарастание трудностей, чем авторитарная, но когда это происходит, нередко она действует более решительно, на основе широкого консенсуса» [Фукуяма 2017, с. 612].

Автор показывает, что неспособность эффективно управлять затронула и США. Но книга «Угасание государственного порядка» представляет интерес прежде всего для понимания общего (глобального) процесса трансформации в условиях XXI в. важнейших институтов управления: государства, закона, представительства.

Как меняются и могут измениться эти институты под влиянием бурного развития информационных технологий, а также биотехнологий и использования искусственного интеллекта? К сожалению, в рассматриваемой работе такой вопрос не затрагивается. Однако весьма важно понять, насколько новые технологические вызовы, действующие на саму природу человека и социума, могут повлиять на исторически сформированные институты власти и права. Частично эти проблемы Френсис Фукуяма осветил в своем более раннем труде «Наше постчеловеческое будущее» [Фукуяма Наше..., Fukuyama 2002].

Литература:

Бачило И.Л. Информационно-инструментальный подход к использованию информационного ресурса в инфраструктуре государственного управления // Новые вызовы и угрозы информационной безопасности: правовые проблемы. ИГП РАН М. 2016.

Информационное общество и информационная безопасность. Труды ИГП РАН. 2016.

Концепция информационного кодекса Российской Федерации. ИНП РАН М. 2014.

Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления /под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М. 2016.

Фукуяма Ф. Конец истории и последнего человека М. 2004.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М. 2004.

Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М. 2006.

Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М. 2017.

Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. N.Y. 2002.

Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Present Day. N.Y. 2014.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y. 1992.

Authors

Illariya BACHILO — Chief Researcher, The Institute of State and Law, RAS; Doctor of Juridical Science; Professor; illaria1@rambler.ru.

Xin CHZHAO — Senior Lecturer, Beijing Foreign Studies University; Postdoctoral Researcher, Chinese Academy of Social Sciences; Ph.D in Economic Sciences; xinxin88@mail.ru.

Timofey DMITRIEV — Associate Professor, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; PhD in Philosophy; tdmitriev@hse.ru.

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Maksim POTAPOV — Chief Researcher, the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; Doctor of Economics; mpotapov2@yandex.ru.

Aleksander SALITSKY — Chief Researcher, the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; Doctor of Economics; sal.55@mail.ru.

Nelli SEMYONOVA — Researcher, Institute of Oriental Studies RAS; semenovanelli-2011@mail.ru.

Alexey SHAKHMATOV — Head of the Secretariat of the Board Chairman of Gazprom; Doctor of Economics; ashakh@gazprom.ru.

Natalia TRAVKINA — Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Vladimir KONDRATEV

THE END OF GLOBALIZATION: TOWARDS A NEW CAPITALISM

Abstract. *Recently the expert community, business circles and mass media began to speak about the end of globalization. Such discussions were triggered by Brexit which was viewed as a sign of a changing attitude towards both the European and global integration. In fact the globalization model, which has been receiving a powerful boost since the late 1980s, began to malfunction well before the British referendum. This is caused not only by the growing social rejection of the globalization process, but also by new economic factors. The article reviews the impact of such factors as digital technologies, decentralization of global governance, the evolving role of transnational business, and so on.*

Keywords: *globalization, transnational corporations, global companies, international trade, capital flows, digital technologies, global governance.*

Petr YAKOVLEV

RUSSIAN ECONOMY DEVELOPMENT: STRATEGIC ALTERNATIVES

Abstract. *The problems of the Russian economy are both old and chronic, and therefore they do not lend themselves to “simple” macroeconomic, budgetary and financial solutions. The purpose is to develop a new strategy of social and economic development. The existing alternatives for modifying the current economic growth model in Russia reflect significant differences in the conceptual views about the future of the country entertained by influential groups in the Russian establishment.*

Keywords: *Russia, economic policy, financial and economic crisis, macroeconomic indicators, Russian economy, growth model, CSR program, growth economics, Glazyev program.*

Natalia TRAVKINA

TRUMPISM IN POWER: CONTINUED CONFRONTATION

Abstract. *Inauguration of D. Trump as the US President essentially moved the “revolution” which he declared from the declaration stage to the area of implementation. However, the new president is facing an unusual problem of retaining the hard-won power. The first few months of Trump’s presidency were marked by continuation and deepening of internal conflicts in the American establishment. All that revealed an obvious trend towards building up of the crisis manifestations that affect all branches of the US federal government — executive, legislative and judicial.*

Keywords: *D. Trump, US domestic politics, presidential campaign, Trumpism, Trump administration, impeachment.*

Natalia TRAVKINA

150 DAYS OF PRESIDENCY: ARMAGEDDON FOR DONALD TRUMP

Abstract. *The article reviews the main results of the first 150 days of Donald Trump's presidency. In the course of these five months the US economy has made some gains. Nevertheless, the US found itself in a situation of acute confrontation between the White House and the Washington's halls of power. It appears that the program of domestic political reforms announced by D. Trump during the election campaign has been blocked in Congress. Investigations related to his "connection to Russia" and "Russian involvement" into the electoral process in the United States acquired a new shape and became even more provocative. The idea of impeaching the president has begun to proliferate. The most important aspect of this confrontation is that Trump has become a victim of "cyber witch hunting" because of his anti-globalist posture.*

Keywords: *Trump's team, impeachment, socio-economic results, trump's personality, narcissism, cyberattacks, open society, closed society.*

Petr YAKOVLEV

CHOICE BEFORE EUROPE: HISTORICAL OPTIONS FOR THE IBERIAN COUNTRIES

Abstract. *During the 2008 — 2009 financial and production crisis Spain and Portugal were confronted with dramatic internal and external shocks. Since that time the Iberian countries have been undergoing a transition phase and have witnessed changing trends in their economic and political development. Certain modifications have also been taking place in the sphere of international relations of these countries, in their regional and global partnerships. All this is an integral part of changes that are brewing within the European Union in the year of the 60th anniversary of the Treaty of Rome.*

Keywords: *Spain, Portugal, European Union, Iberian countries, crisis, economic development, macroeconomic indicators, internal political landscape, new trends.*

**Maksim POTAPOV, Aleksander SALITSKY, Nelli SEMYONOVA,
Alexey SHAKHMATOV, Xin CHZHAO**

WILL THE WEST TAKE CREDIT FOR CHINA'S GROWTH?

Abstract. *The authors are setting the Western-centric concepts of global development against a totally different approach, alleging that history of the Western, European civilization is the history of endlessly appropriating others' resources and heritages. Even being in the shell of its prototype — the Ancient Rome — Europe has adopted the entire culture of the Ancient Greece and then pushed its progenitor to the Orient and began to perceive the latter through the curved prism of Orientalism, while transforming itself into the West. An attempt is being made in our time to convert China's success into an object of acquisition. The mes-*

sage from Western assessments of the Chinese impressive growth boils down to the idea that China owes its dynamic development to capitalism and to the West.

Keywords: *eurocentrism, western-centrism, European civilization, West, East, orientalism, china's growth, Chinese model.*

Timofey DMITRIEV

DEMOCRACY AS A SYMBOLIC ORDER OF MODERN SOCIETY: CLAUDE LEFORT'S VERSION

Abstract. *The concept developed by the French political philosopher Claude Lefort takes a special place in modern scholarly discourse concerning democratic experience. The gist of the concept developed by C. Lefort's and his followers is viewing democracy as a symbolic order of the modern age. Such approach involves not only studying practices and institutions of power, but also investigating the forms of its symbolic representation. The article analyzes the key ideas of C. Lefort's concept and its contribution for the theoretical debate on democracy. It points out the dual response to this concept by the French academic and intellectual community.*

Keywords: *Claude Lefort, democracy, symbolic order, theory of democracy, debate on democracy.*

Illariya BACHILO

STATE CAPACITY AND PROBLEMS OF GOVERNANCE

Abstract. *Francis Fukuyama's last book, "Political Order and Political Decay" (2014), published in Russian in February 2017 under a slightly different title, combines philosophical, political, sociological, and legal perspectives on the fate of the modern world. While the previous works by the scholar have warned of the threats associated with technological progress, this time the focus is on another danger - the decay of State governance. Involving an extensive survey of history and recent developments the author explores such institutions as State, rule of law, political representation, nation and others. The book considers also the difference among various state functions, between good and bad governance and many other issues.*

Keywords: *institutions, institutionalization, state, governance, administration, law, state functions, representation, political order, political decay.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2017

№ 2 (10)

(апрель–июнь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2017

№ 2 (10)

(April–June)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87